

**Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
(ИККА РАН)**

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования»

ЭЛ № ФС 77-86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Добринская О.А, к.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н., Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Добринская О.А, к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н., Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Дацьшен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Добринская О.А., к.и.н., Кириченко М.А., Нелидов В.В., к.и.н., Стрельцов Д.В., д.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика
5.2.5 Мировая экономика
5.5.2 Политические институты, процессы, технологии
5.5.4 Международные отношения
5.6.2 Всеобщая история
5.6.4 Этнология, антропология и этнография
5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences
6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

Non-profit organization “Association of Japanologists”

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Dobrinskaya Olga A., PhD(History)

Editorial Board: Grishachev Sergei V., PhD (History), Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Streltsov Dmitry V., DSc (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishkek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Dobrinskaya Olga A., PhD (History), Kirichenko Mariya A., Nelidov Vladimir V. PhD (History), Streltsov Dmitry V. DSc (History)

OECD Fields of Science:

- 5. Social sciences
- 6. Humanities

СОДЕРЖАНИЕ

Исследовательские статьи

- Гончар В.В., Поволоцкий В.Д.* Японский Красный Крест и его деятельность по оказанию помощи русским военнопленным в 1904—1905 гг. 5
- Корнеев К.А., Шахрай С.М.* Оценка общей эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае 21
- Сукиасянц Н.Н.* Правовые основы деятельности тюремных священнослужителей в пенитенциарной системе Японии 49
- Хронопуло Л.Ю.* Русалка как метафорический образ в малой прозе японских писателей XX—XXI вв.: традиционные и заимствованные мотивы 67
- Горячева Е.А.* Отношение японцев к медиасфере: особенности восприятия и критического осмысления 84
- Лебедева И.П.* О трансформации японского общества 107
- Торопыгина М.В.* Печать наборным шрифтом в Японии конца XVI — второй половины XIX веков: нерешенные загадки и дискуссионные вопросы 127
- Францева Н.А.* Психиатрическая помощь в Японии: от изоляции к инклюзии? 149

Рецензии

- Кульнева П.В.* Японское общество: меняющееся и неизменное. Рецензия на монографию Лебедевой И.П. «Япония в XXI веке. Социальная структура, социально-экономические проблемы» 171

Научная жизнь

- Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Парамонов О.Г.* Семинар «Выборы в Японии: сменится ли вектор политического развития страны?» 180

CONTENTS

Research articles

- Gonchar V.V., Povolotsky V.D.* The Japanese Red Cross Society and its activities in providing assistance to Russian prisoners of war in 1904—1905 5
- Korneev K.A., Shakhrai S.M.* Assessment of the overall effectiveness of institutions for the development of hydrogen energy in Japan and China 21
- Sukiasyants N.N.* Legal foundations of prison chaplaincy in the Japanese penitentiary system 49
- Khronopulo L.Yu.* The mermaid as a metaphorical image in short fiction by Japanese writers of the 20th—21st centuries: Traditional and borrowed motifs 67
- Goriacheva E.A.* The Japanese public and the media: Modes of perception and critical reflection 84
- Lebedeva I.P.* About the transformation of Japanese society 107
- Toropygina M.V.* Typesetting in Japan from the late 16th to the second half of the 19th century: Unsolved mysteries and controversial issues 127
- Frantseva N.A.* Mental health care in Japan: From isolation to inclusion? 149

Book reviews

- Kulneva P.V.* Japanese society: The changing and the unchanged
Review of monograph by I.P. Lebedeva, *Japan in the 21st Century. Social Structure, Socio-Economic Problems* 171

Academic events

- Streltsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V., Paramonov O.G.* Seminar
“Elections in Japan: Will the Vector of the Political Development Change?” 180

В.В. Гончар, В.Д. Поволоцкий

Японский Красный Крест и его деятельность по оказанию помощи русским военнопленным в 1904—1905 гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности Японского общества Красного Креста (ЯОКК) по организации и непосредственному оказанию медицинской и гуманитарной помощи раненым и больным российским военнопленным и интернированным лицам во время Русско-японской войны (1904—1905 гг.). Выяснено, что с момента присоединения Японии к международному движению Красного Креста в 1886 г., гуманитарная деятельность в рамках этой организации была основана на западных ценностях и практиках того времени с вовлечением как штатных сотрудников, военных медиков, так и волонтеров. Авторы, на основе японской статистики, показывают общие объемы и масштабы проведенных Японским Красным Крестом спасательных операций, как на театре боевых действий, так и в тылу в период войны с Россией. Стремясь соответствовать идеалам западного гуманизма и подчеркивая свой нейтральный статус, ЯОКК пыталось повысить международный престиж Японии как «цивилизованной» страны, не просто путем соблюдения уже установленных международных принципов ведения войны, а создавая новые гуманитарные практики во время боевых действий. На примере известных исторических сюжетов Русско-японской войны, используя материалы японского происхождения, авторы рисуют картину деятельности общества, концентрируя внимание на накоплении сил и средств, проведение спасательных и гуманитарных операций, организацию эвакуационной, санитарной, медицинской и бытовой работы. Представляется также и работа рядовых членов общества, волонтеров по осуществлению квалифицированного сестринского ухода, решению хозяйственных вопросов и обустройству повседневной жизни пребывающих в японском плену больных и раненых российских солдат. В статье дана оценка этой деятельности от людей, непосредственно получивших помощь от японской стороны. Авторы делают вывод о том, что в изучаемый период ЯОКК, фактически являясь подразделением японских вооруженных сил, сыграло существенную роль не только в проведении новой гуманитарной политики японского руководства, но и было организатором сестринского дела в стране по американским и европейским моделям. Тем не менее, гуманитарии западного мира продолжали оценивать Японию как страну «второго порядка», нуждающуюся в наставничестве «западных учителей».

Ключевые слова: Русско-японская война, военнопленные, раненые, Красный Крест, медицинская помощь, Японский Красный Крест, Япония.

Авторы: *Гончар Владимир Владимирович*, доктор медицинских наук, профессор кафедры стоматологии КГБОУ ДПО Института повышения квалификации специалистов здравоохранения (адрес: 680009, г. Хабаровск, ул. Краснодарская, д. 9). ORCID 0000-0002-0200-6719. E-mail: goncharvv@mail.ru

Поволоцкий Владимир Дмитриевич, востоковед-филолог, переводчик японского языка КГБОУ ДПО Института повышения квалификации специалистов здравоохранения Министерства здравоохранения Хабаровского края (680009, г. Хабаровск, ул. Краснодарская, д. 9). ORCID 0000-0002-8366-574X. E-mail: vladpovo@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японский Красный Крест и его деятельность по оказанию помощи русским военнопленным в 1904—1905 гг. // Японские исследования. 2026. № 1. С. 5—20.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-5-20.

V.V. Gonchar, V.D. Povolotsky

The Japanese Red Cross Society and its activities in providing assistance to Russian prisoners of war in 1904—1905

Abstract. The article focuses on the study of the activities of the Japanese Red Cross Society (JRCS) during the Russo-Japanese War (1904—1905) in organizing and directly providing medical and humanitarian aid to wounded and sick Russian prisoners of war and internees. It was found that, since Japan's accession to the International Red Cross Movement in 1886, humanitarian activities within this organization were based on Western values and practices of that time, involving both full-time employees and volunteers. The authors display the overall volume and scale of rescue operations carried out by the Japanese Red Cross, both in the theater of military operations and in the rear during the war with Russia. Striving to match the ideals of Western humanism and emphasizing its neutral status, the JRCS tried to enhance the international status of Japan as a "civilized" country, not just by adhering to the already established international principles of warfare, but creating new humanitarian practices during military operations. Using the example of well-known historical events of the Russo-Japanese War, using materials of Japanese origin, the authors reconstruct the complete picture of the society's activities, focusing on the accumulation of forces and resources, conduct of rescue and humanitarian operations, organization of evacuation, sanitary, medical, and everyday support work. It also seems possible to presents the work of ordinary members of the society and volunteers to carry out qualified nursing care, solve economic issues, and arrange the daily life of the sick and wounded Russian soldiers in Japanese captivity. The article provides assessment of this activity by people who received direct assistance from the Japanese side. The authors draw a conclusion that, during the studied period, the JRCS, while actually being a part of the Japanese armed forces, played a significant role in implementing the new humanitarian policy of the Japanese leadership. The JRCS was also the organizer of nursing in Japan according to American and European models. However, Western humanities scholars continued to view Japan as a "second-tier" country in need of mentoring from "Western teachers."

Keywords: Russo-Japanese War, prisoners of war, wounded, Red Cross, medical care, Japanese Red Cross, Japan.

Authors: *Gonchar Vladimir V.*, Dr. Sci. Med., Professor.
ORCID: 0000-0002-0200-6719. E-mail: goncharvv@mail.ru

Povolotsky Vladimir D., Orientalist-philologist, Russian-Japanese interpreter, Postgraduate Institute for Public Health Workers, Khabarovsk, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-8366-574X. E-mail: vladpovo@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Gonchar, V.V., Povolotsky, V.D. (2026). Yaponskii Krasnyi Krest i ego deyatel'nost' po okazaniyu pomoshchi russkim voennoplennym v 1904—1905 gg. [The Japanese Red Cross Society and its activities in providing assistance to Russian prisoners of war in 1904—1905]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 5—20. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-5-20.

Введение

В современных отечественных научных публикациях, посвященных гуманитарным вопросам Русско-японской войны, отчетливо проявляется тезис о том, что эта война была «схваткой двух джентльменов» [Гущин 2007; Колоскова 2005; Федорова 2016]. Стремясь избавиться от былого феодального наследия и занять достойное место в ряду ведущих мировых стран, жителям Японии стали прививаться «сверху» европейские морально-нравственные модели поведения. Японское правительство разъясняло гражданам, что в соответствии с международными правилами русские пленные заслуживают не презрения и ненависти, а сострадания и заботы, поскольку они не преступники, а только воины, честно сражавшиеся за свою родину.

Японские источники дают противоречивые данные о количестве российских военнопленных в 1904—1905 гг. Сообщалось, что в ходе только основных сражений Русско-японской войны, проведенных сухопутными войсками и ВМФ Японии и России, общее количество российских военнослужащих, попавших в плен, составляло 79 367 человек. В их числе насчитывалось 24 генерала, 2223 старших и младших офицера, и прапорщика, а также 77 120 унтер-офицеров и солдат [Meiji sanjū.....1907]. По данным Японского информационного бюро по вопросам военнопленных, число российских подданных, попавших в плен до въезда в Японию, составляло 84 456 человек¹. Сообщалось также, что в ходе войны при различных обстоятельствах было освобождено 5620 россиян, временно считавшихся военнопленными, включая военнослужащих. Осуществлялось это путем транспортировки их из Порт-Артура в порт Чифу, обмена военнослужащих на поле боя или передачи по дипломатическим каналам из порта Кобе [Meiji sanjū...1907].

Исследования современных японских историков подчеркивают, что во время Русско-японской войны с военнопленными обращались с высокой степенью гуманности [Hiraiwa Takahiko 2004; Hotta Shin'ichirō 2004; Ookuma Hideji 2004]. Можно предположить, что во многом это заслуга Японского общества Красного

---

¹ Национальный архив Японии (Japanese Centres for Asian Historical Record) JACAR C06040142700 (Table).

Креста, которое взяло на себя миссию проводника внедрения в повседневную жизнь японского общества европейских морально-нравственных установок и социальных практик.

Изучение гуманитарной и медицинской составляющей этой войны продолжает базироваться в основном на отечественных архивных материалах и опубликованных документах, а также на статьях из периодических изданий. По нашему мнению, это связано со сложностью использования японских документов, политизированностью межгосударственных отношений, отсутствием активного гуманитарного, социального и экономического партнерства.

Источниками данной работы послужили документы и материалы японского происхождения. Опубликованные источники представляют собой информацию из периодической печати, научных статей и монографий. Большая часть информационного материала на японском языке была взята из электронной базы Государственной парламентской библиотеки Японии — National Diet Library (NDL) Digital Collections. Приведены также японские документы из электронной базы данных по истории международных отношений Японии под эгидой Национального архива Японии Japanese Centre for Asian Historical Records (JACAR) — Японский центр азиатских исторических записей.

Японское общество Красного Креста.

История Японского Красного Креста началась в 1877 г. с основания двумя членами парламента Сано Цунэтами (佐野常民) и Огю: Юдзүру (大給恒) (настоящее имя Мацудайра Нориката (松平乘謨)) «Благотворительного общества» (яп. 博愛社, «Хакуайся») по образцу французского Красного Креста (поводом послужили кровопролитные военные действия, возникшие в результате восстания Сайго Такамори). В 1886 г. Япония подписала Женевскую конвенцию, принятие которой было инициировано Международным обществом Красного Креста. В следующем году «Благотворительное общество» стало ядром Японского общества Красного Креста. Первым почетным президентом стал принц Комацу. Организацию постоянно поддерживала императорская семья и представители политической элиты. Средства для общества собирались не только путем добровольных пожертвований и организации различных благотворительных мероприятий, но и выделялись императорской семьей и государством. Количество членов ЯОКК увеличилось с 11,0 тыс. человек в 1887 г. до 889,0 тыс. человек в 1903 г., став в тот период самым большим по численности в мире [Якобзон1904]. Японское общество Красного Креста с начала XX столетия и до окончания Второй мировой войны представляло собой объединение, находившееся в ведении военного министерства и военно-морского флота. Указом, датированном декабрем 1901 г. ЯОКК предписывалось содействовать выполнению санитарных обязанностей армии и флота во время войны в пределах, установленных японским военным и военно-морским министрами. Во главе японских госпиталей Красного Креста стояли военные врачи, подчинявшиеся распоряжениям местных военных властей.

В 1890 г. ЯОКК начало обучать и нанимать медицинских сестер для проведения занятий. До этого, в 1869 г. Токийский императорский университет открыл школу по подготовке медицинских сестер по западным образцам. Однако уходу за больными в этом учебном заведении уделялось мало внимания, студенты обучались гигиене и санитарным мероприятиям в больнице. Программа подготовки медицинских сестер ЯОКК требовала трехлетнего обучения, причем первый год был посвящен теории, включая курсы анатомии, десмургии, дезинфекции, гигиены, инструментов, здоровья женщин, акушерства, а также базовую помощь в хирургии и медицинском лечении. Последние два года были посвящены практическим занятиям. Для получения диплома по окончании курса требовался итоговый экзамен, а дополнительные 6 месяцев обучения позволяли кандидатам стать старшими медицинскими сестрами. Впервые отряды медицинских сестер ЯОКК были задействованы для решения гуманитарных вопросов в период Японо-китайской войны (1894—1895).

Общество Красного Креста в мирное время могло организовывать свои лечебные учреждения для японского населения и содержать их за свой счет. Лечение в таких больницах, как правило, было платным. Врачи и медицинские сестры Красного Креста носили особую форму [Здравомыслов 1914].

Основываясь на уроках, извлеченных из деятельности общества по оказанию медицинской помощи во время Боксерского восстания (1899—1901 гг.), были проведены существенные реформы ЯОКК. В ходе этих преобразований были пересмотрены штатные единицы и должности в сторону их роста, а также организованы госпитальные суда, увеличены материальные ресурсы, проведены учения по оказанию медицинской помощи [Tachikawa 2008].

В японской литературе указываются общие силы и средства, задействованные в период Русско-японской войны по линии ЯОКК. Действовало 148 отрядов специализированной медицинской помощи (СМП), был сформирован отряд для эвакуации пациентов, имелось два госпитальных судна и один склад материальных запасов. Было привлечено к работе 5170 штатных сотрудников, из них 59 человек во время командировок погибли. Сообщалось, что 1078 человек были отстранены от работы из-за болезни или несчастного случая [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Согласно данным ЯОКК, всего за время войны сотрудниками общества была оказана медицинская помощь 827 225 пациентам (419 442 на поле боя, 224 231 на территории Японии), было перевезено 282 995 пациентов. В это число включены как японские, так и российские раненые и больные. Эвакуационным отрядом было произведено 2469 транспортировок, общее число перевезенных пациентов составляло 169 924, а число пролеченных пациентов — 14 180 человек [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

В Японии в период войны было сформировано 20 госпитальных судов, два из которых принадлежали ЯОКК («Хакуай-мару» и «Ко:сай-мару»). За период военных действий «Хакуай-мару» совершил 52 рейса туда и обратно между Японией и районом ведения боевых действий, «Ко:сай-мару» выполнил 54 рейса туда и обратно. С учетом всех госпитальных судов, был выполнен 661 рейс, в ходе которых было эскортировано 184 334 пациента [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Деятельность ЯОКК по оказанию медицинской помощи непосредственно на территории Японии в период Русско-японской войны началась 7 февраля 1904 г., после приказа военного министра направить два отряда медицинской помощи в резервный госпиталь г. Сендай. С этого времени и в дальнейшем вплоть до 5 марта 1906 г. 93 отряда медиков работали в 58 пунктах, включая армейские госпитали, госпитали портов, находящиеся в ведении филиалов Красного Креста, а также в военно-морских госпиталях в Сасэбо и Курэ. Из 93 отрядов СМП 89 в той или иной мере оказывали содействие японской армии. Большинство медицинских отрядов, работавших внутри страны, были представлены организациями медсестер, но были случаи, когда отряды состояли из медбратьев. Число пациентов, которых лечили и за которыми осуществляли уход сотрудники медицинских отрядов ЯОКК на территории Японии, составило 218 274 человека (включая 797 военнопленных) [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

В рамках деятельности префектуральных филиалов ЯОКК были созданы специальные сортировочные лагеря для раненых и больных в районах якорных стоянок судов. В этих лагерях работали сотрудники ЯОКК, где оказывалась медицинская и иная помощь. В таких пунктах находилось 763 678 человек, в том числе 23 144 военнопленных. Медицинскую помощь там получили 28 032 пациента, в том числе 127 военнопленных [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Кроме этого, помощь в медицинско-санитарной работе в тыловых больницах оказывали около 9400 членов Добровольного (волонтерского) общества женщин-медсестер. Они оказывали психологическую помощь, занимались приемом предметов первой необходимости и дальнейшим их распределением, а также участвовали в подготовке предоставления гигиенических услуг, таких как изготовление повязок и шапок для пациентов и т. д. [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

После Русско-японской войны, ЯОКК вновь претерпел ряд серьезных преобразований, в ходе которых изменения коснулись, прежде всего, административно-управленческого аппарата. Состав отрядов по оказанию СМП был рассчитан для мирного и военного времени. Стандартный состав отряда предполагал оказание медицинской помощи 100 раненым или больным. В него должны были входить 2 врача, 1 фармацевт, 1 писарь-секретарь, 2 старшие медицинские сестры и 20 рядовых сестер. В военное время для сухопутных войск предусматривалась работа 112 отрядов, в том числе 94 женских и 18 мужских. Для флота предполагалась деятельность 4-х женских отрядов. Подвижные госпитали ЯОКК должны были работать для оказания помощи службе военно-санитарного транспорта, предназначенного для перевозки больных и раненых. Таких госпиталей в случае войны должно было формироваться в количестве 3-х учреждений. Предполагалось, что местные госпитали и лазареты должны располагаться исключительно в тылу, в безопасных местах и оказывать медицинскую помощь до окончательного выздоровления больных. Все служащие ЯОКК должны были быть готовы к выступлению через 3 суток после объявления мобилизации. Для практической подготовки сотрудников устраивались военно-санитарные маневры одновременно с общими маневрами армии [Здравомыслов 1914].

К началу Первой мировой войны число членов ЯОКК возросло до 1800 тыс. человек. По мнению ряда исследователей, несмотря на декларируемую незави-

симось, вследствие тесных связей с императорской семьей и определяющего влияния армейских чинов, оно фактически стало подразделением вооруженных сил и превратилось из добровольного общества в иерархическую, наемную организацию, находящуюся на службе интересов государства [Yukiko Nishikawa 2005; Towle 2003].

Оказание помощи российским раненым и военнопленным

Одним из первых эпизодов в истории деятельности ЯОКК по организации медицинской помощи в отношении российских подданных было размещение и лечение 24 тяжелораненых членов экипажа российского крейсера «Варяг» во временном госпитале ЯОКК в Чемульпо (Инчхоне). Когда «Варяг» был затоплен, его экипаж приняли на борту французского крейсера «Паскаль» и британского крейсера «Талбот». Началась дискуссия о том, должно ли ЯОКК проводить спасательные операции. В конце концов, было решено, что мероприятия по спасению должен взять на себя Специальный комитет ЯОКК в Корее. О раненых заботились члены Инчхонского общества добровольных женщин-медсестер под руководством японского военно-морского врача.

В конце февраля 1904 г. оказывавший помощь русским раненым морякам (по статусу они не были военнопленными, а считались интернированными) врач доложил министру флота Японии о готовности раненых к перевозке в тыл. Военным командованием 2 марта было приказано ЯОКК отправить на госпитальном судне «Хакуай-мару» 22 моряка (двое скончались) в пункт медицинской помощи в Мацуяме. После эвакуации всех раненых в Японию временный госпиталь ЯОКК в Инчхоне закрыли.

Впоследствии Японский Красный Крест арендовал помещение, примыкающее к префектуральной больнице Мацуямы. Оно получило название «Временного пункта медицинской помощи Мацуямы» и направило туда 18 сотрудников для оказания помощи [Ariga Nagaо 1911].

5 марта 1904 г. раненые моряки крейсера «Варяг» отправили в адрес французского консула в Кёнсоне письмо следующего содержания: «Хотим сообщить Вам, что вся наша группа раненых находится в очень хорошем положении. На [санитарном] корабле всех раненых медицинский персонал окружил любовью и заботой, когда же пришло время расставаться и сходить на берег, нас едва ли можно было разлучить. Медсестры постоянно ухаживали за нами, как будто лечили родных людей, доброту и внимание врачей невозможно передать словами. С Вашего позволения, мы хотели бы Вас за все поблагодарить. В Мацуяме нас разместили в очень чистой больнице, а гостеприимство врачей и медсестер было почти таким же, как на корабле. Все мы хотели бы выразить Вам нашу глубочайшую благодарность за Вашу щедрую поддержку. Медсестры, сопровождавшие нас из Инчхона, позаботились о нас, выражаем им и всем другим благодарность и желаем всего самого наилучшего» [Nichiro sensō Sekijūji 1906].

Императрица Японии подарила выздоравливающим морякам протезы рук и ног. Японские источники сообщают, что в дальнейшем вышеуказанные случаи

дарения протезов конечностей российским пациентам со стороны ЯОКК были не единичны. За время Русско-японской войны среди прошедших лечение раненых протезы конечностей получили от императрицы Японии 133 русских военнопленных: 1 офицер и 123 солдата сухопутной армии, а также 9 матросов. Протезы глаз получил 21 военнопленный: 1 офицер, 17 солдат и 2 матроса [Meiji sanjū nana... 1907].

Во Временном пункте медицинской помощи Мацуямы, где находились русские раненые моряки, им разрешали выходить на прогулки и купаться в горячем источнике До:го-онсэн раз в неделю в сопровождении полицейского. Было разрешено играть на музыкальных инструментах и в карты. Помимо этого, по просьбе раненых было проведено христианское пасхальное мероприятие, а также организована встреча с русскими военнопленными, которые попали в плен во время Ульсанской битвы (14 августа 1904 г.) и содержались в Мацуяме. Выздоровевшие русские моряки с крейсера «Варяг» были репатриированы шестью партиями в период со 2 апреля по 7 октября 1904 г. при содействии французского консула в Кобе. После того, как все раненые были репатриированы, Временный пункт медицинской помощи в Мацуяме был закрыт.

В мае 1904 г. в Мацуяме был создан лагерь для военнопленных, оказание медицинской помощи военнопленным было поручено ЯОКК. Начиная с 9 мая, сюда постепенно прибыли пять отрядов СМП. Они занимались лечением военнопленных до декабря 1905 г. Первоначально ЯОКК осуществляло медицинскую помощь военнопленным, размещая их в части гарнизонного госпиталя Мацуямы и трех храмах города. Однако по мере того, как число пациентов стало увеличиваться, ЯОКК построило бараки на полигоне Мацуяма Дзё:хоку (сначала 5 корпусов, позже их число было увеличено до 21, из них 19 располагались на территории храмов) [Meiji sanjū nana...1907]. Эти бараки назывались «лазаретом лагеря для военнопленных», где оказывалась медицинская помощь.

Один из ведущих политиков того времени маркиз Набэсима Наохиро (鍋島直大, 1846—1921), подчеркивая важность лагеря в Мацуяме, писал: «Этот лагерь с лазаретом является главным центром с точки зрения дипломатии, за который ответственен сам военный доктор Кикүти Дзё:сабуро: (菊池常三郎, 1855—1921), и благодаря тому, что он... посвящает себя искусству лечения, завоевывается не только доверие пациентов, но и формируется общественный интерес к медицине, особенно к тем врачам, которые входят в отряды медицинской помощи» [Nichiro sensō Sekijūji 1906].

Лагерь в Мацуяме находился под пристальным вниманием руководителей ЯОКК, которые постоянно посещали его до конца военных действий. Во время визита сюда осенью 1904 г. президента ЯОКК барона Мацуката Масаёси (松方正義, 1835—1924) полковник Н.И. Мерчанский, представляя многочисленную группу пациентов лагерного лазарета, обратился к нему со словами искренней благодарности за оказанную медицинскую помощь и вручил благодарственные письма на русском и французском языках [Nichiro sensō Sekijūji 1906].

После заключения мира до передачи военнопленных на российские госпитальные суда в ноябре и декабре 1905 г. по японским подсчетам число пролечен-

ных в лагерном лазарете Мацуямы военнопленных составляло 5947 человек [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Еще одним показательным эпизодом деятельности ЯОКК можно назвать работу по спасению экипажа затонувшего корабля «Рюрик». В результате многочасового морского боя 14 августа 1904 г. японцы потопили в районе порта Ульсан один из кораблей Владивостокского отряда крейсеров Тихоокеанской эскадры русский броненосный крейсер «Рюрик». Экипажами японских кораблей было спасено 603 человека из 830 находившихся на борту русского крейсера. Члены спасенного экипажа в качестве военнопленных были отправлены в порт Сасэбо. Среди них были раненые — 10 офицеров и 177 унтер-офицеров, которых поместили в местный морской госпиталь. К лечению и уходу за унтер-офицерами был привлечен командированный в этот госпиталь 17-й отряд ЯОКК. Основными ранениями экипажа были как огнестрельные, так и осколочные проникающие, вследствие применения пороха «шимоза» (яп. симосэ), обладавшего большой взрывной силой. Как только было завершено размещение пациентов, врачи начали без перерыва, в течение двух дней подряд, оказывать медицинскую помощь раненым. Лечение проводилось под руководством главного хирурга ВМФ Японии Тоцука Канкай (戸塚環海). После извлечения осколков легкораненых перевезли в Мацуяму, а 34 тяжелораненых продолжали лечить на прежнем месте.

Одним из самых трагических событий Русско-японской войны была многомесячная осада Порт-Артура, во время которых японцы проявили противоречивые качества. С одной стороны, наблюдалась непримиримость и жестокость к противнику военнослужащих японской армии, полностью пренебрегавших требования Женевской и Гагской конвенций, а с другой стороны, милосердие и сострадание сотрудников ЯОКК, которые оказывали медицинскую помощь русским раненым и больным после взятия Порт-Артура.

В японской дипломатической переписке сохранилась статья, помещенная в начале ноября 1904 г. в местной газете на английском языке под заголовком «Генерал Балашов говорит, что японцы жестоки». Согласно этому сообщению, вышеуказанный генерал, глава Квантунского отделения Российского общества Красного Креста (РОКК), находившийся в осажденном Порт-Артуре, обратился с персональным письмом к русскому консулу в Китае Тидеманну, чтобы тот выступил перед лицом мировой общественности с публичным осуждением действий Японии. В нем, в частности, сообщалось, что японские военные «намеренно подвергли обстрелу русские госпитальные суда, а также госпитали с ранеными». Причем все медицинские объекты были четко обозначены, как того требовали международные правила, и об их месте нахождения было хорошо известно неприятелю. В результате обстрела трех русских госпитальных судов («Монголия», «Казань» и «Ангара») последнее было затоплено¹. В ходе дальнейших военных действий госпитальный пароход «Казань» также был уничтожен.

В японской литературе утверждается, что при взятии Порт-Артура 3-й японской армией в плен попало 43 975 человек [Meiji sanjū nana...1907]. В их число

¹ Национальный архив Японии (Japanese Centres for Asian Historical Record) JACAR B07090616700, с. 2—3.

входили как военнослужащие, так и государственные служащие, члены их семей, а также добровольцы. Для огромного числа пленных пациентов, использовались имеющиеся в крепости армейские или флотские госпитали, а также госпиталь РОКК. Кроме того, их помещали во вновь учрежденные лечебницы или временные лазареты, которых насчитывалось в общей сложности 19. После продвижения 3-й японской армии на север в лечении раненых и больных активно участвовал как японский, так и российский медицинский персонал. Медицинская помощь оказывалась как армейскими подразделениями санитарно-медицинской службы, так и отрядами ЯОКК, в частности, с японской стороны было задействовано 148 военных врачей и провизоров из состава Ляодунского охранного гарнизона и врачей ЯОКК, а также 1088 медсестер. С российской стороны было задействовано 138 врачей и провизоров из сухопутной армии, военно-морского флота и РОКК, а также 2790 человек (медсестры, госпитальная прислуга и священники), обеспечивавших уход и моральную поддержку [Meiji sanjū nana...1907].

После сдачи Порт-Артура (Люйшуня) 2 января 1905 г. из управления тыла 3-й армии отрядам ЯОКК был отдан приказ о выдвигении на юг Ляодунского п-ова. Первые отряды ЯОКК вошли в Люйшунь через 7 дней и были распределены по четырем госпиталям (официально их называли «госпитальными отделениями») для оказания помощи раненым и больным русским военнопленным. В течение января и февраля ЯОКК постепенно увеличивало количество своих отрядов, отправив 13 отрядов СМП, в том числе в логистический госпиталь в Люйшуне (позже переименованный в госпиталь крепости Люйшунь) и проводило оказание медицинской помощи до 22 апреля.

В Люйшуне по линии ЯОКК было зарегистрировано 8442 пациента. Из них пациенты с общими заболеваниями составляли 5377 человек (63,7 %), раненые — 3034 человека (35,9 %) и инфекционные больные — 31 человек (0,3 %). Из этого общего числа раненых и больных пациентов 5030 человек (89 %) страдали от цинги из-за недостатка еды [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911]. По японским сведениям, скончавшихся было сравнительно немного. Оставшиеся пациенты либо были отправлены в лагерь для военнопленных в Мацуйме в количестве 1007 человек, либо были освобождены к моменту закрытия госпиталя [Tachikawa 2008].

После завершения мероприятий по спасению раненых и больных военнопленных генерал Балашов, высоко оценил работу японского медперсонала. По случаю своего возвращения на родину он направил благодарственные письма в адрес начальника штаба 3-й японской армии, командира крепости Люйшунь генерал-майора Идзүти Ко:сукэ [Meiji sanjū nana...1907] и в адрес президента ЯОКК Мацуката Масаёси в Токио [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Помимо Инчхона и Порт-Артура, непосредственно в районах боевых действий с марта 1904 г. по декабрь 1905 г. была организована медицинская помощь для раненых военнопленных и осуществлена их перевозка колоннами в логистические госпитали и сортировочные лагеря, находящиеся в тылу каждой японской армии. При этом было задействовано 23 отряда СМП (8 отрядов в тылу 1-й армии и 15 отрядов — 2-й и 3-й армий), а также одна колонна для перевозки пациентов. По японским сведениям, общее число спасенных русских раненых

в тылу всех трех армий составляло 5661 человек, а эвакуировано колонной 3248 человек [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911]. Кроме того, 3806 раненым пациентам (включая вышеупомянутых 22 русских моряка с крейсера «Варяг») была оказана помощь на борту госпитальных судов, которые перевозили военнопленных в Японию. Их перевозили на 19 госпитальных судах, выполнивших 82 рейса (из них 16 рейсов выполнили суда, принадлежащие ЯОКК или переведенные в его распоряжение). Русских военнопленных перевозили, как правило, вместе с японскими ранеными [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Внутри Японии, помимо Мацуямы, медицинская помощь военнопленным оказывалась также в лагерных лазаретах таких городов, как Фукуока и Хамадэра. Число пролеченных российских военнопленных за пределами Мацуямы составляло 797 человек. Им оказывалась медицинская помощь персоналом ЯОКК в тех же госпиталях, что и японским раненым [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

В японских источниках указывается, что расходы на лечение были достаточными. По мнению японских исследователей, все военнопленные пациенты получали лечение по новейшим методикам с привлечением опытных врачей — как военных, так из Красного Креста. Среди пациентов ЯОКК смертельные случаи были весьма редки [Meiji sanjū nana...1907].

Необходимо отметить, что после окончания Русско-японской войны сумма затраченных средств на лечение русских военнопленных была выставлена российскому правительству для оплаты.

Взаимодействие РОКК И ЯОКК

Сразу после начала войны, 15 февраля 1904 г., Международный комитет Красного Креста (МККК) предложил обществам Красного Креста Японии и России выступить в роли посредника для оказания гуманитарной помощи со стороны Красного Креста других стран, но представители ЯОКК и РОКК первоначально отказались от такого предложения. Тем не менее, предложения об отправке своего персонала, а также направление пожертвований в виде санитарно-гигиенических материалов и специальной продукции, а также о выделении денежных пожертвований были сделаны воюющим странам от обществ Красного Креста Франции, Великобритании, Германии, Италии, Швейцарии, Австрии, Греции, Португалии, Венгрии, Сербии и других стран.

ЯОКК отказался от принятия иностранного персонала на своей территории. Однако были приняты пожертвованные предметы и финансовые средства, которые были распределены 75 раз по 24 пунктам на территории Японии и за ее пределами¹. Пожертвования от иностранцев были получены на общую сумму 202,1 тыс. иен. Эта сумма была эквивалентна примерно 20 % от общего объема пожертвований, полученных ЯОКК во время Русско-японской войны [Tachikawa 2008].

В японской литературе имеется также информация о работе в Японии в период Русско-японской войны медсестер-волонтеров из США, Великобритании и

---

¹ Возможно, имеются в виду пункты в Китае и Корее (прим. авторов).

Франции, а также врачей и медсестер из Германии. Под руководством ЯОКК они провели мероприятия по оказанию помощи в резервных госпиталях в Токио, Хиросиме и других местах, а также инспектировали военно-морской госпиталь в Курэ, Временный пункт медицинской помощи в Мацуяме и лагерь для военнопленных, а также госпитальные суда. В их числе британская медсестра Этель Р.Ф. Маккол (Ethel Rosalie Ferrer McCaul), американские медсестры Мэри Э. Глэдуин (Mary Elizabeth Gladwin), Элла В. Кинг (Ella V. King), Аделаида МакКерес (Adelaide Mackereth) и Мини Кук (Minnie Cooke). Руководитель группы американских медсестер д-р Анита Н. МакГи (Anita Newcomb MacGee) активно занималась обучением медицинских сестер ЯОКК [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

В мае 1904 г. РОКК через французского посланника в Японии сообщило МИД Японии, что желает напрямую вести переговоры с персоналом ЯОКК относительно оказания медицинской помощи в районе боевых действий. Однако в своем ответном заявлении министр иностранных дел Комура Дзютаро: сообщил, что «будет трудно вести какие-либо независимые переговоры, поскольку отправленный ЯОКК персонал действует под командованием армии и флота. Соответственно нет необходимости даже начинать переговоры ввиду того, что содержание и лечение раненых солдат организованы безупречно» [Tachikawa 2008].

Российское правительство обращалось к Японии с просьбой разрешить врачам и медсестрам РОКК сопровождать военнопленных и транспортировать медицинские материалы во время перевозки военнопленных в Японию, но первоначально японское правительство ответило отказом. Тем ни менее, сотрудникам РОКК было разрешено остаться в Порт-Артуре для оказания медицинской помощи раненым и больным военнопленным. Более того, ЯОКК передал одеяла, больничные халаты, нижнее белье, ремни и т. п. военнопленным, находящимся в поверженном Порт-Артуре, через начальника медицинского отдела японской армии [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

В дальнейшем из-за большого количества русских военнопленных японскому командованию все же пришлось использовать русских медицинских работников, которые находились в Японии в статусе интернированных. Согласно японским данным, общее число сотрудников российской санитарно-медицинской службы, в том числе сотрудников РОКК, захваченных японской армией, составляло 4549 человек. Число медицинских работников, интернированных в Японию и работавших в лагерных лазаретах, составляло 833 человека [Meiji sanjū nana... 1907].

В Японии было учреждено Информационное бюро по вопросам военнопленных, подчинявшееся армейскому руководству, а в России аналогичное бюро было создано Обществом Красного Креста (в августе 1904 г.). Обе организации отвечали за сбор информации о военнопленных, составление и рассылку списков военнопленных, доставку гуманитарной помощи.

По данным представителя Международного Комитета Красного Креста (МККК) д-ра Мартенса, японцы ответили на 17 тыс. запросов, разослали более 55 тыс. писем и обработали 7 тыс. посылок [Tachikawa 2008].

Российское Информационное бюро по вопросам военнопленных предложило обмениваться информацией напрямую с японской стороной, минуя МККК

или другие заинтересованные стороны. Это предложение было принято, и Япония отправляла информацию о военнопленных в посольство России в Пекине, а Россия — в посольство Японии в Берлине. Япония отправляла информацию каждые 10 дней, а Россия, как считала японская сторона, менее регулярно, но, тем не менее, информация передавалась сравнительно часто [Tachikawa 2008].

Японские источники указывают на то, что российская сторона ни разу не сообщила точное количество японских военнопленных. По мнению РОКК, задержки и неточности происходили в результате многочисленных ошибок при фиксации японских фамилий и имен [Обзор деятельности...].

Проблемные моменты и извлеченные уроки

По мнению японских историков, взаимодействие с военнопленными было затруднено из-за языкового барьера, различий в еде, одежде и обычаях. Так, в Порт-Артуре и в Мацуяме было только по одному профессиональному переводчику. В районе боевых действий ощущалась нехватка оборудования, медикаментов и расходных материалов, что требовало их эвакуации в Японию. Указывалось, что русским военнопленным было свойственно не соблюдать дисциплину; с их стороны имели место непослушание и нечистоплотность [Tachikawa 2008].

В японской литературе отмечено, что во время Русско-японской войны самой большой проблемой, с которой столкнулось ЯОКК при проведении мероприятий по оказанию помощи, была острая нехватка рабочих рук. Основная причина состояла в том, что раненых и больных оказалось значительно больше, чем ожидалось. Это потребовало формирования отрядов вдвое больше запланированного. Подготовка этих отрядов была недостаточной. Эвакуация больных из-за их большого количества проводилась недостаточно организованно и эффективно. У ЯОКК не было другого выбора, кроме как компенсировать нехватку персонала за счет обучения его ускоренными темпами, причем делалось это путем временного найма персонала и сокращения периода обучения [Nihon Sekijūjisha-shikō 1911].

Заключение

Следует признать существенную роль Японского Красного Креста в оказании медицинской помощи русским раненым. Стараниями сотрудников Общества осуществлялся квалифицированный сестринский уход, было организовано питание, решены многочисленные проблемы гуманитарного характера. В то же время следует помнить, что эта помощь была не безвозмездной.

Деятельность ЯОКК стала примером организации и практического применения новых социальных практик в японском обществе. Именно ЯОКК сформировало в Японии основы сестринского дела. До конца XIX в. уход за больными в Японии в основном осуществлялся на дому необученными членами семьи. Европейская профессия медицинской сестры была для японцев совершенно новой,

поскольку существовало представление, что «женская работа» должна совершаться исключительно внутри дома и быть направлена только на членов семьи. В традиционной Японии не существовало женских обществ милосердия, для женщин считалось немыслимым ухаживать за людьми вне рамок семьи, особенно за мужчинами.

Во время Русско-японской войны впервые в истории в Японии оказались множество раненых и больных европейцев, в корне отличавшихся не только своей внешностью, но и культурой, языком и привычками. Японская сторона старалась показать себя как цивилизованная страна, подчеркнуть гуманность японского политического режима перед лицом мирового сообщества.

Стремясь самоутвердиться и показать себя как нацию «первого порядка», высшее японское руководство стремилось не только исполнять уже принятые международные законы, но и быть новатором по созданию новых стандартов международного взаимодействия. Наглядным примером для международного сообщества было формирование «нового отношения» японцев к тем военнослужащим армии противника, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях, либо были не в состоянии это делать. К ним относились врачи, медсестры и санитары, по долгу службы представлявшие армию и Российский Красный Крест, а также раненые в бою солдаты. Японским военным ведомством рекомендовалось не держать их долго и как можно быстрее репатриировать. К русским пленникам относились как к почетным гостям и это подтверждали как сами японцы, так и иностранцы, посещавшие лагеря. Именно поэтому Японский Красный Крест являлся не просто институтом для выполнения гуманитарных задач, но и витриной японского благородства.

Являясь структурой военного характера, ЯОКК действовало согласованно с военными ведомствами и исполняло приказы командования о накоплении материальных запасов, разворачивании сил и средств по проведению спасательных и гуманитарных операций. Врачами ЯОКК были кадровые военные медики. Это позволяло им достаточно грамотно организовывать лечебную и противоэпидемиологическую работу. Медицинские сестры также были компетентными лицами, подготовленными к уходу за больными и ранеными. Медицинский персонал ЯОКК сыграл существенную роль в проведении новой гуманитарной политики японского руководства в отношении раненых и больных.

Библиографический список

Гущин А.В. Путь на Восток: отправка русских пленных в Японию в 1904—1905 годах // *Исторический ежегодник*. 2007. С. 35—44.

Здравомыслов Я. Полгода в Пекине и неделя в Токио // Труды I съезда врачей Приамурского края 23—24 августа 1913 г. в г. Хабаровске. Хабаровск, 1914. С. 279—304.

Колоскова Е.Е. В плену // *Родина*. 2005. № 10. С. 135—142.

Обзор деятельности центрального справочного бюро о военнопленных во время Русско-японской войны / сост. Е.А. Бухе. Санкт-Петербург, 1907.

Федорова Т.В. Российские военнопленные в Японии в период русско-японской войны 1904—1905 гг. // *Культура. Наука. Образование*. 2016. № 2. С. 104—114.

Якобзон Л. Я. Народное здравие и медицина в Японии // *Япония и ее обитатели*. Санкт-Петербург: Брокгауз — Ефрон. 1904. С. 159—170.

References

Fedorova T.V. (2016). Rossiiskie voennoplennyye v Yaponii v period russko-yaponskoi voyny 1904—1905 gg. [Russian Prisoners of War in Japan During the Russo-Japanese War of 1904—1905]. *Kul'tura. Nauka. Obrazovaniye* [Culture. Science. Education], 2, 104—114. (In Russian).

Gushchin A.V. (2007). Put' na Vostok: otpravka russkikh plennykh v Yaponiyu v 1904—1905 godakh [The Path to the East: Sending Russian Prisoners to Japan in 1904—1905]. *Istoricheskii yezhegodnik* [Historical Yearbook], 35—44. (In Russian).

Koloskova, E.E. (2005). V plenu [In Captivity]. *Rodina*, 10, 135—142 (In Russian).

Obzor deyatel'nosti tsentral'nogo spravochnoogo byuro o voyennoplennykh vo vremya Russko-yaponskoi voiny. (1907). [Review of the Activities of the Central Information Bureau on Prisoners of War During the Russo-Japanese War]. Saint Petersburg. (In Russian).

Yakobzon, L.Ya. (1904). Narodnoe zdravie i meditsina v Yaponii [Public Health and Medicine in Japan]. In *Yaponiya i ee obitateli* [Japan and Its Inhabitants]. Saint Petersburg. (In Russian).

Zdravomyslov, Y.A., (1914). Polgoda v Pekine i nedelya v Tokio [Six Months in Beijing and a Week in Tokyo]. In *Trudy pervogo s'ezda vrachei Priamurskogo kraya 23—24 avgusta 1913 g. v g. Khabarovske* [Proceedings of the 1st Congress of Physicians of the Amur Territory on August 23—24, 1913, in Khabarovsk]. Khabarovsk. (In Russian).

* * *

Ariga, Nagao. (1911). *Nichiro rikusen kokusai hōron* [International Law Theory on the Russo-Japanese Land War]. Tokyo: Kaikōsha. P. 404. (In Japanese).

Hiraiwa, Takahiko. (2004). Nagoya to Matsuyama no shūyōjo hikaku [Comparison of the Camps in Nagoya and Matsuyama]. In *Matsuyama no kioku — Nichiro sensō 100-nen to Roshia-hei horyo* [Matsuyama Memories: 100 Years of the Russo-Japanese War and Russian POWs] (pp. 76—77). Matsuyama: Matsuyama daigaku. (In Japanese).

Hotta, Shin'ichirō. (2004). Nichiro sensō no Roshia-gun horyo to Aichi-ken — Nagoya o chūshin ni [Russian Prisoners of the Russo-Japanese War and Aichi Prefecture, With a Focus on Nagoya]. *Aichiken-shi kenkyū* [Aichi Prefecture History Research], 8, March 2004, 1—15. (In Japanese).

Meiji sanjū nana hachi-nen sen'eki furyo toriatsukai tenmatsu. (1907). [Treatment Details of POWs During the 1904—1905 (Meiji 37—38) War]. Rikugun daijin kanbō

[Army Minister's Office], Tokyo: Yuhikaku. Pp. 13—14, 21—22 (Table 2), 23—24, 26, 28, 30 (Table 5), 117—119, 130 (Table 20, Table 21), 171—177. (In Japanese).

Nichiro sensō Sekijūji: Kinen hōten. (1906). [The Red Cross During the Russo-Japanese War: Memorial Treasure Book]. Tokyo: Chuaisha. P. 131—132, 196. (In Japanese).

Nihon Sekijūjisha-shikō. (1911). [The History of the Japanese Red Cross Society]. Tokyo: Japanese Red Cross Society. Pp. 686—687, 1339, 1342, 1344, 1344—1345, 1346—1347, 1347—1348, 1352, 1361—1362, 1363, 1364, 1366, 1386—1392, 1413, 1415—1417, 1420—1428, 1450, 1451—1454, 1452—1453, 1454, 1454—1455, 1457, 1459—1460, 1460—1465, 1466—1474, 1478, 1547. (In Japanese).

Nishikawa, Yukiko. (2005). *Japan's Changing Role in Humanitarian Crisis.* (In English).

Ookuma, Hideji. (2011). *Nichiro sensō no uragawa “Daini no kaikoku”*: *Nippon rettō ni jōriku shita Roshia-gun horyo nana mannin* [Behind the Scenes of the Russo-Japanese War: “The Second Opening of Japan”: 70,000 Russian Prisoners of War Landed on the Japanese Archipelago]. Tokyo: Sairyusha. P. 166. (In Japanese).

Tachikawa, Kyōichi, Shuku, Haruhiko. (2008). Kenkyū nōto. Seifu oyobi gun to ICRC-nado to no kankei: Nisshin sensō kara Taiheiyō sensō made [Research Notes. Japanese Political and Military Authorities and the International Committee of the Red Cross: Since the Sino-Japanese War to Pacific War (WW2)]. *Bōei kenkyūjo kiyō* [Bulletin of the National Institute for Defense Studies], Vol. 11, No. 1, November. Tokyo. Pp. 102, 104, 105, 108, 109—110 (In Japanese). Retrieved May 15, 2025, from <https://dl.ndl.go.jp/pid/1282596>

Towle P. (2003). *Japanese Prisoners of War.* (In English).

White T., Linthicum R. (1904). *The War Between Japan and Russia: The Complete Story of the Desperate Struggle Between Two Great Nations.* Chicago Chronicle. (In English).

Поступила в редакцию: 18.06.2025

Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 18 June 2025

Accepted: 26 January 2026

К.А. Корнеев, С.М. Шахрай

Оценка общей эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки эффективности институтов, способствующих внедрению водородной энергетики в Японии и Китае. Актуальность такого исследования обусловлена стремлением стран к декарбонизации энергетического сектора и необходимостью системного анализа институциональных механизмов, которые определяют «успешность» перехода на водородные технологии и решения. В качестве теоретической основы применяется авторский индекс оценки институтов, разработанный как комплексный метрический инструмент. Методология его расчета предполагает взвешенную оценку четырех ключевых критериев: правовой эффективности, экономической эффективности, операционной эффективности и социальной эффективности. Для каждого критерия выделены специфические подкритерии, что позволяет учесть такие параметры, как зрелость института, влияние на отрасль и соответствие международным стандартам. Верификация значений и показателей проводилась на основе профильной литературы, статистических данных и экспертных оценок, что обеспечивает высокую достоверность полученных результатов. Предложенный индекс интегрирует количественные и качественные параметры, что позволяет оценить не только текущее состояние институтов, но увидеть «долгосрочный» потенциал.

Общая методология исследования основана на сравнительном анализе двух государств, где Япония выступает примером раннего внедрения водородных технологий, а Китай демонстрирует ускоренное развитие в данной области при активном правительственном регулировании. Особое внимание уделено влиянию институциональной среды на преодоление барьеров, например, высокой стоимости водородных технологий и недостаточного развития инфраструктуры хранения и транспортировки. В статье показано, что предложенный индекс позволяет выявлять структурные уязвимости и сформировать целевые рекомендации для повышения эффективности институтов, а это имеет немалую практическую значимость для стран, стремящихся к внедрению водородных систем в том или ином виде. Результаты исследования явно подтверждают гипотезу о том, что грамотное сочетание технологической и институциональной эффективности является критическим значимым фактором в контексте успешного развития водородной энергетики, и разработанный авторский индекс может стать универсальным инструментом для сравнительного анализа институциональных траекторий в различных странах, конечно, с учетом их национальной специфики.

Ключевые слова: Водородная энергетика, стратегии и планы развития, институты и механизмы, индекс оценки, сравнительные характеристики, Япония, Китай.

Авторы: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Шахрай Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, руководитель Центра сравнительного государственоведения Института Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); директор Института правоведения РГГУ. ORCID: 0000-0002-5851-8393. E-mail: ezik2002@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Корнеев К.А., Шахрай С.М. Оценка общей эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае // Японские исследования. 2026. № 1. С. 21—48. DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-21-48.

K.A. Korneev, S.M. Shakhrai

Assessment of the overall effectiveness of institutions for the development of hydrogen energy in Japan and China

Abstract. This article addresses the issues related to assessing the effectiveness of institutions that contribute to the introduction of hydrogen energy in Japan and China. The relevance of such research is due to these countries' pursuit of decarbonization in their energy sectors and the need for systematic analysis of institutional mechanisms determining the success of transition to hydrogen technologies and solutions. As theoretical foundation, an original index developed by the authors as a comprehensive metric tool is applied. The methodology of its calculation assumes a balanced assessment of four key criteria: legal efficiency, economic efficiency, operational efficiency, and social efficiency. Specific sub-criteria are identified for each criterion, which makes it possible to take into account such parameters as the maturity of the institute, the impact on the industry, and compliance with international standards. Verification of values and indicators was carried out on the basis of relevant literature, statistical data, and expert assessments, which ensures high reliability of the results obtained. The proposed index integrates quantitative and qualitative parameters, which makes it possible to assess not only the current state of institutions, but also their "long-term" potential. This proposed index integrates quantitative and qualitative parameters including access to funding, regulatory framework, and technological development level, allowing evaluation of not only the current state, but also long-term potential of institutions. The general methodology is based on comparative analysis between two states, where Japan serves as an example of early adoption of hydrogen technologies, while China demonstrates accelerated growth in this field with active government regulation. Special attention is given to the impact of institutional environment on overcoming barriers, such as high cost of hydrogen technologies and insufficient infrastructure for storage and transportation. The study demonstrates that the proposed index can identify structural vulnerabilities and provide targeted recommendations to enhance institutional efficiency, which has significant practical implications for countries aiming at implementing various forms of hydrogen systems. The results clearly confirm the hypothesis that combination of technological and institutional efficiency is a critically important factor for successful development of hydrogen energy, making the index developed by the authors a universal tool for comparative analysis of institutional trajectories across different countries, taking into account their specific features.

Keywords: Hydrogen energy, strategies and development plans, institutions and mechanisms, evaluation index, comparative characteristics, Japan, China.

Authors: *Korneev Konstantin A.*, Candidate of Sciences (world history), Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky

Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309.

E-mail: korneev@iccaras.ru

Shakhrai Sergei M., Doctor of Sciences (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Center for Comparative Government Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); Director of Institute for Law, RSUH.

ORCID: 0000-0002-5851-8393. E-mail: ezik2002@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Korneev, K.A., Shakhrai, S.M. (2025). Otsenka obshchei effektivnosti institutov razvitiya vodorodnoi energetiki v Yaponii i Kitae [Assessment of the overall effectiveness of institutions for the development of hydrogen energy in Japan and China]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 21—48. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-21-48.

Введение

Резкое усиление международной напряженности в последние годы негативно отражается на устойчивости глобальных энергетических рынков, оказывая значительное воздействие на процессы формирования цен, надежность снабжения и непрерывность поставок ископаемых видов топлива. Этот фактор выступает одним из ключевых стимулов ускорения перехода на низкоуглеродные источники энергии. Государства Северо-Восточной Азии (СВА) стремятся стать мировыми лидерами в сфере экологически чистой энергетики, и среди перспективных энергоносителей особую значимость приобретает водород. В рамках настоящего исследования рассматриваются Япония и Китай — страны, обладающие сопоставимыми технологическими и законодательными инструментами для осуществления водородных проектов.

Использование низкоуглеродного¹ водорода предполагает формирование комплексной инфраструктуры, включающей его производство различными методами, разнообразные схемы транспортировки (в сжатом и сжиженном виде, по специальным трубопроводам, в составе химических соединений) и хранения. Наличие эффективной нормативно-правовой базы и государственных институтов, обеспечивающих регулирование цепочки создания стоимости, представляется необходимым условием достижения результатов в этой области [Корнеев 2022].

При анализе потенциала и препятствий, стоящих перед Японией и Китаем, особенно в контексте разработки авторского индекса оценки институтов, целесообразно опереться на ключевые факторы, определяющие рациональность переориентации национальной энергетики на низкоуглеродный водород в определенных экономически обоснованных пропорциях. Такого рода анализ включает в себя изучение действующей институциональной среды, формируемой полити-

---

¹ Низкоуглеродным считается водород, получаемый из ископаемого топлива с использованием установок улавливания и хранения углерода, или способом электролиза воды с поставкой электроэнергии от ВИЭ, стандартный критерий — пороговое значение выбросов 9,8—4,4 и ниже кг CO₂-экв./кг H₂.

ко-стратегическими документами, правовыми актами, контрактами и прочими формами внутреннего регулирования. На следующем этапе полученные предварительные результаты сегментирования институциональной среды как раз и определяют концептуальную структуру индекса с четким обоснованием уровней значимости и «влиятельности».

Сравнительные показатели развития водородной энергетики в Японии и Китае

Япония стала уделять пристальное внимание развитию водородной энергетики с середины 2010-х гг., Китай серьезно подключился к этому процессу немного позднее, в 2018—2019 гг., однако быстро обогнал Японию по всем характеристикам в плане производства и применения низкоуглеродного водорода. Но и Япония, с поправкой на размер экономики, тоже добилась успехов в разработке водородных технологий и реализации отдельных проектов.

Определяющим стимулом, способствующим общемировому всплеску интереса к тематике водородной энергетики (помимо обязательств развитых стран по переходу к экономической модели с нулевым уровнем выбросов парниковых газов), стало существенное (в 2—3 раза) снижение стоимости ключевых технологических решений за период 2010—2024 гг. Для Японии и Китая значимость низкоуглеродного водорода заключается еще и в том, что он может занять нишу устойчивого собственного энергоносителя, то есть потребность в нем как минимум для энергетических нужд обе страны смогут закрывать самостоятельно на 80 и более процентов. Это разительно отличается от сложившейся ситуации, когда как Япония, так и Китай сильно зависимы от поставок первичных энергоресурсов из-за рубежа.

1. Япония

В 2017 г. вступила в силу первая в мировой практике Национальная стратегия развития водородной энергетики, четко направленная на стимулирование перехода к использованию низкоуглеродного водорода. Конечные цели были сформулированы следующим образом: выпуск порядка 40 тыс. автомобилей на ТЭ к 2020 г., увеличение объема выпуска до 200 тыс. единиц к 2025 г. и масштабирование производства до уровня примерно 800 тыс. к 2030 г. В плане производства низкоуглеродного водорода акцент делался на электролиз воды и паровую конверсию природного газа с применением технологий улавливания CO₂ (УХУГ). По расчетам разработчиков стратегии, ежегодное производство водорода должно достичь не менее 300 тыс. т к 2030 г. Подчеркивалась и важность снижения стоимости водородного топлива с актуальных на 2017 г. 10 долл./кг до 3 долл./кг к 2030 г. с достижением отметки в 2 долл./кг к 2050 г¹.

Но уже к середине 2020 г. стала очевидной необходимость внесения изменений в первоначально утвержденную стратегию ввиду замедления темпов ее реа-

---

¹ Basic Hydrogen Strategy 2017. Ministerial Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Basic%20Hydrogen%20Strategy%20%28EN%29.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).

лизации. Пересмотр и согласование скорректированного варианта заняли два года, и лишь в июне 2023 г. состоялось официальное представление новой редакции. Внесенные поправки оказались незначительными, поскольку подавляющее большинство первоначальных индикаторов, обозначенных еще в версии 2017 г., были попросту перенесены в актуализированную версию (например, цель довести количество автотранспорта на водородных топливных элементах до 800 тыс. единиц и снизить цену 1 кг низкоуглеродного водорода до 3 долл. к 2030 г). Но в некоторых случаях показатели даже увеличились: ранее установленная норма производства в объеме 300 тыс. т водорода была заменена новым целевым значением — 3 млн т, что свидетельствует о существенном повышении требований к объемам производства¹.

Пока эти амбициозные показатели, заложенные в обновленную стратегию, очень далеки от реального положения дел. По состоянию на начало 2024 г. стоимость 1 кг низкоуглеродного водорода в Японии варьировалась в диапазоне от 6 до 8 долл., что представляет собой снижение цены всего на 2—3 долл. по сравнению с уровнем 2017 г. Несмотря на достигнутый прогресс, для установления ценового равновесия с природным газом необходима дальнейшая оптимизация затрат, поскольку предварительные расчеты показывают, что конкурентоспособность водорода достижима лишь при снижении его стоимости ниже отметки в 2 долл./кг [Wen, Aziz 2024].

Анализируя ситуацию с расширением автомобильного парка на водородных топливных элементах, важно отметить значительный разрыв между запланированными показателями и фактическими результатами. Так, к середине 2024 г. в эксплуатации находилось лишь 8 тыс. транспортных средств подобного типа, тогда как изначально предполагалось увеличить этот показатель до 40 тыс. к 2020 г. За 2023 г. прирост составил всего 500 машин, что демонстрирует значительное отставание от намеченной траектории².

Что касается производственных мощностей, то Япония располагает немногим более 100 МВт установленной мощности электролизеров различного типа (преимущественно щелочных), обеспечивших производство порядка 30 тыс. т низкоуглеродного водорода в течение 2024 г. Между тем, необходимым условием является расширение производственной базы до 15 ГВт мощности электролизных установок. Стоимость ввода одной единицы мощности электролизера составляет от 1000 до 1200 долл.³, что почти вдвое превышает аналогичные затраты в КНР.

Тем не менее нельзя не отметить, что Япония добилась значительного технологического прорыва в области транспортировки сжиженного водорода. Имеется

---

¹ Basic Hydrogen Strategy 2023. Ministerial Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/suiso_seisaku/pdf/20230606_5.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

² Number of New Fuel Cell Electric Vehicle (FCEV) Registrations in Japan from 2015 to 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/682128/japan-fuel-cell-vehicle-new-registrations/> (дата обращения: 10.06.2025).

³ Japan: Hydrogen Strategy. New Zealand MFAT. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/japan-hydrogen-strategy-november-2023> (дата обращения: 10.06.2025).

в виду экспериментальная его перевозка морским путем на специализированном судне Suiso Frontier, спроектированном и построенном в Японии. Это судно, введенное в эксплуатацию в 2020 г., оснащено вакуумными цистернами объемом до 1250 м³ (выдерживают температуру –253 °С, при которой водород переходит в криогенное состояние). Первую партию водорода, произведенного в Австралии методом газификации угля, успешно доставили из порта Гастингс в порт Кобэ в феврале 2022 г. Этот опыт вызвал критику со стороны экологов, которые пришли к выводу, что полный цикл от добычи угля до получения водорода и его транспортировки в конечный пункт потребления сопровождается большими выбросами CO₂ — не менее 100 тыс. т ежегодно [Zhang, Zheng 2025].

Несмотря на указанные проблемы, японское правительство приняло решение перейти к коммерциализации проекта и запустить регулярные поставки водорода из Австралии с выходом на объем до 30 тыс. т в год. Однако в результате практической эксплуатации выяснилось, что текущая себестоимость австралийского водорода существенно превышает целевой уровень, установленный на отметке 1,3 долл./кг, достигая 4–5 долл./кг — и поставки приостановили. Основная причина высоких издержек связана с дорогостоящей логистической составляющей, удорожающей продукцию дополнительно на 2 долл. за каждый кг водорода¹.

2. Китай

Фундаментальные принципы и ключевые направления развития водородной отрасли в Китае изложены в документе под названием «Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021—2035)». Данный документ разработан Национальной комиссией по развитию и реформам Китайской Народной Республики (НКРР), а точнее — подчиненной ей Национальной энергетической администрацией (НЕА)².

Краткосрочные целевые ориентиры, приведенные в документе, выглядят сдержанными, принимая во внимание существующий масштаб потребления водорода в КНР. Производство «чистого» водорода ожидается в объеме от 100 до 200 тыс. т в год к 2025 г., что соответствует примерно 0,5 % общего объема ежегодного его производства разными способами переработки ископаемого сырья (порядка 33 млн т). Вместе с тем, в 2023 г. мировое производство водорода способом электролиза составляло менее 100 тыс. т, и на таком фоне планы Китая смотрятся серьезно. Если рассматривать долгосрочные ориентиры, то Китай планирует производить до 3 млн т экологически чистого водорода к 2030 г. и более 10 млн т к 2040 г. [Lou, Corbeau 2023].

При анализе представленного документа значимым является тот факт, что отдельные провинции КНР разработали самостоятельные программы поддержки и развития водородной энергетики. Оценка общих результатов возможной

---

¹ Maritime Barometer Report 2023—2024. International Chamber of Shipping (ICS). URL: <https://www.ics-shipping.org/wp-content/uploads/2024/09/ICS-Barometer-2023-2024-Full-report.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

² Dokso A. China's Hydrogen White Paper 2022 Reveals Insights and Prospects. H2 Energy News. URL: <https://energynews.biz/chinas-hydrogen-white-paper-2022-reveals-insights-and-prospects/> (дата обращения: 14.06.2025).

реализации всех анонсированных планов демонстрирует, что объединенный потенциал регионального роста значительно превосходит зафиксированный в центральном плане показатель. То есть для реалистичной оценки динамики внедрения водородной энергетики в Китае необходим учет не только общегосударственных стратегических инициатив, но и структуры планов провинций.

Например, суммарный планируемый выпуск низкоуглеродного водорода в двух китайских регионах — Внутренней Монголии и провинции Ганьсу — достигнет приблизительно 700 тыс. т к 2026 г., что явно превосходит объемы, указанные в соответствующем разделе национального «Средне- и долгосрочного плана развития водородной энергетики (2021—2035)» [Lou, Corbeau 2023]. Что касается транспортных средств, то планируется увеличение количества водородного транспорта до 50 тыс. единиц к концу 2025 — началу 2026 г., также предусматривается и строительство по всей стране до 1200 водородных заправочных станций (ВЗС). Реализация этих мер позволит обеспечить увеличение количества действующих ВЗС на территории Китая до уровня, превышающего имеющиеся мировые показатели в полтора раза (это приблизительно 1100 водородных заправочных станций по состоянию на 2024 г.)¹.

Согласно статистике за 2024 г., Китай является мировым лидером по объему регистраций новых автотранспортных средств на водородных топливных элементах, значительно опережая США, Японию, Южную Корею и ЕС в целом. Количество официально проданных автомобилей указанного типа составило 7113 единиц, что немногим меньше, чем в 2023 г. (7562 единицы)². В основном это пассажирские автобусы и легкий коммерческий транспорт.

Китай заявляет и реализует отдельные амбициозные проекты. Например, это сооружение самого протяженного в мире водородопровода длиной 737 км от предприятия по производству экологически чистого водорода в г. Чжанцзякоу до морского порта Цаофэйдянь в провинции Хэбэй. Проект был утвержден в декабре 2023 г., начало строительных работ запланировано на июнь 2025 г., а завершение — на лето 2027 г.³ Уже к 2035 г. совокупная длина подобных трубопроводов должна составить 6 тыс. км. Дополнительно Sinopet разрабатывает собственный проект водородопровода протяженностью 400 км, соединяющего город Уланчаб (автономный район Внутренняя Монголия) с нефтеперерабатывающим комплексом в Пекине⁴.

Очевидно, что масштабы и темпы развития водородной энергетики в Китае значительно превосходят аналогичные для Японии. В первую очередь, это обу-

¹ Global Hydrogen Review 2024. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2024> (дата обращения: 14.06.2025).

² A Total Number of Globally Registered Fuel Cell Electric Vehicles Sold from January to December in 2024. SNE Research. URL: https://www.sneresearch.com/en/insight/release_view/373/page/0 (дата обращения: 16.06.2025).

³ China to Build World's Longest Hydrogen Pipeline to Transport Green Hydrogen. PTJ. URL: <https://www.pipeline-journal.net/news/china-build-worlds-longest-hydrogen-pipeline-transport-green-hydrogen> (дата обращения: 16.06.2025).

⁴ China's First Long-Distance Hydrogen Pipeline. Dialogue Earth. URL: <https://dialogue.earth/en/digest/chinas-first-long-distance-hydrogen-pipeline/> (дата обращения: 18.06.2025).

словлено гораздо большими финансово-экономическими возможностями КНР и значительно более строгим отношением к необходимости выполнять планы (особенно те, которые были анонсированы на самом высоком уровне), чем это принято в Японии. Однако есть и другой очень важный аспект — это зрелость и эффективность соответствующих институтов, формирующих институциональную среду. Такая среда может оказывать как стимулирующее, так и серьезное замедляющее действие на процесс принятия решения по развитию отрасли и переходу от этапа планирования к непосредственно практической реализации проектов.

Ключевые институты развития водородной энергетики в Японии и Китае

Для начала целесообразно привести теоретическое определение институтов, на основе которого они выделяются и анализируются в рамках данного исследования. В общем виде институты — это набор правовых норм и неформальных правил, задающих логику поведения субъектов экономической деятельности (компаний, организаций, отдельных индивидов и т. д.). Это поведение подчиняется рациональным механизмам, например, достижению максимальной эффективности экономической деятельности. Институт имеет три составляющих: причины воздействия, цель воздействия, эффект воздействия [Коммонс 2012]. Предположим, причина воздействия — необходимость декарбонизации нефтеперерабатывающей промышленности, цель воздействия — перевод отдельных предприятий на использование низкоуглеродного водорода вместо «серого» при помощи конкретных организационных мер, эффект — снижение выбросов парниковых газов на дистанции ближайших пяти лет в запланированном объеме.

В рамках статьи институты будут рассматриваться в агрегированном виде, охватывающем уровень национальных экономик, пока без глубокого погружения в отраслевую среду. Потом, по мере дальнейшего расширения базы исследования, возможна и более детальная проработка институциональных аспектов в применении к отдельным сегментам. К тому же как Япония, так и особенно КНР обладают весьма запутанной организационно-институциональной структурой, предметно разобраться в которой с учетом принципов значимости и иерархичности — задача, представляющая несомненный научный интерес.

1. Япония

Выделяются следующие институты для развития водородной энергетики в Японии, которые удалось целевым образом системно классифицировать, исходя из приведенного выше определения. В первую очередь, это Национальная стратегия развития водородной энергетики, впервые опубликованная в 2017 г., и актуализированная в 2023 г. О ней уже шла речь выше — собственно, там заложены целевые ориентиры производства и применения низкоуглеродного водорода до 2030—2035 гг. [Osaki, Hughes 2025].

В 2009 г. правительство Японии инициировало программу Ene-Farm, направленную на стимулирование использования автономных энергетических установок на основе топливных элементов для обеспечения энергией малых и от-

даленных потребителей. Указанная программа предусматривала государственное субсидирование приобретения данных систем в размере до 50 % их стоимости, при этом учитывались и расходы, связанные со стоимостью водородного топлива, находившейся на тот момент в диапазоне 8—10 долл./кг¹ [Matsuzaki 2016].

В 2019 г. был опубликован еще один значимый документ — «Стратегическая дорожная карта для водорода и топливных элементов», направленный на расширение и уточнение ключевых аспектов национальной водородной стратегии. Основным ориентиром документа являлось снижение стоимости низкоуглеродного водорода до уровня, позволяющего ему конкурировать с традиционными источниками энергии (прежде всего, газовой генерацией) — до 4 долл./кг к 2030 г., и до 2 долл./кг к 2035 г. Однако, по состоянию на 2024 г., средняя стоимость производства водорода в Японии по-прежнему находится в диапазоне 6—8 долл./кг².

В октябре 2024 г. в Японии был принят закон под названием «О содействии созданию водородного общества» с целью стимулирования инвестиций со стороны частных компаний в развитие низкоуглеродного водорода. Одним из ключевых направлений документа является реализация мер, направленных на устранение явного ценового разрыва между водородом и традиционными энергоносителями, а также создание масштабной инфраструктуры водородных хабов [Miyagi 2024], [Shirakawa, Tachiiri 2025].

Пока закон еще не заработал в полную силу, поэтому его роль оценить сложно. Но это все-таки закон прямого действия, т. е. прописанные в нем нормы являются обязательными к исполнению для компаний, претендующих на меры государственной поддержки, и за их неисполнение предусмотрены серьезные штрафные санкции. Параллельно актуализируется и действующее законодательство — закон «О мерах безопасности при эксплуатации газовой инфраструктуры», в плане добавления специализированных технических стандартов. Такие стандарты призваны регулировать транспортировку и хранение водорода, отчасти принимая во внимание потенциальную «массовость» его применения в обозримом будущем³.

2. Китай

Системообразующим институтом самого верхнего уровня в Китае является, естественно, пятилетний план. В настоящее время действует его 14-я по счету редакция (2021—2025). План декларирует стремление к повышению показателей энергосбережения и сокращению выбросов CO₂, сохранению окружающей среды, переходу к экономике с фокусом на низкоуглеродные источники энергии

---

¹ Success Factors for Demonstration Projects of Small-Scale Stationary Fuel Cells in Residential Buildings. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/figure/Commercialisation-of-Ene-farm-stationary-fuel-cell-systems-in-Japan-until-2019-evolution_fig5_357179183 (дата обращения: 21.06.2025).

² The Strategic Road Map for Hydrogen and Fuel Cells. Hydrogen and Fuel Cell Strategy Council Publication. URL: https://www.hydrogenenergysupplychain.com/wp-content/uploads/2021/07/0312_002b.pdf (дата обращения: 22.06.2025).

³ Joyce A., Konno H. et al. Oil & Gas Laws and Regulations Japan. The International Comparative Legal Guides. URL: <https://iclg.com/practice-areas/oil-and-gas-laws-and-regulations/japan> (дата обращения: 22.06.2025).

(ГЭС, ВИЭ, АЭС, водород, биотопливо). Для конкретизации положений пятилетнего плана в «низкоуглеродной» части в 2021 г. был принят «План по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов»¹ [Herburn, Qi, Stern... 2021], [Wen, Li, Zhang 2022].

Однако «План по энергосбережению» по большей части конкретизирует задачи по развитию ВИЭ, затрагивая водород лишь в общих чертах. В связи с этим в Китае был принят «Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021—2035)»² для реализации шагов по производству низкоуглеродного водорода с опорой на собственную технологическую базу [Lou, Corbeau 2023; Wang, Fan... 2025].

В настоящее время в Китае отсутствует специализированный «водородный» закон³. Необходимые функции берут на себя другие документы — Решения ЦК Коммунистической партии Китая и Государственного совета КНР об ускорении комплексной зеленой трансформации экономического и социального развития, обнародованные 31 июля 2024 г.⁴

Китайская модель структурно основывается на принципе децентрализации экономических полномочий, в рамках которого провинциям предоставляется значительная автономия в принятии решений. Такой подход удачно сочетает централизованное управление с гибкими рыночными механизмами, трансформируя административную свободу на провинциальном уровне в инструмент экономического роста. При этом система нормативно-правового регулирования Китая опирается на институт совместных решений Канцелярии ЦК КПК и Канцелярии Госсовета, которые интегрируют партийные директивы и государственную политику, обеспечивая их синхронизацию. Эти документы обладают наивысшим юридическим статусом и хорошо гармонизируют интересы центра и регионов, минимизируя противоречия. Таким образом, в КНР институциональный синтез партийного руководства и государственного управления создает вполне устойчивую основу для долгосрочного планирования. Исторически аналогичный механизм существовал в СССР через совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров, однако в Китае он был адаптирован к условиям рыночной экономики.

---

¹ 14th Five-Year Plan: Energy Conservation Emissions Reduction Work Plan 2021-2025 (2021). Climate Change Laws of the World. URL: https://climate-laws.org/document/14th-five-year-comprehensive-work-plan-for-energy-saving-and-emission-reduction-2021-2025-notice-33_b020 (дата обращения: 24.06.2025).

² Medium and Long-Term Planning for the Development of Hydrogen Energy Industry (2021-2035). ИНЕС. URL: https://hycentre.org.cn/list_27/100.html (дата обращения: 25.06.2025).

³ В отличие от России, где основную нормативную нагрузку несут федеральные законы (ФЗ), в Китае ключевая роль отводится подзаконным актам Госсовета и ведомственным инструкциям (например, поступающим от органов наподобие Госкомитета по развитию и реформам). Даже при наличии «прямых» законов (таких как Гражданский кодекс), их положения носят рамочный характер, а конкретика определяется именно директивными документами госаппарата и внутренними директивами Компартии, которые де-факто имеют силу закона.

⁴ The Communist Party of China has issued Opinions on Accelerating Comprehensive Green Transformation. China Development Brief News. URL: <https://chinadevelopmentbrief.org/reports/the-communist-party-of-china-ccpc-has-issued-opinions-on-accelerating-comprehensive-green-transformation/> (дата обращения: 24.06.2025).

Более «приземленными» примерами нормативных институтов могут служить следующие документы: «Технические стандарты для автомобильных заправочных станций и специальных водородных заправочных станций» и «Технические характеристики топлива для автомобилей, работающих на водороде», принятые в 2021 г. Они устанавливают и регламентируют четкие требования к вопросам строительства, эксплуатации и обеспечения безопасности водородных заправочных станций, а также определяют параметры водородного топлива, которое должно использоваться на данных объектах инфраструктуры¹ [Zhao 2025].

Оценка эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии

Оценка предоставляется на основе специального индекса. Перед демонстрацией того, как он работает на практике, целесообразно представить перечисленные в предыдущем разделе институты (для обеих стран) в формате таблиц (табл. 1, 2).

Таблица 1. Институты развития водородной энергетики в Японии²

Институт	Целевые ориентиры	Промежуточные результаты
1. Закон «О содействии созданию водородного общества»	7 трлн иен (53 млрд долл.) на инфраструктуру до 2035 г. Компенсация бизнесу разницы в стоимости водорода по сравнению с ископаемым топливом в течение 10—15 лет Потребление водорода на уровне 12 млн т к 2040 г.	—
2. Стратегия развития водородной энергетики (версия 2023 г.)	Производство 3 млн т водорода ежегодно к 2035 г. Выпуск 200 тыс. автомобилей на ВТЭ к 2025 г. и 800 тыс. к 2035 г. Снижение стоимости водорода с 10 долл./кг до 3 долл./кг к 2030 г.	Фактическое производство не более 30 тыс. т в 2024 г. Всего за период 2014—2024 гг. выпущено 14 тыс. единиц. Фактическая стоимость на 2024 г. в диапазоне 6—8 долл./кг
3. Программа Ene-Farm	Ввод в эксплуатацию не менее 100 МВт мощности мини-ТЭЦ на топливных элементах к 2020 г. Компенсация государством до половины стоимости этих систем	К 2022 г. в эксплуатации находилось более 300 МВт таких мини-ТЭЦ. Компенсации осуществлялись через специальный фонд

¹ Zhang V. Hydrogen Law, Regulations & Strategy in China. CMS Legal Analytics. URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-hydrogen/china> (дата обращения: 24.06.2025).

² Приведенные показатели касаются исключительно низкоуглеродного водорода.

Институт	Целевые ориентиры	Промежуточные результаты
4. Стратегическая дорожная карта для водорода и топливных элементов (ТЭ)	Использование на 80 % ТЭ отечественного производства, снижение стоимости водорода до 4 долл./кг к 2030 г.	Доля отечественных ТЭ превышает 50 %, сохраняется оптимизм в плане снижения стоимости водорода
5. Закон «О мерах безопасности при эксплуатации газовой инфраструктуры»	Разработка национальных стандартов для производства, транспортировки и хранения водорода	Введена система контроля утечек, приняты стандарты работы ВЗС и протоколы аварийного реагирования

Источники: Ohno T., Nishida Yu. et al. Re-examining Japan's Hydrogen Strategy Moving Beyond the "Hydrogen Society" Fantasy 2022. URL: https://www.renewable-ei.org/pdfdownload/activities/REI_Japan_HydrogenStrategy_EN_202209.pdf (дата обращения: 08.06.2025); Accelerating the Truly Low-Carbon Hydrogen Transition in Japan 2025. Green Hydrogen Organization (GHO) Report. URL: <https://gh2.org/sites/default/files/2025-04/Copy%20of%20Japanese%20Publication%20%28English%20Version%29.pdf> (дата обращения: 10.06.2025); Sold a Total of 200,000 Units of the Ene-Farm Fuel Cell System for Residential Use. Daidas Group. URL: https://www.osakagas.co.jp/en/whatsnew/_ics_files/afieldfile/2024/05/10/240410.pdf (дата обращения: 08.06.2025); [Popov, Baldynov 2018].

Таблица 2. Институты развития водородной энергетики в Китае

Институт	Целевые ориентиры	Промежуточные результаты
1. План по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов	Снижение энергопотребления на единицу ВВП на 13 %. Разработка критериев отнесения водорода к типу «низкоуглеродный»	Энергопотребление снижено на 10 % точно. В 2024 г. были определены такие критерии выбросов CO ₂ : 4,9—14,51 кг CO ₂ -экв./кг H ₂
2. Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021—2035)	Производство «чистого» водорода в диапазоне 100—200 тыс. т в год к 2025 г. и до 3 млн т к 2035 г. Выпуск до 50 тыс. единиц автомобилей на ВТЭ к 2025 г. и до 1 млн единиц к 2035 г. Ввод не менее 100 ГВт электролизных мощностей к 2035 г.	По итогам 2024 г. получено 125 тыс. т низкоуглеродного водорода именно способом электролиза. Количество транспорта на ВТЭ на дорогах оценивается в диапазоне 30—50 тыс. единиц. По состоянию на 2024 г., в КНР в эксплуатации находится 39 ГВт таких мощностей
3. Решения ЦК КПК и Государственного совета КНР об ускорении комплексной «зеленой» трансформации экономического и социального развития	Использование «чистого» водорода для замены угля и метана в металлургии, химической промышленности, производстве цемента. Использование «чистого» водорода как топлива для грузового транспорта в дополнение к легковому и пассажирскому. Использование «чистого» водорода как носителя энергии для балансирования ВИЭ-генераторов	Заклучения имеют рамочный характер и делают акцент на развитие целого ряда новых энергетических систем, включая и водородные. Также водород позиционируется как стратегический ресурс для обеспечения энергетической безопасности и достижения декарбонизации экономики в долгосрочной перспективе. Говорится и об ускорении реализации крупных научно-технических проектов

Институт	Целевые ориентиры	Промежуточные результаты
4. Технические стандарты для АЗС / ВЗС и технические характеристики топлива для автомобилей, работающих на водороде	Разработка национальных стандартов для производства, транспортировки и хранения водорода с учетом отраслевой специфики	Определены требования к материалам трубопроводов, баллонов и резервуаров для снижения утечек водорода и обеспечения безопасности. Стандартизировано давление на ВЗС при заправке баллонов в диапазоне 35—70 МПа
5. Программы провинций в области развития водородной энергетики	Самые амбициозные планы по производству водорода представили две провинции: Внутренняя Монголия. План производства — 480 тыс. т к концу 2025 г.; Ганьсу. План производства — 220 тыс. т к концу 2025 г.	Суммарно планы этих двух провинций дают показатель в 700 тыс. т водорода. Однако достоверной информации о том, что какая-либо из них достигла хотя бы половины выпуска заявленного объема, не обнаружено

Источники: [Lou, Corbeau 2023]; Resolution of the Central Committee of the Communist Party of China on Further Deepening Reform Comprehensively to Advance Chinese Modernization. Ministry of Foreign Affairs (China). URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202407/t20240721_11457437.html (дата обращения: 12.06.2025); 14th Five-Year Plan: Energy Conservation Emissions Reduction Work Plan 2021—2025 (2021). Climate Change Laws of the World. URL: https://climate-laws.org/document/14th-five-year-comprehensive-work-plan-for-energy-saving-and-emission-reduction-2021-2025-notice-33_b020 (дата обращения: 24.06.2025); China's Hydrogen Electrolyzer Industry Facing Technology, Cost Challenges. S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/energy-transition/021925-chinas-hydrogen-electrolyzer-industry-facing-technology-cost-challenges> (дата обращения: 24.06.2025); [Liu, Wan 2022]; [Guo, Li 2025].

Для решения поставленной задачи — разработки индекса оценки эффективности институтов — предлагается комплексная методология с использованием иерархической структуры критериев¹. Ключевым фактором является «вес», а именно, выраженная в процентах характеристика значимости вклада института в траекторию развития отрасли. Основных критериев четыре: правовая эффективность (вес 25 %); экономическая эффективность (вес 30 %); операционная эффективность (вес 25 %); социальная эффективность (вес 20 %). Каждый из этих критериев дополнительно декомпозируется (подразделяется) еще на четыре подкритерия, которым также присваиваются «веса» в зависимости от уровня их значимости и применимости. Для каждого подкритерия предлагается шкала оценки от 0 до 100 баллов, разделенная на четыре сегмента (0—25, 26—50, 51—75, 76—

¹ Речь идет о принципах многокритериального анализа решений (Multi-Criteria Decision Analysis, MCDA) и метода анализа иерархий (Analytic Hierarchy Process, АНП), используемых для декомпозиции сложной проблемы на более простые составные части, сравнения их относительной важности и синтеза итоговых «весов». Пионер данного подхода — американский ученый Т. Саати [Saati, Vargas 2012].

100)¹; далее в процессе анализа подкритериям присваиваются баллы в этом диапазоне. Общая средневзвешенная оценка для каждого основного критерия выводится в виде суммы оценок для подкритериев, полученных как произведение веса подкритерия (для этого проценты переводятся в доли) и экспертной оценки в баллах от 0 до 100.

Итоговый индекс эффективности институтов (IEI) рассчитывается по формуле

$$IEI = (W_1 \times S_1) + (W_2 \times S_2) + (W_3 \times S_3) + (W_4 \times S_4),$$

где W — вес каждого основного критерия (при расчете проценты переводятся в доли);

S — нормализованная экспертная оценка для каждого критерия верхнего уровня с учетом вклада подкритериев (0 — это минимальная эффективность, 100 — максимальная).

Если рассматривать показательные практики определения критериев/подкритериев и присвоения весов, то качественное представление об этом дает руководство, опубликованное Департаментом по делам общин и местного самоуправления (Лондон) в 2009 г. В документе всесторонне описано применение многокритериального анализа для оценки эффективности реализации государственных программ. Там приводятся этапы выделения и структурирования критериев, присвоения весов и агрегирования оценок [Multi-Criteria Analysis... 2009].

Выбор критериев был сделан по результатам предметного анализа прогнозов мировой энергетики (World Energy Outlook) Международного энергетического агентства, выпускаемых с 1977 г. В них МЭА подчеркивает, что успешная энергетическая политика зависит от четырех факторов: стабильной и предсказуемой правовой базы; экономических механизмов, создающих стимулы к развитию; грамотно выстроенных процессов реализации; общественной поддержки инициатив². Схожей логики в отношении критериев (включая определение весов в долях и/или процентах) придерживаются в своих статьях научные коллективы из разных государств и организаций. Примеры таких публикаций: [Vedung 1998]; [Hjeij, Bicer... 2023]; [Jia, Huang... 2025]; [Zhang, Zhang 2021]; [Baumgarten, Schneider, Most 2025].

Что касается подкритериев, то их формирование и распределение весов были выполнены авторами с привлечением как уже перечисленных выше материалов, так и нескольких других источников, дающих взвешенное представление о том, как именно следует проводить эту работу. Например, для выделения подкритериев в рамках критерия «Правовая эффективность» использовались подходы из книги [Baldwin, Cave, Lodge 2012], для выделения подкритериев в рамках крите-

---

¹ Эти сегменты представляют собой упрощенный вариант «доверительного интервала». Далеко не всегда можно четко определить в баллах уровень «развитости» института по одному или нескольким подкритериям (например, нормативный документ глубоко проработан в части правовой и социальной эффективности, однако с момента опубликования прошло менее года, то есть накопленного опыта его применения пока мало, а значит, показатели экономической и операционной эффективности поддаются оценке не столь хорошо).

² World Energy Outlook 2024. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024> (дата обращения: 26.06.2025).

рия «Экономическая эффективность» — из статей [Mehranvar, Sachs 2023] и [Numan, Ma... 2023], для выделения подкритериев в рамках критерия «Операционная эффективность» — из статей [Kalatha, Dontis-Charitos... 2025] и [Gorzen-Mitka, Wiczorek-Kosmala 2023], для выделения подкритериев в рамках критерия «Социальная эффективность» — из статьи [Dong, Wang, Zhou 2023].

Важно указать на то, что представление методологического подхода именно в таком структурном виде, включая распределение весов для подкритериев с учетом специфики Японии и Китая, как раз и формирует авторский вклад в данную теоретическую область, а также в область практического использования индекса на примере конкретных государств.

Оценки для каждого конкретного института определяются и обосновываются, в первую и главную очередь, на основе детального анализа текста документа (или массива прочих источников, максимальным образом раскрывающих его логику и структуру), а также опыта практического применения — то есть понимания того, как институт интегрируется с задачами развития водородной энергетики «на земле» и стимулирует реализацию проектов. Во вторую очередь, оценки выводятся с привлечением статистических данных, результатов исследований схожего профиля, отраженных в научных публикациях, отраслевых отчетах и аналитических материалах консалтинговых агентств. Немаловажное значение для верификации полученных результатов имеют мнения профильных экспертов, которые были собраны благодаря опросу, специально проведенному авторами статьи¹. Эти мнения в целом подтвердили правильность предлагаемого подхода.

Работа по формированию индекса и комплексному анализу институтов осуществлялась авторами на протяжении более полугода (принимая также во внимание опыт, накопленный на протяжении нескольких лет) и отражает достаточно зрелый подход, дающий обоснованные научные результаты. Его научная важность заключается в том, что этот подход может быть успешно применен и для анализа институтов, оказывающих влияние на развитие других отраслей народного хозяйства, с целью предметного понимания того (в т.ч. на уровне принятия решений), какие из них являются наиболее эффективными (табл. 3—7).

Таблица 3. Декомпозиция критериев и определение весов для подкритериев

Основной критерий и подкритерии с весами	Краткое обоснование подкритериев
S1: Правовая эффективность (совокупный вес 25 %)	
1.1. Полнота правовых норм (30 %)	Включает цели, ответственность участников, механизмы реализации
1.2. Соответствие международным стандартам (30 %)	Привязка к Парижскому соглашению и целям устойчивого развития ООН

¹ Всего получено 12 мнений от специалистов с высоким уровнем экспертизы (кандидаты и доктора наук), подтвержденными публикациями в авторитетных журналах, 4 по Японии и 8 — по Китаю (включая три мнения непосредственно от китайских ученых).

Основной критерий и подкритерии с весами	Краткое обоснование подкритериев
1.3. Понятная логика применения (20 %)	Четкое разделение полномочий между ведомствами
1.4. Гарантии и санкции для участников (20 %)	Понятные механизмы контроля и ответственности за невыполнение
S2: Экономическая эффективность (совокупный вес 30 %)	
2.1. Снижение транзакционных издержек (25 %)	Упрощение процедур отчетности и получения различных мер поддержки
2.2. Оптимизация финансовых затрат (25 %)	Объем бюджетного финансирования и привлечение частных инвестиций
2.3. Привлекательность для инвесторов (30 %)	Налоговые льготы, субсидии, иные компенсирующие меры
2.4. Бюджетная эффективность (20 %)	Соотношение затрат на реализацию и достигаемых эффектов
S3: Операционная эффективность (совокупный вес 25 %)	
3.1. Скорость реализации проектов (30 %)	Четкое соблюдение сроков (включая промежуточные этапы)
3.2. Качество результатов (30 %)	Достижение конкретных измеримых целей (снижение выбросов CO ₂)
3.3. Координация между участниками (20 %)	Конструктивное межведомственное взаимодействие
3.4. Управление рисками (20 %)	Мониторинг выполнения и адаптация планов к меняющимся условиям
S4: Социальная эффективность (совокупный вес 20 %)	
4.1. Социальные эффекты проектов (30 %)	Создание «зеленых» рабочих мест
4.2. Экологические преимущества (30 %)	Снижение выбросов CO ₂ , SO ₂ , NO _x , улучшение качества воздуха
4.3. Прозрачность внутренних процессов (20 %)	Публикация данных, отчетов, общая доступность информации
4.4. Участие представителей общественности (20 %)	Наличие практик общественного обсуждения и «обратной связи»

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Таблица 4. Оценочная шкала для подкритериев по S1: Правовая эффективность

Подкритерий	Шкала
1.1. Полнота правовых норм	0—25: Отсутствие какого-либо правового статуса 26—50: Декларативный характер документа 51—75: Четкие цели и механизмы, но размытые сроки 76—100: Все элементы должным образом прописаны
1.2. Соответствие международным стандартам	0—25: Отсутствие каких-либо упоминаний 26—50: Упоминания общего характера, без конкретики 51—75: Предметные упоминания и отсылки 76—100: Прямая привязка к национальным планам
1.3. Понятная логика применения	0—25: Полномочия никак не определены 26—50: Формальное (общее) распределение ролей 51—75: Функционал разграничен, но есть пересечения 76—100: Непересекающееся распределение обязанностей
1.4. Гарантии и санкции для участников	0—25: Отсутствие каких-либо упоминаний 26—50: Упоминания общего характера, без конкретики 51—75: Предметные упоминания и отсылки на примеры 76—100: Понятная система с необходимыми механизмами

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Таблица 5. Оценочная шкала для подкритериев по S2: Экономическая эффективность

Подкритерий	Шкала
2.1. Снижение транзакционных издержек	0—25: Высокие транзакционные издержки 26—50: Есть понимание необходимости их снижения 51—75: Издержки носят контролируемый характер 76—100: Транзакционных издержек практически нет
2.2. Оптимизация финансовых затрат	0—25: Используются только бюджетные средства 26—50: Минимальное привлечение частных инвестиций 51—75: Привлечение частных инвестиций на 25—50 % 76—100: Привлечение частных инвестиций >50 %
2.3. Привлекательность для инвесторов	0—25: Отсутствие льгот и мер поддержки 26—50: Обещания мер поддержки в ближайшем будущем 51—75: Внедрены отдельные стимулирующие меры 76—100: Действует целый комплекс мер поддержки
2.4. Бюджетная эффективность	0—25: Высокие затраты, слабый эффект 26—50: Есть только отложенный долгосрочный эффект 51—75: Эффективное использование средств ¹ 76—100: Относится к числу лучших мировых практик

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

¹ Достижение всех поставленных целей в рамках утвержденного бюджета, либо же с минимальными дополнительными затратами (менее 5% от изначально выделенного объема средств).

Таблица 6. Оценочная шкала для подкритериев по S3: Операционная эффективность

Подкритерий	Шкала
3.1. Скорость реализации проектов	0—25: Сроки не соблюдаются без каких-либо пояснений 26—50: Имеет место постоянный перенос сроков 51—75: Сроки сдвигаются незначительно (до 6 мес.) 76—100: Фиксируется полное соблюдение сроков
3.2. Качество результатов	0—25: Обозначенные цели не достигаются 26—50: Достигается выполнение <70 % плана 51—75: Достигается выполнение 70—90 % плана 76—100: Выполнение или перевыполнение плана
3.3. Координация между участниками	0—25: Полное отсутствие координации 26—50: Координация на уровне неформальных встреч 51—75: Регулярные официальные мероприятия 76—100: Постоянно действующие советы/комитеты и т. д.
3.4. Управление рисками	0—25: Не происходит адаптации к меняющимся условиям 26—50: Редкие и нерегулярные изменения 51—75: Регулярная корректировка параметров 76—100: Система, гибко реагирующая на изменения

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Таблица 7. Оценочная шкала для подкритериев по S4: Социальная эффективность

Подкритерий	Шкала
4.1. Социальные эффекты проектов	0—25: Никаких эффектов не просматривается 26—50: Незначительное количество новых рабочих мест 51—75: Идет подготовка квалифицированных кадров 76—100: Создано 1000 и более новых рабочих мест
4.2. Экологические преимущества	0—25: Цели по снижению выбросов не определены 26—50: Заявлены общие цели, без конкретизации 51—75: Есть конкретные цели (снижение NOx на 10 %) 76—100: Фиксируется достижение конкретных целей
4.3. Прозрачность внутренних процессов	0—25: Отсутствие какой-либо отчетности 26—50: Отчеты общего плана, без измеримых метрик 51—75: Детализированные квартальные и годовые отчеты 76—1—00: Публикация данных в реальном времени
4.4. Участие представителей общественности	0—25: Полное отсутствие участия 26—50: Формальные консультации и встречи 51—75: Организация публичных слушаний 76—100: Учет общественного мнения в работе

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Ниже приводятся итоговые таблицы с результатами расчетов для Японии и КНР (оценены все 10 институтов, по 5 на каждое государство), и дается объяснение, почему были получены такие результаты. Чем выше в баллах итоговый расчетный показатель, тем более значимым и весомым является рассматриваемый институт. С целью понятной иллюстрации практического применения методологии пошаговой оценки институтов были выбраны два конкретных примера (для Японии и Китая соответственно). Это институты, получившие наивысший ИЕИ; все остальные оценивались по схожей логике с учетом их назначения и специфических черт. Впоследствии предполагается совершенствование методологии расчета индекса при помощи добавления новых критериев и расширения диапазона оценочных характеристик (табл. 8–11).

1. Япония. Пример оценки института: «Программа Ene-Farm».

Таблица 8. Расчет взвешенной оценки по каждому критерию (S1, S2, S3, S4)

Подкритерий	Вес	Оценка (0–100)	Взвешенная оценка ¹
S1: Правовая эффективность (вес критерия 25 %)			
1.1. Полнота правовых норм	30 %	80	24
1.2. Соответствие международным стандартам	30 %	90	27
1.3. Понятная логика применения	20 %	90	18
1.4. Гарантии и санкции для участников	20 %	70	14
Итого S1	100 %		Сумма: 83
S2: Экономическая эффективность (вес критерия 30 %)			
2.1. Снижение транзакционных издержек	25 %	85	21
2.2. Оптимизация финансовых затрат	25 %	80	20
2.3. Привлекательность для инвесторов	30 %	85	26
2.4. Бюджетная эффективность	20 %	70	14
Итого S2	100 %		Сумма: 81
S3: Операционная эффективность (вес критерия 25 %)			
3.1. Скорость реализации проектов	30 %	85	26
3.2. Качество результатов	30 %	95	28

¹ Рассчитывается так: вес в % переводится в доли (30% → 0,3) и умножается на оценку, поставленную экспертно согласно шкале от 0 до 100.

Подкритерий	Вес	Оценка (0—100)	Взвешенная оценка
3.3. Координация между участниками	20 %	90	18
3.4. Управление рисками	20 %	70	14
Итого S3	100 %		Сумма: 86
S4: Социальная эффективность (вес критерия 20 %)			
4.1. Социальные эффекты проектов	30 %	80	24
4.2. Экологические преимущества	30 %	85	26
4.3. Прозрачность внутренних процессов	20 %	70	14
4.4. Участие представителей общественности	20 %	68	14
Итого S4	100 %		Сумма: 78

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Финальный расчет ИЕИ (согласно базовой формуле):

$$\begin{aligned} \text{ИЕИ} &= (0,25 \times 83) + (0,30 \times 81) + (0,25 \times 86) + (0,20 \times 78) = \\ &= 20,7 + 24,3 + 21,5 + 15,5 = 82. \end{aligned}$$

Расчет индекса явно подтвердил статус программы Ene-Farm как высокоэффективной и количественно обосновал ее лидерство, а также показал, чем подкреплен успех программы.

Итоговое распределение институтов в соответствии с показателями (для Японии)

На основании представленной выше методологии получены следующие результаты для институтов развития водородной энергетики в Японии в контексте их ранжирования по значимости (весомости) (табл. 9).

Таким образом, наивысший ИЕИ обоснованно получает программа Ene-Farm. На 2-м месте со значительным отставанием расположилась Стратегическая дорожная карта для водорода и топливных элементов. Эти два документа выделяются практико-ориентированным подходом, то есть помимо общих установочных целей, они предполагают перечень конкретных мер по реализации, подкрепленных понятным техническим и финансовым обеспечением. Закон «О содействии созданию водородного общества» имеет высокий правовой статус и также вводит перечень конкретных мер, однако этот документ находится в стадии доработки и, естественно, пока не показал сколько-нибудь значимых результатов. Закон «О мерах безопасности при эксплуатации газовой инфраструк-

Таблица 9. Расчет индекса оценки институтов (IEI) для Японии

Институт	S ₁	S ₂	S ₃	S ₄	IEI
Программа Ene-Farm	83	81	86	78	82
Стратегическая дорожная карта для водорода и топливных элементов	70	75	80	60	72
Закон «О содействии созданию водородного общества»	80	70	68	60	70
Закон «О мерах безопасности при эксплуатации газовой инфраструктуры»	70	60	70	60	65
Стратегия развития водородной энергетики	55	56	58	55	56

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

туры» — это отраслевой акт, применимость которого прямо определяется эффектом масштаба. Если производство и потребление низкоуглеродного водорода в Японии заметно вырастет, этот и похожие регулирующие акты будут играть критически важную роль именно в контексте «обращения» с водородом, без чего невозможно обеспечение надежности работы объектов соответствующей инфраструктуры.

Что касается Стратегии развития водородной энергетики, то этот документ в редакции 2017 г. адекватно отражал намерения Японии в данном направлении и внушал сдержанный оптимизм. Однако впоследствии Стратегия все больше и больше превращалась в прокламацию, оторванную от реального положения дел. Конечно, отчасти это произошло ввиду неготовности страны к ускоренному внедрению водородных технологий, но повторение ориентиров 2017 г. в обновленной версии 2023 г. выглядит контрпродуктивно с учетом сложившейся ситуации. Японии следовало бы признать невозможность достижения заявленных целей в поставленные сроки (к 2030—2035 гг.) и снизить уровень амбиций.

К сожалению, в настоящее время действие программы Ene-Farm, зарекомендовавшей себя в качестве наиболее эффективного института, фактически приостановлено. Мало внимания уделяется и дальнейшему совершенствованию механизмов, заложенных в Стратегическую дорожную карту для водорода и топливных элементов ранее [Wen, Aziz 2024]. Правительство, опираясь на положения Стратегии развития водородной энергетики (версия от 2023 г.), сделало ставку на крупнотоннажное производство водорода для получения эффектов в масштабе всей экономики. Однако характер и сроки наступления таких эффектов уходят далеко за горизонт 2030—2035 гг., и нет никаких гарантий, что удастся их получить в таком объеме, который можно было бы измерить с привлечением соответствующих количественных индикаторов.

2. Китай. Пример оценки института: «План по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов».

Таблица 10. Расчет взвешенной оценки по каждому критерию (S1, S2, S3, S4)

Подкритерий	Вес	Оценка (0–100)	Взвешенная оценка
S1: Правовая эффективность (вес критерия 25 %)			
1.1. Полнота правовых норм	30 %	85	26
1.2. Соответствие международным стандартам	30 %	80	24
1.3. Понятная логика применения	20 %	75	15
1.4. Гарантии и санкции для участников	20 %	75	15
Итого S1	100 %		Сумма: 80
S2: Экономическая эффективность (вес критерия 30 %)			
2.1. Снижение транзакционных издержек	25 %	70	18
2.2. Оптимизация финансовых затрат	25 %	80	20
2.3. Привлекательность для инвесторов	30 %	85	25
2.4. Бюджетная эффективность	20 %	70	14
Итого S2	100 %		Сумма: 77
S3: Операционная эффективность (вес критерия 25 %)			
3.1. Скорость реализации проектов	30 %	80	24
3.2. Качество результатов	30 %	85	26
3.3. Координация между участниками	20 %	60	12
3.4. Управление рисками	20 %	65	13
Итого S3	100 %		Сумма: 75
S4: Социальная эффективность (вес критерия 20 %)			
4.1. Социальные эффекты проектов	30 %	70	21
4.2. Экологические преимущества	30 %	85	26

Окончание табл. 10

Подкритерий	Вес	Оценка (0—100)	Взвешенная оценка
4.3. Прозрачность внутренних процессов	20 %	65	13
4.4. Участие представителей общественности	20 %	50	10
Итого S4	100 %		Сумма: 70

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Финальный расчет IEI (согласно базовой формуле):

$$IEI = (0,25 \times 80) + (0,30 \times 77) + (0,25 \times 75) + (0,20 \times 70) = \\ = 20,0 + 23,1 + 18,8 + 14,0 = 76.$$

Расчет индекса подтверждает статус «Плана» как самого системно значимого документа. Высокий балл демонстрирует, что «План» является основным ориентиром на пути реализации инициатив по развитию водородной энергетики в Китае.

Итоговое распределение институтов в соответствии с показателями (для Китая)

На основании представленной выше методологии получены следующие результаты для институтов развития водородной энергетики в Китае в контексте их ранжирования по значимости (весомости) (табл. 11).

Таблица 11. Расчет индекса оценки институтов (IEI) для Китая

Институт	S ₁	S ₂	S ₃	S ₄	IEI
«План по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов»	80	77	75	70	76
«Решения ЦК КПК и Государственного совета КНР об ускорении комплексной «зеленой» трансформации экономического и социального развития»	95	65	65	52	70
«Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021—2035)»	75	70	65	60	68
Технические стандарты для АЗС/ВЗС и технические характеристики топлива для автомобилей, работающих на водороде	60	65	75	60	65
Программы провинций в области развития водородной энергетики	65	62	58	65	62

Источник: Составлено авторами в соответствии с методологическими обоснованиями и подходами в рамках оценки эффективности институтов развития водородной энергетики в Японии и Китае.

Таким образом, наивысший ИЕИ у «Плана по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов». На втором месте расположились «Решения ЦК КПК и Государственного совета КНР» благодаря очень высокой правовой значимости. По сути, эти два документа играют системообразующую роль в иерархии принятия решений — то есть нижестоящие инстанции выстраивают свою деятельность именно в логике того курса, который четко «проложен» «Планом по энергосбережению» и «Решениями». Совсем немного от Решений отстает «Средне- и долгосрочный план развития водородной энергетики», демонстрирующий неплохие показатели экономической и операционной эффективности, поскольку этот документ служит целям конкретизации руководящих положений. В Китае, в отличие от японского аналога, план не является формальным документом, а предметно задает рамки и ориентиры, за невыполнение которых ответственные органы понесут серьезное наказание.

Технические стандарты для АЗС/ВЗС и технические характеристики топлива для автомобилей, работающих на водороде — это отраслевые документы (аналогично Японии), служащие решению конкретных задач по обеспечению бесперебойности и безопасности работы соответствующей инфраструктуры. Однако в Китае, в силу его размеров и наличия заметных диспропорций в региональном социально-экономическом развитии, такого рода акты не везде и не всегда функционируют должным образом.

На последнем месте в рейтинге располагаются программы провинций в области развития водородной энергетики, что не совсем справедливо, если смотреть через призму планов, но вполне закономерно при анализе критериев экономической и операционной эффективности. Дело в том, что провинции часто заявляют амбициозные планы в надежде привлечь внимание центра, поскольку сами не обладают должными финансовыми и технологическими ресурсами, но имеют большое желание принять участие в проектах стратегической важности, способных потенциально повлиять (в сторону роста) на экономические показатели¹. Иногда это даже приводит к «перетягиванию одеяла» между провинциями и сознательному «подкручиванию» нужных результатов.

Заключение

Япония и Китай демонстрируют существенно разные институциональные подходы к развитию водородной энергетики, обусловленные национальной спецификой. Японская модель характеризуется акцентом на операционную эффективность, что укладывается в общие рамки традиционной ориентации на высокое качество реализации проектов, однако экономическая и социальная составляющие представлены хуже. Китай, напротив, реализует централизованно-целевой подход с доминированием экономических и социально-политических приорите-

---

¹ CCP Decision-Making and Xi Jinping's Centralization of Authority. Chapter 1. U.S. — China Economic and Security Commission (USCC) Publication. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2022-11/Chapter_1--CCP_Decision-Making_and_Xi_Jinpings_Centralization_of_Authority.pdf (дата обращения: 28.06.2025).

тов, где институты служат инструментом достижения стратегических целей энергобезопасности и декарбонизации. В отличие от Японии, Китай «подкрепляет» заявленные цели по производству низкоуглеродного водорода и строительству инфраструктуры масштабом инвестиций, однако фактическая реализация проектов страдает от дисбаланса между амбициозными ориентирами, указанными в документах на уровне провинций, и не всегда конкретными формулировками, присутствующими в решениях «двух канцелярий».

Что касается развития водородной энергетики на ближайшие 10 лет, то очевидно, что Япония рискует не достичь целевых ориентиров по стоимости 1 кг низкоуглеродного водорода и объемам потребления из-за критического несоответствия между запланированными показателями и фактической (очень скромной) динамикой их воплощения, несмотря на успехи отдельных программ (Ene-Farm). Пока ничего не удастся сделать и со слабой окупаемостью проектов по причине ограниченного внутреннего спроса и наличия административных барьеров, на преодоление которых уходит много времени.

Вероятность того, что Китай достигнет обозначенных целей (например, по производству 3 млн т низкоуглеродного водорода к 2035 г.) хотя бы частично, на 50—60 %, явно выше, чем для Японии — благодаря более «строгой» государственной политике и значительным финансово-экономическим ресурсам. Но при этом Китай рискует столкнуться с серьезными дисбалансами в развитии инфраструктуры (например, отставание темпов расширения сети ВЭС от темпов выпуска транспорта на ВТЭ), кроме того, вызовом остается и верификация данных по статусу «низкоуглеродности» водорода в свете сильных расхождений в отчетности провинций.

Обеим странам важно разработать механизмы стимулирования частных инвестиций для ускорения коммерциализации водородных технологий, а также активизировать международное сотрудничество, включая обмен лучшими практиками в области регулирования. Японии нужно уделить больше внимания строительству водородной инфраструктуры, а Китаю — ужесточить контроль за соблюдением технических стандартов. Обеим странам также необходимо внедрить систему мониторинга и оценки эффективности институтов на основе четких критериев, чтобы своевременно реагировать на меняющуюся обстановку и корректировать свои планы.

Библиографический список

Коммонс Дж.Р. Институциональная экономика / пер. с англ. А.А. Оганесян // *Terra Economics*. 2012. № 3. Р. 69—76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutionalnaya-ekonomika> (дата обращения: 12.12.2025).

Корнеев К.А. Оценка институциональной готовности стран Северо-Восточной Азии к практическому внедрению технологий водородной энергетики // *Вестник РЭУ им Г.В. Плеханова*. 2022. Т.19. № 1 (121). С. 5—15. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-5-15.

References

Commons, J.R. (2012) *Institutsional'naya ekonomika*. [Institutional Economics] Transl. from English by A.A. Oganesyanyan. *Terra Economics* [Terra Economics], 3, 69—76. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-ekonomika>

Korneev, K.A. (2022). Otsenka institutsional'noi gotovnosti stran Severo-Vostochnoi Azii k prakticheskomu vnedreniyu tekhnologii vodorodnoi energetiki [Assessing Institutional Readiness of East-Asian Countries to Pass Over to Technologies of Hydrogen Power Engineering]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 19 (1), 5—15. (In Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-5-15.

* * *

Baldwin, R., Cave, M., Lodge, M. (2012). *Understanding Regulation: Theory, Strategy, and Practice*. OUP Oxford.

Baumgarten, J., Schneider, Ch., Most, D. (2025). Hydrogen Economy Index — A Comparative Assessment of the Political and Economic Perspective in the MENA Region for a Clean Hydrogen Economy. *International Journal of Hydrogen Energy*, 101, 1503—1517. DOI: 10.1016/j.renene.2024.122231.

Dong, L., Wang, Z., Zhou, Yu. (2023). Public Participation and the Effect of Environmental Governance in China: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Sustainability*, 15, 2—16. DOI: 10.3390/su15054442.

Gorzen-Mitka, I., Wiczorek-Kosmala, M. (2023). Mapping the Energy Sector From a Risk Management Research Perspective: A Bibliometric and Scientific Approach. *Energies*, 16, 2—32. DOI: 10.3390/en16042024.

Guo, X., Li, W., Ren, D., Chu, J. (2025). Prospects for the Development of Hydrogen Fuel Cell Vehicles in China. *Renewable Energy*, 250, 2—20. DOI: 10.1016/j.renene.2024.122231.

Hepburn, C., Qi, Ye., Stern, N. et al. (2021). Towards Carbon Neutrality and China's 14th Five-Year Plan: Clean Energy Transition, Sustainable Urban Development, and Investment Priorities. *Environmental Science and Ecotechnology*, 8, 2—8. DOI: 10.1016/j.ese.2021.100130.

Hjejj, D., Bicer, Yu., Saleh, Al-Sada M., Koc, M. (2023). Hydrogen Export Competitiveness Index for a Sustainable Hydrogen Economy. *Energy Reports*, 9, 5843—5856. DOI: 10.1016/j.egy.2023.05.024.

Jia, Ya., Huang, Yu et al. (2025). Construction of Evaluation Indicator System and Analysis for Low-Carbon Economy Development in Chengdu City of China. *Systems*, Vol. 13 (7), Is. 573, 2—42. DOI: 10.3390/systems13070573.

Kalatha, S., Dontis-Charitos, P. et al. (2025). The Market Reaction to Operational Risk Events in the Energy Sector. *Annals of Operations Research*, 347, 611—631. DOI: 10.1007/s10479-023-05488-y.

Liu, W., Wan, Y., Xiong, Y., Gao, P. (2022). Green Hydrogen Standard in China: Standard Evaluation of Low-Carbon Hydrogen, Clean Hydrogen, and Renewable

Hydrogen. *International Journal of Hydrogen Energy*, 47 (58), 24584–24591. DOI: 10.1016/j.ijhydene.2021.10.193.

Lou, Yu., Corbeau, S. (2023). China's Hydrogen Strategy: National vs. Regional Plans. *SIPA at Columbia University*. October. Retrieved from <https://www.energypolicy.columbia.edu/publications/chinas-hydrogen-strategy-national-vs-regional-plans/>

Matsuzaki, Yo. (2016). Residential Applications: ENE-FARM. *Hydrogen Energy Engineering*. September 08, 477–482. DOI: 10.1007/978-4-431-56042-5_35.

Mehranvar, L., Sachs, L. (2023). The Role and Relevance of Investment Treaties in Promoting Renewable Energy Investments. In *Investment Arbitration and Climate Change* (pp. 263–287). Kluwer Law International B.V. Retrieved from https://scholarship.law.columbia.edu/sustainable_investment/33

Mikami, J., Miyagi, E., Watanabe, Yo., Kawai, S. (2024). Passage of the Hydrogen Society Promotion Act and the CCS Business Act. *NO&T Japan Legal Update*, 46, 2–10. Retrieved from <https://www.noandt.com/en/publications/publication20240529-1/>

Multi-Criteria Analysis: A Manual. (2009). London: Department for Communities and Local Government. Retrieved from https://eprints.lse.ac.uk/12761/1/Multi-criteria_Analysis.pdf

Numan, U., Ma, B., et al. (2023). Role of Economic Complexity and Energy Sector in Moving Towards Sustainability in the Exporting Economies. *Energy Strategy Reviews*, 45, 2–12. DOI: 10.1016/j.esr.2022.101038.

Osaki, Yu., Hughes, L. (2025). Japan: Putting Hydrogen at the Core of Its Decarbonisation Strategy. *The Geopolitics of Hydrogen*, July 08, 105–120. DOI: 10.1007/978-3-031-84022-7_5.

Popov, S., Baldynov, O. (2018). The Hydrogen Energy Infrastructure Development in Japan. *E3S Web of Conferences*, 69, 2–10. DOI: 10.1051/e3sconf/20186902001.

Saati, T., Vargas, L. (2012). *Models, Methods, Concepts & Applications of the Analytic Hierarchy Process*. Springer Science. DOI: 10.1007/978-1-4614-3597-6.

Shirakawa, K., Tachiiri, H. (2025). Hydrogen Society Promotion Act and Relevant Orders and Regulations. *Mori Namada Energy & Infrastructure Newsletter*, January, 47, 1–17. Retrieved from <https://www.morihamada.com/sites/default/files/newsletters/en/energy-infrastructure/20250116/01.pdf>

Vedung, E. (1998). Policy Instruments: Typologies and Theories. In *Carrots, Sticks & Sermons* (pp. 21–58). Transaction Publishers.

Wang, J., Fan, J., et al. (2025). Medium- and Long-Term Hydrogen Demand Forecast in China: A Multi-Sector and Multi-Region Analysis. *Energy*, 335, 2–18. DOI: 10.1016/j.energy.2025.137992.

Wen, D., Aziz, M. (2024). Perspective of Staged Hydrogen Economy in Japan: A Case Study Based on the Data-Driven Method. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 189, 2–17. DOI: 10.1016/j.rser.2023.113907.

Wen, L., Li, Q., Zhang, K. (2022). Development Strategy of Hydrogen Energy Industry in China. *Strategic Study of CAE*, 24 (3), 80–88. DOI: 10.15302/J-SSCAE-2022.03.009.

Zhang, Zh., Zhang, Zh. (2021). The Construction and Empirical Study on Evaluation Index System of International Low-Carbon Economy Development. *Frontiers*, 9, 1—10. DOI: 10.3389/fenrg.2021.761567.

Zhang, Zh., Zheng, X. et al. (2025). Research Progress of Fuel Cell Technology in Marine Applications: A Review. *Journal of Marine Science and Engineering*, 13 (4), 2—60. DOI: 10.3390/jmse13040721.

Zhao, Yu. (2025). Urban Energy Reconfiguration: China’s Hydrogen-Blended Gas Networks as a Catalyst for Global Carbon-Neutral Cities. *ACS Energy Letters*, 10 (5), 2372—2376. DOI: 10.1021/acsenergylett.5c00775

Поступила в редакцию: 25.07.2025
Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 25 July 2025
Accepted: 26 January 2026

Н.Н. Сукиасяни

Правовые основы деятельности тюремных священнослужителей в пенитенциарной системе Японии

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых и институциональных основ деятельности тюремных священнослужителей в пенитенциарной системе Японии. В центре внимания — эволюция института тюремного наставничества: от его возникновения в эпоху Мэйдзи (1868—1912) через поствоенные реформы до современной практики, в том числе в рамках деятельности Национальной федерации тюремных священнослужителей. В статье рассматривается процесс правового оформления религиозной деятельности в местах лишения свободы, анализируются ключевые законодательные акты, определяющие права и функции религиозных наставников.

Особое внимание уделено деятельности монахов Истинной школы Чистой Земли (Дзё:до-Синсю:), сыгравших ведущую роль в становлении и расширении тюремного религиозного наставничества, а также стремившихся сохранить влияние буддизма в условиях формирования нового светского государства. Именно представители Истинной школы Чистой Земли инициировали внедрение этой практики и последовательно добивались ее расширения. Особое внимание уделено тому, как буддийские школы стремились сохранить свое влияние и интеграцию в государственную систему, используя институт тюремного наставничества как инструмент продолжения традиционной социальной функции буддизма более раннего периода. Акцент сделан на конфессиональной монополизации этой деятельности и на конфликте вокруг назначения христианина Томэока Косукэ в тюрьме Сугамо, ставшем поворотным моментом в дебатах о религиозной политике.

Отдельный раздел статьи посвящен деятельности Огава Сигэджиро — выдающегося реформатора японской ювенальной юстиции, внесшего вклад в адаптацию немецкой пенитенциарной модели, основанной на сочетании религиозного наставничества, образования и дисциплины. Его концепция исправления через «воспитательную защиту» во многом легла в основу Закона о тюрьмах 1908 г., закрепившего морально-нравственное перевоспитание как элемент исправительного процесса.

В статье также подчеркивается значимость духовно-нравственного влияния как специфического компонента исправительной политики Японии. Особое внимание уделено современным аспектам взаимодействия религиозных организаций через Национальную федерацию тюремных священнослужителей и государства в условиях конституционного принципа светскости и продолжающейся эволюции социальной роли буддизма.

Автор: Сукиасяни Николь Николаевна, аналитик Центра «Государство и религия в Азии» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-0887-5042. E-mail: nnikol555@mail.ru

Ключевые слова: религиозное наставничество, тюремные священнослужители, буддизм, исправительные учреждения, правовая система Японии.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сукиасянц Н.Н. Правовые основы деятельности тюремных священнослужителей в пенитенциарной системе Японии // Японские исследования. 2026. № 1. С. 49—66. DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-49-66.

N.N. Sukiasyants

Legal foundations of prison chaplaincy in the Japanese penitentiary system

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the legal and institutional foundations of prison chaplaincy in Japan’s penitentiary system. The study focuses on the historical evolution of religious guidance in correctional institutions — from its origins during the Meiji era (1868—1912), through postwar reforms, to current practices, particularly within the framework of the National Federation of Prison Chaplains. The article explores the legal codification of religious activities in places of detention, analyzing key legislative acts that define the rights and functions of religious instructors.

Particular emphasis is placed on the contributions of monks from the True Pure Land tradition (*Jōdo Shinshū*), who played a leading role in the establishment and expansion of prison chaplaincy. These monks not only initiated the practice but also worked systematically to institutionalize it. The article examines how Buddhist schools sought to preserve their social relevance and maintain integration within the state system by utilizing religious instruction in prisons as a continuation of their traditional public functions. Attention is given to the sectarian monopolization of this activity and to the conflict surrounding the appointment of the Christian reformer Tomeoka Kōsuke at Sugamo Prison — a pivotal moment in the broader debate over religious policy in the penal sphere.

A separate section is dedicated to the work of Ogawa Shigejirō, a prominent reformer of Japan’s juvenile justice system, who significantly contributed to the adaptation of the German penitentiary model, which combined religious instruction, education, and discipline. His concept of “protective education” formed the basis of the Prison Act (1908), which institutionalized moral and ethical rehabilitation as a core element of penal practice.

The article also underscores the continuing significance of spiritual and moral guidance as a distinct component of Japan’s correctional philosophy. It highlights the contemporary collaboration between religious organizations — primarily through the National Federation of Prison Chaplains — and state institutions under the constitutional principle of secularism, reflecting the ongoing evolution of Buddhism’s social role in modern Japanese society.

Author: *Sukiasyants Nikol N.*, analyst at the Center “State and Religion in Asia,” Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32).

ORCID: 0000-0002-0887-5042. E-mail: nnikol555@mail.ru

Keywords: religious chaplaincy, prison clergy, Buddhism, correctional institutions, Japanese legal system.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sukiasyants, N.N. (2026). Pravovye osnovy deyatel'nosti tyuremnykh svyashchennosluzhitelei v penitentsiarnoi sisteme Yaponii [Legal foundations of prison chaplaincy in the Japanese penitentiary system]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 49—66. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-49-66.

Введение

Феномен тюремных священнослужителей занимает важное место в системе исправительных учреждений Японии. Формирование института тюремного наставничества из числа священнослужителей разных религиозных направлений отражает как процесс модернизации японского государства в эпоху Мэйдзи, так и заимствование западных пенитенциарных практик, в частности — прусской модели исправления через духовно-нравственное наставничество. Роль буддийского влияния на заключенных, идея духовного спасения преступника и концепция «исправления через заботу о душе» были встроены в японскую пенитенциарную систему, в которой религия рассматривалась не только как средство морального воздействия, но и как инструмент государственной дисциплины.

Актуальность настоящего исследования обусловлена как малой изученностью системы религиозного наставничества в отечественной японоведческой литературе, так и необходимостью комплексного осмысления религиозной составляющей в японской пенитенциарной практике. Особое внимание в исследовании уделяется историческим предпосылкам появления системы религиозного наставничества, правовому регулированию деятельности тюремных капелланов в современной Японии, а также взаимодействию религиозных институтов с государством в контексте лишения свободы. Японская тюремная система, где духовное наставничество на раннем этапе сочеталось с элементами принуждения, дисциплины и бюрократического контроля, в процессе трансформации правовой базы стала оформляться как волонтерская деятельность. При этом данная сфера, несмотря на свою формальную открытость, фактически оказалась институционально монополизирована одной организацией — Национальной федерацией тюремных священнослужителей, в составе которой доминирующее положение занимает буддийское крыло Истинной школы Чистой Земли.

Понятие и формы религиозного наставления в японских исправительных учреждениях

Религиозная деятельность внутри исправительных учреждений Японии носит название *сю:кё: кё:кай* (宗教教誨), где слово *кё:кай* (教誨) можно перевести как наставление, увещание или проповедь. Религиозные деятели, выполняющие религиозное наставление по запросу учреждения, принято называть — *кё:кайси* (教誨師). Это волонтерская деятельность, которая может быть основана на учениях различных религиозных конфессий и направлена на развитие нравственности заключенных и на их духовное утешение.

Следует также уделить внимание различиям между общим наставлением *иппан кё:кай* (一般教誨) и религиозным наставлением *сю:кё: кё:кай* (宗教教誨). Религиозное наставление — это наставление по желанию и основано на доктрине конкретной религии. Общее наставление направлено не только на желающих, но иногда охватывает всех заключенных. Общее наставление является практикой

для определения нравственных ориентиров и векторов исправления заключенных. Поэтому, чтобы не нарушать свободу вероисповедания, в общем наставлении нельзя использовать доктрину какой-либо конкретной религии.

Истоки и становление религиозного наставничества

В истории формирования практики посещения исправительных учреждений видное место занимают буддистские монахи амидаистской школы Дзё:до-Синсю: (浄土真宗 — «Истинной школы Чистой Земли»; ее же кратко называют школой Син).

В 1872 г. первыми монахами этой традиции, начавшими миссионерскую деятельность среди заключенных, были священник школы Оотани-ха (真宗大谷派), которого звали Угай Кэйтан (鶉飼啓潭, 1832—1885) из храма Дзё:сайдзи (浄西寺). Угай получил разрешение от начальника тюрьмы в Нагое на проведение встреч и религиозных бесед с заключенными. В том же 1872 г. другому монаху этой школы, Минова Тайгаку (箕輪対岳, 1838—1879) из храма Гомё:дзи (護明寺), было разрешено проводить такие же служения в тюрьмах префектуры Фукуи [Lyons 2021, p. 128—130].

В апреле следующего года монах храма Хонгандзи (浄土真宗本願寺派) Фунабаси Рё:камэ (舟橋了斐) получил разрешение на проведение встреч с заключенными в тюрьме Гифу¹. Эти эпизоды считаются началом тюремного духовного служения в Японии.

В июне 1872 г. Министерство религий (教部省, кё:бусё:) издало Указ № 3, согласно которому ответственность за проповедь населению на основе «Трех учений» (буддизм, синтоизм и конфуцианство) возлагалась на храмы и синтоистские святилища [Lyons 2021, p. 191].

Важно отметить, что термин *кё:кай* восходит к «Большой сутре о будде по имени Неизмеримое Долголетие» (大無量寿経, *Дай мурё:дзю-кё:*) — одному из ключевых текстов традиции Истинной школы Чистой Земли². В этой сутре, появившейся в Китае в III в., Будда описывает несовершенство нашего мира в контрасте с Чистой Землей. Особое место занимает так называемая Проповедь о пяти пороках, где подчеркивается невозможность строгой духовной практики для большинства людей, страдающих от трех ядов (алчности, ненависти, невежества) и пяти пороков, таких как убийство, воровство, разврат, ложь и опьянение. Именно здесь впервые возникает термин *кё:кай* — как призыв к увещеванию тех, кто сбился с пути, который основан на буддийском учении [Lyons 2021, p. 35—40].

Впервые в официальных нормативных актах понятие религиозного наставничества появляется в марте 1881 г. в обновленном документе под названием

---

¹ Брошюра к выставке по правам человека «Основание Общества Суйхэйся и создание социального отдела» при поддержке школы Дзё:до-синсю: Оотани. 2022. URL: https://jodo-shinshu.info/wp-content/themes/shinran/img/detail/kaisui/pdf/2021_gallery.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

² Трубникова Н.Н. Почитание будды Амида и его «Чистой Земли». URL: <https://trubnikovann.narod.ru/Heian14.htm> (дата обращения 20.07.2025).

«Положение о тюрьмах 14-го года Мэйдзи» (明治一四年監獄則, *Мэйдзи дзю:ённэн кангокусюку*)¹. Данное положение регламентирует штатную структуру руководства в каждом учреждении — будь то локальное изоляционное учреждение, полицейское управление или префектурная тюрьма — должны быть назначены начальник тюрьмы, его заместитель, старшие надзиратели и обычные надзиратели в качестве тюремных чиновников. Также в качестве стандарта штата тюремных служащих и обслуживающего персонала были установлены следующие нормы, в которых впервые были включены и *кё:кайси*: «Чиновники: на каждые 200 заключенных назначается 5 человек; на каждые последующие 150 заключенных добавляется еще по одному. Надзиратели: на каждые 85 заключенных — один человек. Наставники (*кё:кайси*): численность и жалованье — по усмотрению»².

В сентябре того же года вступило в силу новое «Положение о пересмотре тюремных правил». Согласно ему, для оказания влияния на осужденных и наказуемых следовало использовать наставников, которые направляют на путь раскаяния и нравственного исправления. При этом понятие *кё:кай* в тот период охватывало не только религиозное наставничество, но и просвещение в более широком смысле: например, статья 94 предписывала, что «наказуемых лиц следует ежедневно обучать в течение нескольких часов предметам вроде чтения, письма, арифметики, измерений и черчения»³.

Таким образом было зафиксировано, что по усмотрению начальника тюрьмы могут быть приглашены религиозные священнослужители, но тюремные расходы несли местные органы власти. Финансирование тюрем осуществлялось из местных бюджетов, поэтому лишь немногие тюрьмы могли себе позволить держать штатных наставников, и по этой причине большинство префектур начали просить главные буддийские храмы направлять *кё:кайси* для постоянной службы.

В период формирования института тюремного священнослужения основными активными участниками стали представители школы Оотани и школы Хонгандзи. Монахи уделяли большое внимание этой работе и активно сотрудничали в деле религиозного служения в тюремных учреждениях. Именно в это время обе буддийские школы прочно вошли в сферу тюремного наставничества, что стало весьма заметным явлением. Монастыри Хигаси Хонгандзи и Ниси Хонгандзи, принадлежавшие к направлению Дзё:до-Синсю:, активно жертвовали религиозные изображения, буддийские принадлежности и другие предметы культа каждому учреждению, в которых работали монахи соответствующих религиозных школ. В тюрьмы передавали главные реликвии, буддийскую утварь и другие

¹ «Положение о тюрьмах 14-го года Мэйдзи». URL: https://tcmb.culture.tw/zh-tw/detail?indexCode=CultureMemory_FC&id=00002005007 (дата обращения: 20.07.2025).

² Положение о тюрьмах 14-го года Мэйдзи. URL: https://tcmb.culture.tw/zh-tw/detail?indexCode=CultureMemory_FC&id=00002005007 (дата обращения: 20.07.2025).

³ Himejima, M. (2008). The Prison Act reform of the earlier period of Meiji: From “Prison rule” in 1872 to “Revision Prison rule” in 1881. *Kobe Law Journal*, 58(3), 71–162. URL: <https://da.lib.kobe-u.ac.jp/da/kernel/E0035760/> (дата обращения: 20.07.2025).

предметы; многие из них используются для религиозных обрядов и учебных мероприятий даже сегодня, сохраняясь более чем в 40 учреждениях.

Впоследствии продолжала существовать система, при которой каждый главный храм религиозной школы самостоятельно отправлял монахов, обеспечивая им заработную плату и покрывая дорожные расходы.

Однако со временем большинство других буддийских школ столкнулись с финансовыми трудностями и были вынуждены сократить или прекратить отправку своих представителей. Постепенно школа Оотани получила монополию на преподавание и наставничество в тюремной системе по всей стране. Представители школы стремились адаптироваться к новым условиям, отстаивая ценности общественного служения, морального воспитания и социальной стабильности. Эта линия поведения была мотивирована желанием сохранить институциональные привилегии, унаследованные в эпоху Токугава, когда буддийские храмы играли важную роль в поддержании общественного порядка и сдерживании «чуждых учений» — в первую очередь христианства. В новых условиях школа Оотани стремилась утвердиться как надежный партнер государства в деле нравственного исправления и социальной интеграции, предлагая буддизм как инструмент нравственного оздоровления общества [Lyons 2021, p. 80—87].

Хотя тюремные правила предусматривали обязанности наставников, на практике формы наставничества различались по учреждениям. Каждый начальник и преобладающая религиозная организация сами определяли методы работы, что вызывало споры относительно того, как воспринимать и реализовывать понятия «религия и наставление». Вопросы, вокруг которых велись основные дискуссии в «Журнале Великой японской тюремной ассоциации» (*大日本監獄協会雑誌, Дай-ниппон кангоку кё:кай дзасси*), сводились к двум: должна ли наставническая работа опираться на одну религию или на несколько, и следует ли использовать религию как ключевой метод наставления. Сторонники религиозного плюрализма считали, что в тюрьмах, как отражении общества, необходимо присутствие нескольких религий¹. Их оппоненты утверждали, что достаточно одной религиозной силы, так как, по их мнению, у осужденных в тюрьмах того периода отсутствовало религиозное разнообразие, а у тюрем была необходимость в экономии ресурсов. Также были мнения, что лучше заменить религиозные проповеди образовательными и моральными лекциями и поручить это тюремным офицерам [Etsura 2013].

В 1889 г. «Положение о тюрьмах» было пересмотрено, и теперь религиозные наставники, как и другие тюремные служащие, должны были работать ежедневно и исполнять конкретные должностные обязанности². Несмотря на переход к постоянной форме занятости, наставники продолжали направляться храмами, а их жалование оплачивалось также из храмовых фондов.

---

¹ Etsura S. (2013). *Sugamo Kyōkaishi Jiken to sono ato no Bukkyōkai no Dōkō* [Discussion on the Relationship Between Prison Chaplaincy and Religion in Prison-Related Journals: Focusing on the Period from 1888 to 1898]. Tokyo Shakai Fukushi Kenkyū vol. 7. 39—54. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/227056853.pdf> (дата обращения 20.07.2025).

² Положение о тюрьмах 1889—1890. URL: <https://www.jca-library.jp/kangokukyoukaizassi/list4.html> (дата обращения: 20.07.2025).

Уверенность представителей направления Дзё:до-Синсю: в своем единоличном представительстве в японских исправительных учреждениях в 1898 г. привела к конфликту с начальством тюрьмы Сугамо¹. Суть конфликта заключалась в том, что начальник тюрьмы Сугамо и один из ключевых реформаторов пенитенциарной системы Японии Арима Сиросукэ (有馬四郎助, 1864—1934) пригласил своего друга, христианина Томэока Ко:сукэ (留岡幸助, 1864—1934), занять пост тюремного священнослужителя. Для этого он настоял на отставке троих из четырех работавших в тюрьме монахов школы Хонгандзи. Это вызвало волну протестов со стороны буддийских школ и привлекло внимание общественности: событие, получившее название «инцидент в тюрьме Сугамо» (巣鴨監獄教誨師事件, *Сугамо кангоку кё:кайси дзикэн*), широко освещалось как специализированной, так и общей прессой.

Этот инцидент стал отправной точкой для бурных общественных дебатов о том, кто должен иметь право назначать тюремных капелланов. После инцидента интерес к религиозным наставникам усилился. Представители школы Дзё:до-Синсю: смогли получить благосклонное отношение правительства, объявив, что прозелитизм Дхармы полностью соответствовал целям Императора и государства. Доктринальное наставление, определившее роль современного буддизма в новом национальном государстве, выявило моральную угрозу в «плохой карме», которую можно очистить посредством внутреннего процесса размышлений и реформ [Ezure 2013].

Сам христианин Томэока Ко:сукэ еще до инцидента в Сугамо активно занимался улучшением тюремной системы, в том числе на Хоккайдо, проводя беседы с заключенными и организуя так называемые тюремные чайные собрания. Благодаря сотрудничеству с Арима Сиросукэ и Огава Сигэдзиро:, его деятельность привлекла внимание Министерства внутренних дел и представителей пенитенциарной системы.

После инцидента в Сугамо Томэока ушел с поста тюремного наставника и посвятил себя работе по перевоспитанию. Его внимание, сформированное христианской этикой, было направлено на семейные обстоятельства преступников. В «Домашней школе» (家庭学校, *катэй гакко:*), основанной им, особое внимание уделялось воспитанию детей с упором на их самостоятельность и инициативу². Позднее, в 1900 г., Томэока был назначен консультантом Министерства внутренних дел и начал инспектировать и систематизировать благотворительные учреждения по всей стране. Позднее он стал одним из основателей Великой японской благотворительной ассоциации (大日本慈善協会, *Дайнихон дзидзэн кё:кай*) [Ikawa 2022].

¹ Ezure, T. (2013). *Sugamo Kyōkaishi Jiken to sono go no Bukkyōkai no Dōkō: Bukkyōkei shinbun zasshi o tochiūta shiron* [The Sugamo Prison Chaplain Incident and Subsequent Trends in the Buddhist Community: A Preliminary Study Using Buddhist Newspapers and Magazines]. *Tokyo Shakai Fukushi Shi Kenkyūkai*, (7). Tokyo: Tokyo Shakai Fukushi Shi Kenkyūkai.

² Ikawa, Y. (2022). *Meiji kōki no fukushi ryōiki ni okeru shūkyō no kōkyōteki kinō: Sugamo kangoku kyōkaishi jiken to sono go no tenkai* [Public Functions of Religions Developed through Social Work in the Late Meiji Era: Developments after the Sugamo Prison Chaplains Incident]. *Shūkyō to Shakai Kōken*, 12(1), 1—27. URL: https://ir.library.osaka-u.ac.jp/repo/ouka/all/86912/rsc12_01_001.pdf дата обращения: 20.07.2025).

Буддийские школы рассматривали инцидент в Сугамо как проблему взаимоотношений между религией и государством. Это стало толчком к движению за официальное признание буддизма, но в дальнейшем их деятельность была переосмыслена в сторону развития собственных благотворительных инициатив. Один из участников событий — О:куса Эйдзицу (大草慧実, 1858—1912) — после инцидента стал сотрудничать с другими благотворительными организациями, полицией и местными жителями, управляя бесплатным приютом.

Эти события показывают, что после инцидента в Сугамо буддийские деятели, вдохновленные практикой христиан, стали играть активную роль в создании новых форм социальной помощи в конце эпохи Мэйдзи. Однако, в отличие от «Домашней школы» Томэока, в деятельности приютов О:куса было не столь ярко выражено уважение к личности их подопечных. Поэтому, несмотря на выполнение функции социальной помощи, они не достигали уровня общественной значимости в смысле предъявления альтернативных этических норм и ценностей [Ikawa 2022].

Установление единой системы управления тюрьмами произошло в 1900 г. с принятием закона о «Расходах на надзор за префектурными тюрьмами и их содержание». Согласно этому закону, расходы на реформирование тюрем по всей стране были взяты на государственный бюджет. В 1903 г. вышло «Положение о тюремных чиновниках», которое постановило поместить все тюрьмы страны под юрисдикцию Министерства юстиции. В 1900 г. расходы на содержание тюрем были переведены на финансирование из государственной казны, а в 1903 г. была учреждена система тюремного управления, в рамках которой и тюремные священнослужители официально стали назначаться государственными служащими¹. С тех пор улучшение исправительных учреждений стало проводиться под руководством Министерства юстиции, и изменения в системе наказания и управления происходили в тесной взаимосвязи².

В 1925 г. был принят Закон о поддержании общественного порядка (治安維持法, *Тиан идзин-хо:*), который формально закреплял роль религиозных наставников в качестве ответственных за исправление и нравственное перевоспитание так называемых идеологических преступников, в результате чего их деятельность тесно переплелась с вопросом «отречения от убеждений» (轉向問題, *тэнко: мондай*), который относится к массовому случаю отказа японских коммунистов и социалистов от своих убеждений, часто под давлением репрессивных органов власти (полиции, прокуратуры) в эпоху до и во время Второй мировой войны, осо-

¹ Fujimoto, T. (2023). *Wagakuni no kindaikeiji hōseishi no kiseki (II): Meiji, Taishō, Shōwa, Heisei, Reiwa jidai no 150-yonen no keiji hōseishi o furikaeru* [The Trajectory of Japan's Modern Criminal Legal History (II): A Review of Over 150 Years of Criminal Legal History in the Meiji, Taisho, Showa, Heisei and Reiwa Eras]. *Hōgaku Shinpō*, 130(5—6), 149—194. URL: <https://chuo-u.repo.nii.ac.jp/records/2000940> (дата обращения: 20.07.2025).

² Horikiri, S., & Yamazaki, T. (2021). *Shōwa shoki no keimusho kenchiku ni han'ei saretata atarashii gyōkei no arikata* [New Policy of Penitentiary Administration Reflected on Architectural Planning of Prisons Around 1930]. *Nihon Kenchiku Gakkai Keikakukei Ronbunshū*, 781, 1095—1101. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/aija/86/781/86_1095/_pdf (дата обращения: 20.07.2025).

бенно в 1930-е гг. Тогда тысячи политических заключенных были вынуждены «отказаться» от марксистских и социалистических идей и перейти на позиции поддержки националистического или имперского курса государства.

Огава Сигэдзиро: и Закон о тюрьмах 1908 г.

В 1908 г. выходит новый Закон о тюрьмах (監獄法, *Кангокухо*), в составлении которого принимает непосредственное участие Огава Сигэдзиро: (小河滋次郎, 1863—1925) — выдающийся японский юрист и педагог, занимавший важное место в формировании системы ювенальной юстиции и воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в Японии конца XIX — начала XX в. Деятельность Огава во многом опережала готовность японской правовой и социальной системы к внедрению гуманных подходов в работе с заключенными и людьми, склонными к совершению правонарушений.

Одним из ключевых направлений деятельности Огава стало активное участие в разработке Закона о перевоспитании (感化法, *канкахо*), который стал единственным до Второй мировой войны нормативным актом, направленным на защиту и перевоспитание детей и подростков с девиантным поведением. Закон предусматривал приоритет воспитательных мер вместо уголовных наказаний, а сам Огава выступал против излишне жестких карательных подходов, провозглашая принцип «воспитательной защиты» (保護教育, *хого кё:ику*)¹. Он отстаивал убеждение, что ребенка следует не наказывать, а направлять, защищать и интегрировать в общество. Вместе с уже упомянутым выше Томэока Ко:сукэ, который часть своей деятельности посвятил работе в качестве тюремного священнослужителя, Огава был одним из главных теоретиков и практиков концепции *канка кё:ику* (感化教育) — воспитательного воздействия, направленного на социализацию и развитие проблемных детей и подростков. Работы Огава оказали значительное влияние на развитие японской системы ювенальной юстиции и во многом предвосхитили современные взгляды на права детей и воспитательную роль правовых институтов.

Взгляды Огава на организацию системы исправительных учреждений для осужденных и трудных подростков сформировались во время его учебы в Германии. Огава заинтересовался изучением тюрем во время учебы в Токийском императорском университете, после чего принял решение изучить систему прусских исправительных учреждений. После возвращения в Японию он поступил на службу в Министерство внутренних дел, был назначен в полицейское управление и несколько раз занимал должность начальника тюрем. Перевод пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции открыл ему путь к ключевым позициям в новом тюремном бюро, где он внес значительный вклад в разработку Закона о тюрьмах 1908 г.

¹ Kuramochi, F. (2009). The “Correctional-Education Theory” of Persons Concerned with Prisons: A Study Focusing on the Discussion of the Magazine *Kangoku Zasshi*. *Japanese Society for the Study of Social Welfare*, 5, 189—200. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jjswc/5/0/5_KJ00007748398/_pdf/-char/en (дата обращения: 20.07.2025).

В конце XIX в. Япония активно перенимала передовой германский опыт в пенитенциарной сфере. В то время армия Пруссии имела тесные связи с евангелической церковью и пенитенциарной системой, а моральное и религиозное наставление сочеталось с армейской дисциплиной — считалось, что улучшение осужденных возможно через сочетание «исцеления души» и строгой муштры. Важной вехой стало приглашение в 1889 г. немецкого эксперта Ханса Курта фон Зеебаха (Hans Kurt von Seebach, 1859—1891), который преподавал курс лекций о организации тюрем в специально созданном в 1890 г. учебном заведении для пенитенциарных чиновников (в ведении Министерства внутренних дел)¹. Огава тесно сотрудничал с Зеебахом: он перевел его лекции под названием «Курс германского тюремного права» (1891) и написал собственное сочинение «Курс тюремного права» (1894).

Когда началась работа над Законом о тюрьмах, Огава отмечал, что в немецких правилах исполнение наказания должно не только принудительно подчинять осужденного правопорядку, но и обеспечивать его моральное исправление, воспитание уважения к закону и подготовку к жизни после освобождения. В его понимании, «принуждение» — это дисциплинарная мера для поддержания порядка, а «исправление» (矯正, *кё:сэй*) — воспитательное воздействие, формирующее правосознание. Огава выделял три ключевых элемента в системе исполнения наказаний: религиозное наставничество, образование и дисциплину или труд [Nakajima 2018]. Только их комплексное применение, по его мнению, позволяет достичь настоящего исправления. Огава подчеркивал:

«Если уголовное наказание будет основываться лишь на простой мести или устрашении — оно не достигнет цели. А если главной задачей законодательства станет обеспечение интересов государства путем предупреждения преступлений, то система исполнения наказаний обязательно должна включать меры воспитания и нравственного воздействия. Только через воспитание и перевоспитание преступник может стать порядочным гражданином» [Ogawa 1912, с. 44].

В этих идеях четко проявился переход от простой рестрикции к системному исправительно-воспитательному подходу в современной японской тюремной политике [Nakajima 2018].

Так Закон о тюрьмах 1908 г., над которым работал Огава, закрепил важное значение духовного наставничества и образовательной деятельности в работе с заключенными. Положения закона непосредственно закрепили практику предоставления духовного и религиозного наставничества в пенитенциарных учреждениях, реализовав фактически принципы Огава о воспитательном воздействии, дисциплине и образовании. Рассмотрим подробнее соответствующие главы и статьи закона. Религиозные наставники в Законе о тюрьмах упоминаются в Главе III. Заключение (Статья 18) и в Главе VI. Духовное наставление и образование (Статья 29). Обратимся прежде всего к положениям Главы III.

«1. В случае, если тюрьма, следственный изолятор, исправительное учреждение, дисциплинарный изолятор, трудовое учреждение и т. д. находятся в одном

---

¹ Ministry of Justice, Japan. *Kyōsei Kenshūsho no enkaku* [History of the Correctional Training Institute]. URL: https://www.moj.go.jp/kyousei1/kyousei_kyousei18-01.html (дата обращения: 20.07.2025).

комплексе, разрешается совместное использование больничных палат или зал для религиозных наставлений, но только для лиц одного пола.

2. В таких случаях заключенные разделяются по видам заключения, в том числе по камерам, местам размещения, а также по времени приема медицинской помощи или религиозных наставлений.

3. В медицинских палатах допускается не применять положения статьи 2 и статьи 16»¹.

Документ предусматривает организацию единого пространства для религиозных наставлений (а также для госпитализации) в случае, когда несколько видов учреждений расположены в одном комплексе. Важное условие — совместное использование допускается только для лиц одного пола. При этом сохраняется строгая сегрегация заключенных по типу заключения, размещению и времени доступа как к медицинской помощи, так и к религиозным занятиям. Таким образом, обеспечивается баланс между необходимостью отдельной работы с разными категориями осужденных и эффективностью.

Далее рассмотрим вторую главу:

«Заключенным должно предоставляться духовное наставление.

Прочим лицам, находящимся под стражей, может быть разрешено получать духовное наставление по их просьбе»².

Данная статья закрепляет, что заключенные имеют законное право на получение духовного наставления. Это переводит наставничество из разряда необязательных практик в элемент пенитенциарной политики. Прочие лица, временно помещаемые под стражу, также могут воспользоваться этой возможностью по своему желанию.

В совокупности новые нормы содержания заключенных 1908 г. подчеркивают, что система исполнения наказаний в Японии выстраивалась не только на основе изоляции и принуждения, но и с обязательной ориентацией на перевоспитание, в том числе через духовно-нравственное воздействие, что полностью совпало с идеалами Огава.

Переход от государственной службы к волонтерской модели

После Второй мировой войны система тюремных священнослужителей Японии претерпела существенные преобразования. Принятие Конституции 1947 г., провозгласившей свободу вероисповедания и принцип строгого отделения религиозных организаций от государства, стало ключевым моментом для дальнейших изменений. Уже в апреле того же года государственные капелланы были упразднены, а традиционные наставники переведены в штат обычных тюремных служащих, чья деятельность теперь была ориентирована преимущественно на исполнительную работу, а не на религиозное наставление.

---

¹ Закон о тюрьмах. Глава III. Заключение (Статья 18). URL: <http://roppou.aichi-u.ac.jp/joubun/m41-28.htm> (дата обращения: 20.07.2025).

² Глава VI. Духовное наставление и образование (Статья 29). URL: <http://roppou.aichi-u.ac.jp/joubun/m41-28.htm> (дата обращения: 20.07.2025).

В результате реформ ранее назначенные религиозные наставники были включены в состав обычных сотрудников пенитенциарных учреждений и стали заниматься в первую очередь вопросами исправления осужденных. Проведение же религиозных обрядов и духовной поддержки стало прерогативой добровольцев — представителей различных религиозных организаций гражданского общества.

В ответ на новые реалии, в 1947 г. в составе Фонда Японской религиозной федерации (公益財団法人日本宗教連盟, *Ко:эки дзайдан хо:дзин нихон сю:кё: рэммэй*) была образована Центральная комиссия по религиозному наставлению. Ее задачей стало объединение и координация деятельности представителей всех религиозных течений и конфессий. Для эффективного взаимодействия были также учреждены региональные религиозные комиссии, которые взяли на себя координацию религиозного наставничества в тюремных учреждениях и обеспечивали связь между государственными структурами и религиозным сообществом, поскольку теперь прямое участие государства в этих вопросах было невозможно.

Следующим важным этапом стало проведение в 1952 г. в префектуре Сига первой конференции по вопросам организации службы религиозных наставников в тюремных учреждениях. Итогом стало создание первой в стране местной Федерации тюремных наставников, что послужило основой для формирования национального объединения.

Впоследствии был учрежден подготовительный комитет по созданию Всеяпонской федерации тюремных наставников, и уже в 1956 г., на 3-й Всеяпонской конференции тюремных наставников, появилась Национальная федерация тюремных священнослужителей (全国教誨師連盟, *Дзэнкоку кё:кайси рэммэй*). Ее первым председателем стал Оотани Ко:сё: (大谷光照, 1911—2002), 23-й глава школы Дзё:до-Синсю: Хонгандзи. Он руководил Федерацией в течение 40 лет — до марта 1996 г., когда передал эстафету своему преемнику, Оотани Ко:син (大谷光真, 1945—), который на тот момент являлся действующим духовным лидером школы¹.

Следующим важным этапом в истории системы тюремных наставников Японии стало принятие «Закона о пенитенциарных учреждениях и обращении с заключенными» (Закон № 50 от 25 мая 2005 г.), который впервые за сто лет полностью пересмотрел нормативную базу, установленную еще в 1908 г. Новый закон, наряду с модернизацией административных принципов, детально регламентировал вопросы свободы и ограничений религиозной деятельности в пенитенциарных учреждениях. В данном нормативном акте, так же как и в предшествующем, вопросы, связанные с религиозными действиями на территории пенитенциарных учреждений, рассматриваются в двух основных пунктах. Рассмотрим Статью 67 раздела «Отдельные религиозные акты» и Статью 68 раздела «Религиозные церемонии и учреждения».

«Статья 67. Богослужение и другие религиозные действия, которые заключенный совершает индивидуально, не должны запрещаться или ограничиваться;

---

¹ Всеяпонская буддийская ассоциация. О Национальной федерации тюремных священнослужителей. URL: <http://kyoukaishi.server-shared.com/> (дата обращения: 01.08.2025).

при условии, однако, что это не применяется в случаях, когда существует риск создания препятствий либо поддержанию дисциплины и порядка, либо управлению и администрированию пенитенциарного учреждения¹».

Согласно этой статье, индивидуальные богослужения и иные религиозные действия, совершаемые заключенными самостоятельно, не подлежат запрету или ограничению — за исключением случаев, когда это может угрожать поддержанию дисциплины, порядку или иным аспектам управления исправительным учреждением.

Далее рассмотрим Статью 68:

«Статья 68 (1) Начальники пенитенциарных учреждений должны прилагать усилия, чтобы предоставить заключенным возможность участвовать в религиозных церемониях под председательством религиозных лидеров (только неправительственных волонтеров; далее то же самое применяется в этом параграфе) или получать религиозные учения от религиозных лидеров.

(2) При наличии риска препятствовать поддержанию дисциплины и порядка или управлению и администрированию исправительного учреждения начальники исправительных учреждений могут отказать заключенному в разрешении на участие в религиозных церемониях, предусмотренных в предыдущем параграфе, и в получении религиозных наставлений, предусмотренных в том же пункте²».

Статья 68 закрепляет право заключенных принимать участие в религиозных церемониях и получать религиозное обучение от гражданских религиозных деятелей (волонтеров). При этом администрация может ограничить или не допустить такое участие, если есть угроза для порядка, безопасности или управления учреждением.

Принятые в 1947 г. конституционные принципы строго разграничили религиозную и государственную сферы, запретив правительственным органам организовывать или поддерживать проведение каких-либо религиозных служб даже в государственных учреждениях. Закон 2005 г. стал значимым шагом по дальнейшему юридическому оформлению баланса между правами заключенных и требованиями пенитенциарной системы Японии. Ограничения, изложенные в статьях 67 и 68 Закона 2005 г., вводятся для поддержания дисциплины и порядка в местах заключения и применяются лишь тогда, когда существует опасность для управления и эксплуатации учреждения. В остальных случаях для соблюдения принципов, заложенных в основном законе, и удовлетворения духовных потребностей заключенных Министерство юстиции Японии предоставляет доступ к священнослужителям-волонтерам разных конфессий, действующим на общественных началах в тюремных учреждениях страны.

¹ Статья 67 «Закона о пенитенциарных учреждениях и обращении с заключенными» (Закон № 50 от 25 мая 2005 г.). URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/417AC0000000050/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Статья 68 «Закона о пенитенциарных учреждениях и обращении с заключенными» (Закон № 50 от 25 мая 2005 г.). URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/417AC0000000050/> (дата обращения: 01.08.2025).

Деятельность Национальной федерации тюремных священнослужителей

На данный момент основная организация, осуществляющая религиозную деятельность в пенитенциарной системе Японии, — это Национальная федерация тюремных священнослужителей (全国教誨師連盟, *Дзэнкоку кё:кайси рэммэй*). Федерация была создана для поддержки тюремных священнослужителей, чтобы они могли беспрепятственно осуществлять духовную, этическую и религиозную деятельность среди заключенных в исправительных учреждениях. В июне 2017 г. новым президентом стал 40-летний Оотани Ко:дзюн (大谷光淳), настоятель школы Дзё:до-Синсю: Хонгандзи. Он стал третьим по счету с момента основания организации. Оотани Ко:дзюн унаследовал духовное руководство школой Дзё:до-Синсю: Хонгандзи в 2014 г., а в 2016 г. был отобран в программу «Молодые глобальные лидеры» Всемирного экономического форума в Давосе¹.

Федерация занимается преподавательской деятельностью, включая регулярные конференции и учебные занятия для представителей религиозных организаций, и взаимодействует с Министерством юстиции по вопросам организации религиозного обучения, мероприятий и публикации журналов для заключенных. Существует два типа обучения капелланов: центральные учебные занятия, проводимые в конференц-зале Министерства юстиции, и региональные учебные занятия, проводимые каждый год в разных префектурах.

В разрезе по округам, которые соответствуют деятельности локальной ассоциации тюремных священнослужителей, по данным на январь 2025 г. количественный состав членов каждого округа выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Количество тюремных священнослужителей

Исправительный округ	Количество служителей
Саппоро	140
Сендай	130
Токийский округ	460
Нагоя	208
Осака	273
Хиросима	222
Такамацу	85
Фукуока	302

Источник: Национальная федерация тюремных священнослужителей Японии. Численность персонала по блокам. <https://www.kyoukaishi.server-shared.com/foundation/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹ Национальная федерация тюремных священнослужителей Японии. О религиозном наставлении и истории организации. URL: <https://www.kyoukaishi.server-shared.com/about/> (дата обращения: 01.08.2025).

Окружные подразделения, как и головная организация, на регулярной основе проводят обучающие и просветительские мероприятия для разной целевой аудитории. В качестве примера современной деятельности можно привести 58-ю Центральную учебную конференцию тюремных священнослужителей, которая состоялась 29—30 августа 2024 г. в здании Министерства юстиции в Токио. Мероприятие собрало 100 участников, включая 35 действующих священнослужителей, 18 стажеров и 47 представителей смежных сфер. Основной темой встречи стала поддержка женщин, которые решили встать на путь тюремного наставничества, и расширение их участия в пенитенциарной системе. В ходе конференции были вручены награды за заслуги в наставнической деятельности, в том числе от министра юстиции и руководства федерации. Конференция иллюстрирует как высокую степень институционализации тюремной наставнической службы в Японии, так и стремление к ее гуманизации и гендерному балансу¹.

В системе японских исправительных учреждений члены федерации реализуют разнообразные формы религиозной деятельности. Для групп заключенных, изъявивших желание получить духовные наставления в рамках определенной религиозной традиции — такой как буддизм, христианство или синтоизм, — организуются коллективные наставления, основанные на догматике конкретной религии. Наряду с этим важную роль играет индивидуальное общение: тюремные священнослужители проводят личные беседы с осужденными по их запросу, оказывая глубокую персональную духовную поддержку. Особой категорией являются наставления, связанные с утратой: они осуществляются либо в годовщину смерти родственника или жертвы преступления (忌日教誨, *кидзицу кё:кай*), либо сразу после получения известия о смерти близкого человека (遭喪教誨, *со:со: кё:кай*). Существенное значение имеют и религиозные обряды и праздники: в учреждениях проходят синтоистские церемонии очищения (大祓式, *оохараэ-сики*), буддийские службы, приуроченные к равноденствию и *О-бон*, а также христианские рождественские богослужения.

Особое внимание уделяется изданию специализированных журналов и бюллетеней, посвященных вопросам службы в различных учреждениях, а также созданию видеоматериалов для повышения информированности общества о роли тюремных наставников.

Работа представителей религиозных организаций в пенитенциарных учреждениях и в рамках образовательных семинаров полностью добровольная и не оплачивается государственными органами. Деятельность Национальной федерации тюремных священнослужителей осуществляется исключительно на пожертвования граждан или членов приходов той или иной религиозной организации. На январь 2020 г. количество капелланов составило 1820 человек, среди них

---

¹ Национальная федерация тюремных священнослужителей Японии. Отчет о 58-й Центральной учебной конференции тюремных священнослужителей, 29—30 августа 2024 г. URL: <https://www.kyoukaishi.server-shared.com/wp/wp-content/uploads/2025/07/中央研修会-2.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

представителей синтоизма — 217 человек, буддизма — 1191 человек, христианства — 152 человека, других религий — 160¹.

Организация также делит религиозную деятельность тюремных священнослужителей на два типа: групповую и индивидуальную. Статистика проведения религиозных мероприятий в 2024 г. подчеркивает значимость обеих форм работы: за год было проведено 18 101 религиозная встреча или обряд. Из них 61,9 % (11 194 мероприятий) были связаны с буддистской традицией, что отражает исторически доминирующую роль буддизма в духовной жизни японских заключенных. На христианские служения пришлось 3659 мероприятий (20,2 %), синтоистские обряды составили 2065 случаев (11,4 %), а доля других религий, включая новые и менее распространенные культы, — 1183 мероприятия (6,5 %). Такая статистика свидетельствует о многообразии запросов заключенных и об адаптации института тюремного наставничества к религиозным особенностям современной Японии².

Заключение

Институт тюремного религиозного наставничества в Японии представляет собой уникальное явление, сформировавшееся на пересечении традиционного буддийского представления о нравственном долге и модернизированной правовой системы светского государства. Будучи изначально инициативой религиозных организаций, в первую очередь представителей школы Дзё:до-Синсю:, институт *кё:кайси* постепенно получил официальное признание и нормативное оформление в рамках государственной пенитенциарной политики. Историческая эволюция этого института от периода Мэйдзи до послевоенной Японии демонстрирует устойчивое стремление буддийских кругов сохранить общественное влияние, адаптируясь к изменяющимся политико-правовым условиям.

Особое значение имеет трансформация религиозного наставничества после 1947 г., когда под влиянием новой Конституции и принципа светскости государственные священнослужители были упразднены, а деятельность по духовной поддержке заключенных была институционализирована как волонтерская служба. В результате этого перехода был создан устойчивый механизм взаимодействия государства и религиозных организаций, формализованный через деятельность Национальной федерации тюремных священнослужителей. Принятие Закона о пенитенциарных учреждениях 2005 г. закрепило современные правовые основания религиозной деятельности в тюрьмах, подтвердив значимость свободы вероисповедания в условиях лишения свободы.

Японский опыт показывает, как религиозные институты могут быть интегрированы в систему социальной реабилитации без нарушения принципов свет-

---

¹ Национальная федерация тюремных священнослужителей Японии. Численность тюремных священнослужителей. URL: https://kyoukaishi.server-shared.com/99_blank024.html (дата обращения: 01.08.2025).

² Национальная федерация тюремных священнослужителей Японии. Численность тюремных священнослужителей. URL: https://kyoukaishi.server-shared.com/99_blank024.html (дата обращения: 01.08.2025).

ского государства. Тюремное религиозное служение в Японии демонстрирует пример взаимодействия традиционных религиозных форм и современных социальных институтов в рамках работы с осужденными и их подготовке к возвращению в общество.

Библиографический список

Кобец П.Н. Система государственных мер по противодействию рецидиву преступлений (опыт Японии) // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2021. № 3 (93). С. 44—50.

Прасол А.Ф. Криминальная ситуация и пенитенциарная система в современной Японии // *NUIS Journal of International Studies*. 2019. № 4. С. 55—72.

Трубникова Н.Н. Синран и история буддийского учения о чистой земле // *Философские науки*. 2012. № 5. С. 61—76.

References

Kobets, P.N. (2021). Sistema gosudarstvennykh mer po protivodeistviyu retsidivu prestuplenii (opyt Yaponii) [System of State Measures for Counteracting Recidivism (The Experience of Japan)]. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (93), 44—50. (In Russian).

Prasol, A.F. (2019). Kriminal'naya situatsiya i penitentsiarnaya sistema v sovremennoi Yaponii [Criminal Situation and Penitentiary System in Contemporary Japan]. *NUIS Journal of International Studies*, 4, 55—72. (In Russian).

Trubnikova, N.N. (2012). Sinran i istoriya buddiiskogo ucheniya o chistoi zemle [Shinran and the History of the Buddhist Teaching of the Pure Land]. *Philosophical Sciences*, 5, 61—76. (In Russian).

* * *

Curley, M.A.-M. (2018). Prison and the Pure Land: A Buddhist Chaplain in Occupied Japan. *Journal of Buddhist Ethics*, 25. Retrieved July 5, 2025, from https://buddhism.lib.ntu.edu.tw/DLMBS/en/search/search_detail.jsp?seq=606890&q=buddhist%20chaplain&qf=TOPIC&comefrom=searchengine

Etsura, S. (2013). *Sugamo Kyōkaishi Jiken to sono ato no Bukkyōkai no Dōkō* [Discussion on the Relationship Between Prison Chaplaincy and Religion in Prison-Related Journals: Focusing on the Period From 1888 to 1898]. *Tokyo Shakai Fukushi Kenkyū*, 7, 39—54. Retrieved July 5, 2025, from <https://core.ac.uk/download/pdf/227056853.pdf>. (In Japanese).

Ezure, T. (2013). *Sugamo Kyōkaishi Jiken to sono go no Bukkyōkai no Dōkō: Bukkyōkei shinbun zasshi o mochiita shiron* [The Sugamo Prison Chaplain Incident and Subsequent Trends in the Buddhist Community: A Preliminary Study Using Buddhist Newspapers and Magazines]. *Tokyo Shakai Fukushi Shi Kenkyūkai*, 7. Tokyo: Tokyo Shakai Fukushi Shi Kenkyūkai. (In Japanese).

Fujimoto, T. (2023). *Wagakuni no kindaikeiji hōseishi no kiseki (II): Meiji, Taishō, Shōwa, Heisei, Reiwa jidai no 150-yonen no keiji hōseishi o furikaeru* [The Trajectory of Japan's Modern Criminal Legal History (II): A Review of Over 150 Years of Criminal Legal History in the Meiji, Taisho, Showa, Heisei and Reiwa Eras]. *Hōgaku Shinpō*, 130 (5–6), 149–194. Retrieved July 5, 2025, from <https://chuo-u.repo.nii.ac.jp/records/2000940>. (In Japanese).

Himejima, M. (2008). [The Prison Act reform of the earlier period of Meiji: From “Prison rule” in 1872 to “Revision Prison rule” in 1881]. *Kobe Law Journal*, 58 (3), 71–162. Retrieved July 5, 2025, from <https://da.lib.kobe-u.ac.jp/da/kernel/E0035760/>. (In Japanese).

Horikiri, S., & Yamazaki, T. (2021). *Shōwa shoki no keimusho kenchiku ni han'ei sareta atarashii gyōkei no arikata* [New Policy of Penitentiary Administration Reflected on Architectural Planning of Prisons Around 1930]. *Nihon Kenchiku Gakkai Keikakukei Ronbunshū*, 781, 1095–1101. Retrieved July 5, 2025, from https://www.jstage.jst.go.jp/article/aija/86/781/86_1095/_pdf. (In Japanese).

Ikawa, Y. (2022). *Meiji kōki no fukushi ryōiki ni okeru shūkyō no kōkyōteki kinō: Sugamo kangoku kyōkaishi jiken to sono go no tenkai* [Public Functions of Religions Developed through Social Work in the Late Meiji Era: Developments after the Sugamo Prison Chaplains Incident]. *Shūkyō to Shakai Kōken*, 12 (1), 1–27. Retrieved July 5, 2025, from https://ir.library.osaka-u.ac.jp/repo/ouka/all/86912/rsc12_01_001.pdf. (In Japanese).

Kasai, K. (2016). Introducing Chaplaincy to Japanese Society: A Religious Practice in Public Space. *Journal of Religion in Japan*, 5 (2–3), Retrieved July 5, 2025, from https://brill.com/view/journals/jrj/5/2-3/article-p246_8.xml?ebody=Article%20details

Kuramochi, F. (2009). The “Correctional-Education Theory” of Persons Concerned with Prisons: A Study Focusing on the Discussion of the Magazine *Kangoku Zasshi*. *Japanese Society for the Study of Social Welfare*, 5, 189–200. Retrieved July 5, 2025, from https://www.jstage.jst.go.jp/article/jjswe/5/0/5_KJ00007748398/_pdf/-char/en

Lyons, A.J. (2021). *Karma and Punishment: Prison Chaplaincy in Japan*. Harvard University Asia Center.

Nakajima, M. (2018). *Shōnen kyōsei no saikōchiku: “Kyōsei” moderu kara “tachinaori” moderu e* [Reconstructing Juvenile Correction: From a “Correction” Model to a “Rehabilitation” Model] (Doctoral dissertation, Kyushu University). (In Japanese).

Ogawa, S. (1912). *Kangoku-hō kōgi* [Lecture on the Prison Law]. Tokyo: Gyōsei Kenkyūkai. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 03.08.2025
Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 03 August 2025
Accepted: 26 January 2026

Л.Ю. Хронопуло

Русалка как метафорический образ в малой прозе японских писателей XX—XXI вв.: традиционные и заимствованные мотивы

Аннотация. В статье проведен анализ элементов, которые были использованы для создания образа русалки в рассказах японских авторов XX—XXI вв. В исследуемых рассказах очевидны аллюзии не только на японские легенды и классические литературные произведения («Анналы Японии», новелла Ихара Сайкаку и др.), но и на образы сирен, созданные в лирике К. Брентано, Г. Гейне и М. Арнольда. В свою очередь, в стихотворении Накахара Тюя «Северное море» (1935 г.) можно усмотреть символику образа русалки, заимствованную из рассказа Огава Мимэй «Русалка и красная свеча» (1921 г.). У ряда писателей встречаются отсылки к сказке «Русалочка» Г.Х. Андерсена (1837 г.), к сказке «Рыбак и его душа» О. Уайльда (1891 г.), а также к работам западных постмодернистов. Например, в рассказе Такидзакэ Дзюньитиро «Плач сирены» (1917 г.) купленная у европейца прекрасная русалка олицетворяет загадочную притягательность западной цивилизации в глазах героя, утратившего интерес и вкус к жизни; в рассказах Огава Мимэй «Русалка и красная свеча» и Огава Ёко «Жизнь русалки-ювелира» (2006 г.) русалки очаровываются миром людей, подобно русалочке Андерсена, и жестоко разочаровываются в нем, но, в отличие от оригинальной сказки, мстят обидчикам. В хоррор-рассказах Атода Такаси «Волосы» (1996 г.) и «Русалка» (2008 г.) представлен образ русалки как мстительного и алчного чудовища из японского городского фольклора, тогда как короткие психологические триллеры Абэ Кобо «История русалки» (1962 г.), Мотидзуки Хироюки «День русалки» (1980 г.) и Тамару Масатоми «Спасение русалки» (2016 г.) с элементами черного юмора и сатиры поднимают социальную тему деградации человечества, склонного к самоуничтожению, а также проблемы утраты личности, кризиса идентичности, безуспешной борьбы с бессознательным. Русалки становятся символом, отсылая не только к традиционным образам из японских мифов и легенд, но и к западным модернистским и постмодернистским произведениям, например, романам «Галапагосы» (1985 г.) К. Воннегута и «Морская дама» (1902 г.) Г. Уэллса, рассказам «Аксолотль» (1956 г.) Х. Кортасара и «Превращение» (1915 г.) Ф. Кафки.

Ключевые слова: японская малая проза, магический реализм, интертекстуальность, аллюзии, русалка.

Автор: *Хронопуло Лиала Юрьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9).
ORCID: 0000-0002-3734-3109. E-mail: khronopoulo@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хронопуло Л.Ю. Русалка как метафорический образ в малой прозе японских писателей XX—XXI вв.: традиционные и заимствованные мотивы // Японские исследования. 2026. № 1. С. 67—83.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-67-83.

L. Yu. Khronopulo

The mermaid as a metaphorical image in short fiction by Japanese writers of the 20th—21st centuries: Traditional and borrowed motifs

Abstract. The article analyzes the elements that were used to create the image of a mermaid in the short stories by Japanese authors of the 20th—21st centuries. In the stories, there are obvious allusions not only to Japanese legends and classical stories (*Nihon Shoki*, the novella by Ihara Saikaku, etc.), but also to the images of sirens created in the lyrics of C. Brentano, H. Heine, and M. Arnold. In turn, in the poem by Nakahara Chūya “North Sea” (1935), one can see the symbolism of the image of a mermaid, borrowed from the story by Ogawa Mimei “The Mermaid and the Red Candle” (1921). A number of writers have references to the fairy tale “The Little Mermaid” (1837) by H. C. Andersen, to the fairy tale “The Fisherman and His Soul” (1891) by O. Wilde, as well as to the works of Western postmodernists. For example, in Tanizaki Jun’ichirō’s story “The Siren’s Lament” (1917), a beautiful mermaid bought from a European personifies the mysterious appeal of Western civilization in the eyes of the character who has lost interest and taste for life; in the stories by Ogawa Mimei “The Mermaid and the Red Candle” (1921) and Ogawa Yōko “The Life of a Mermaid Jeweler” (2006), mermaids are enchanted by the human world, like H. C. Andersen’s Little Mermaid, and, being betrayed, are cruelly disappointed in it, — only, unlike the original fairy tale, they take revenge on their offenders. Horror stories by Atōda Takashi “Hair” (1996) and “The Mermaid” (2008) depict a mermaid as a predatory and vindictive monster from Japanese urban folklore, while short psychological thrillers by Abe Kōbō “The Mermaid’s Story” (1962), Mochizuki Hiroyuki “The Day of the Mermaid” (1980), and Tamaru Masatomo “Saving the Mermaid” (2016), with elements of black humor and satire, raise the social theme of the degradation of humanity, prone to self-destruction, as well as the problems of loss of personality, identity crisis, and unsuccessful struggle with the unconscious. Mermaids become a symbol, referring not only to traditional images from Japanese myths and legends, but also to Western modernist and postmodernist works, for example, the novels “Galápagos” by K. Vonnegut and “The Sea Lady: A Tissue of Moonshine” by H. G. Wells, the stories “Axolotl” by J. Cortázar and “The Metamorphosis” by F. Kafka.

Keywords: Japanese short fiction, magical realism, intertextuality, allusions, mermaid.

Author: *Khronopulo Liala Yu.*, Associate Professor of the Department of Japanese Studies, Saint Petersburg State University (address: 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3734-3109.
E-mail: khronopoulo@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Khronopulo, L.Yu. (2026). Rusalka kak metaforicheskii obraz v maloi proze yaponskikh pisatelei XX—XXI vv.: traditsionnye i zaimstvovannye motivy [The mermaid as a metaphorical image in short fiction by Japanese writers of the 20th—21st centuries: Traditional and borrowed motifs]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 67—83. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-67-83.

Введение

Как отмечает Ёсиока Икуо, в японской словесности встреча рыбака с загадочным существом — не рыбой и не человеком — впервые упоминается в «Анналах Японии» (*Нихон сёки*, 日本書紀, VIII в.); но поскольку само слово 人魚

(*нингё*, «русалка») там не встречается, ученые, анализирующие этот текст, считают, что в «Анналах» описана встреча с гигантской саламандрой или еще каким-то необычным животным; к тому времени подобный опыт был описан и в китайских источниках [Yoshioka 1993, p. 35]. Кудзуми Кадзуо считает, что именно данное упоминание стало отправной точкой для появления и развития образа русалки. Начиная с эпохи Тайсё (1912—1926) этот образ стал обрастать деталями, заимствованными в том числе из западной литературы [Kuzumi 2005; Kuzumi 2006; Kuzumi 2007].

Легенды сформировали образ получеловека-полурыбы, который связан с явлением цунами и может быть интерпретирован двояко: с одной стороны, русалка служит вестником надвигающегося бедствия, с другой — предстает как существо, вызывающее цунами в качестве воздаяния за поступки людей, прогневавшие обитателей моря, что перекликается с западными мифами о сиренах как виновницах кораблекрушений [Fujii 2006, p. 51—52]. Накамура Дзюнко указывает на мифы, появившиеся на островах Исигаки и Мияко и к началу эпохи Эдо распространившиеся из фольклора Рюкю по всей Японии: русалки либо предупреждают рыбаков о приближающемся цунами в благодарность за освобождение по их просьбе пойманной рыбы или, в некоторых версиях, самой русалки, попавшей в сети; либо же, напротив, духи моря насылают цунами на людей в наказание за поедание русалочьей плоти — согласно преданиям, мясо русалок дарует вечную жизнь и молодость. В таких легендах часто показывается, что людей, не верящих в русалок либо считающих их низшими существами, постигает кара: тех, кто не поверил рыбакам, видевшим *нингё* и принесшим от них известие о цунами, как и тех, кто съел мясо русалки в погоне за вечной молодостью, ждет гибель, им предстоит утонуть [Nakamura 2024, p. 85—89].

Часто образ русалки преподносится как неоднозначный: например, в новелле Ихара Сайкаку «Встреча с русалкой, стоившая жизни самураю» (1687 г.) автор описывает *нингё* как опасного монстра, но в то же время и как нежную красавицу с удивительным голосом, что также перекликается с образами русалок в западной литературе. Рассказчик упоминает, что в море «не раз вылавливали диковинных рыб», а русалку описывает так: «...на голове у нее был алый гребень, как у петуха, ликом она походила на прекрасную девушку. Были у нее четыре ноги, словно бы покрытых лазурью, и чешуя сверкала, точно золото. Тело ее источало сладостный аромат, а голос, тихий и нежный, был подобен флейте-жаворонку» [Ихара 1981, с. 87].

Главный герой новеллы Киннай, выпустивший в русалку стрелу, подвергается насмешкам недоброжелателя, обвиняющего его во лжи. Не стерпев оскорблений, доблестный самурай погибает от горя, когда ему несмотря на все мольбы, возносимые морской стихии, не удается снова встретить русалку, чтобы доказать свою правоту; однако за Киннай мстят дочь и возлюбленная. Открывается, что недоброжелатель издевался над самураем, потому что тот отказался выдать за него свою дочь, и негодай решил отомстить, оскорбив честь и достоинство Киннай. В конце новеллы справедливость торжествует уже после смерти отца и дочери, когда в бухте Китаура вылавливают русалку, из тела которой торчит кончик стрелы, что подтверждает правдивость слов самурая. Именно Ихара Сайкаку

первым в японской художественной прозе использовал образ русалки как метафору — прием, позднее свойственный магическому реализму: встреча с волшебным созданием не делает существо из потустороннего мира главным героем произведения, а лишь служит катализатором для проявления определенных человеческих качеств, таких как лживость или честность, справедливость или подлость, корыстолюбие или преданность.

Несмотря на разнообразие работ, посвященных интерпретации образов русалок в литературах Востока и Запада, до сих пор отсутствуют компаративные исследования, которые рассматривали бы произведения японских писателей XX—XXI вв., где фигурируют русалки, в контексте интертекстуальности — приема построения текста, который подразумевает отсылки к произведениям предшественников. Представляется интересным проследить своеобразие и заимствованные элементы в образах русалок, созданных в малой прозе известными японскими писателями XX—XXI вв. Исходя из критерия наличия в тексте литературных параллелей и аллюзий, мы выбрали следующие восемь рассказов: «Плач сирены» (人魚の嘆き) Танидзаки Дзюньитиро (1917 г.), «Русалка и красная свеча» (赤い蠟燭と人魚) Огава Мимэй (1921 г.), «История русалки» (人魚伝) Абэ Кобо (1962 г.), «День русалки» (人魚の日) Мотидзуки Хироюки (1980 г.), «Волосы» (髪) (1996 г.) и «Русалка» (マーメイド) (2008 г.) Атода Такаси, «Жизнь русалки-ювелира» (人魚宝石職人の一生) Огава Ёко (2006 г.), и «Спасение русалки» (人魚すくい) Тама-ру Масатомо (2016 г.).

Русалка как символ социальной критики

Симидзу-Бэтэ Мэгуми указывает, что вслед за сказкой «Русалочка» Г.Х. Андерсена многие писатели, используя образ мифического создания, обратились к художественному исследованию трагического мироощущения личности в обществе отчуждения, когда герой потерян, разочарован катастрофической бессмысленностью жизни, а мир представляется ему хаосом, где царит безумие [Shimizu-Bethe 2015, p. 100—102]. Ри Сюнсо отмечает, что экзистенциальные вопросы толкают человека к поискам иного мира, — подобно тому, как героиню сказки Г.Х. Андерсена влекло в мир людей, несмотря на опасности, которые он в себе таил [Ri 2017, p. 49—50]. В рассказе Танидзаки Дзюньитиро «Плач сирены» [Tanizaki 1967] купленная у европейца русалка олицетворяет загадочную притягательность западной цивилизации в глазах утратившего интерес и вкус к жизни молодого китайского аристократа; русалка рассказывает, что сирены зародились в водах Рейна и существуют как в человеческом облике, подобно Лорелее, так и в виде сладкоголосых полулюдей-полурыб, либо же поющих сирен с птичьими лапами, что отсылает к древнегреческой мифологии. Кроме того, в речи образованной красавицы-русалки можно усмотреть отсылки и к известному циклу песен «Гимн вину» поэта *Манъёсю* Отомо Табито (VIII в.): она объясняет, что может открыть всю правду о себе только тогда, когда ей дадут выпить вина, как и Отомо Табито писал, что вино побуждает к искренности.

Молодой аристократ признается бродячему торговцу, который предлагает ему в Нанкине купить чудесное создание, что прежняя беззаботность покинула

его; больше его не радуют ни наложницы, ни увеселения, ни богатства, ни красоты родины. Он томится тягой к непознанному и ищет утешения в чем-то таинственном и далеком от реальности; поэтому покупает русалку, которая, как обещал ему торговец, обладает несравненной мудростью и сможет утолить его печали, потому что сама всегда тоскует по недостижимому для нее человеческому миру и сумеет понять страдания своего нового господина. Красота русалки превосходит все земные мерки; сверкает гладкая жемчужная кожа, взгляд нежных синих глаз повергает в трепет. Самые изысканные красавицы по сравнению с нею кажутся юноше обыденными и старомодными, вульгарными и даже уродливыми. Этот идеал женской красоты подталкивает молодого человека к размышлениям о далеких и непостижимых странах Запада, откуда родом русалка; будучи сведущ в самых разных искусствах и науках, он пресытился Востоком, но на Запад двинуться не решается и не сразу осознает в себе эту тягу. Между тем, он пытается изучить лицо русалки согласно законам физиогномики — и приходит к выводу, что это создание с рыбьим хвостом и человеческой верхней частью тела имеет совершенно особенные кости и плоть. Он еще не встречал столь гармонично сложенного существа; также он замечает, что каждый крохотный прозрачный волосок на ее теле увенчан еле заметным глазу жемчужным пузырьком, что создает эффект сияния. Юноша не понимает, почему торговец согласен расстаться со столь дивным существом и почему он предпочитает деньги подлинному чуду; торговец объясняет, что он родом из Голландии, там русалки не редкость, да и вообще есть много прекрасных женщин, внешне похожих на русалок, а про русалок ходит недобрая слава: они губят влюбленных в них мужчин.

Сначала торговец, а позднее и сама русалка очаровывают молодого аристократа рассказами о женской красоте европейек и о том, что в Рейне живут разные виды русалок: полулюди-полурыбы, как она сама; полностью антропоморфные русалки; сирены с птичьими ногами — наиболее опасные создания, завлекающие своим пением корабли и топящие их. Юноша представлял Европу как варварское царство, населенное демонами, и никогда раньше не думал о поездке за границу. Но теперь, соприкоснувшись с западным чудом в облике русалки, герой представляет Европу чистым и прекрасным раем и просит торговца взять его с собой — Китай его больше не интересует, он предпочтет умереть простолюдином на Западе, чем закончить свою жизнь наследником знатного рода на Востоке. Слушая эти восторженные речи, торговец с усмешкой убеждает юношу, что тот еще не готов; пусть сперва он поговорит с русалкой, познает через нее мудрость и одновременно зло безнравственности, присущие Западу, избавится от идеалистических представлений, — а затем решает, отправляться ли в далекие земли.

Очевидно, что русалка в рассказе символизирует амбивалентность Запада, а аристократ из Нанкина — Восток, который сперва настроен настороженно, чуть позже — готов бездумно ринуться в сторону Запада, плененный диковинками, но затем начинает больше узнавать о европейской истории и философии и по-новому осмысляет жизнь. Русалка рассказывает, что ее племя когда-то губило мореплавателей, но в ней самой нет склонности к пороку и не все русалки опасны; она чувствует себя в Китае такой же чужой, как и он. В результате изысканных и откровенных бесед русалка влюбляется в благородного молодого человека, стра-

дая от невозможности быть с ним, потому что она низведена до унижительного положения полурыбы. Русалка предполагает, что родилась лишь наполовину человеком в качестве кармического воздаяния за грехи в прошлой жизни — поэтому возлюбленный навсегда недосыгаем для нее; она превращается в маленькую морскую змейку для удобства перемещения в стеклянной бутылочке, а молодой аристократ подчиняется просьбе своей необычной возлюбленной и выпускает ее в море с корабля, который направляется в Англию. Себе он также дарит свободу и, набравшись храбрости, плывет в Европу с надеждой в сердце, пока еще даже в отдаленной перспективе не представляя себе свое будущее. В образах аристократа и русалки Танидзаки Дзюньитиро воплощает взаимное притяжение Запада и Востока, а также — муки в попытках постичь непостижимое, страстную жажду новых впечатлений, одновременно близких и далеких; влечение к загадочному миру и обреченные на провал попытки проникнуть в глубинную суть друг друга, что приводит обе стороны к агонии, когда невозможно существовать ни вместе, ни порознь, потому что перед нами два разных мира.

Центральная мысль «Русалочки» Г.Х. Андерсена о губительной сути мира людей, к которому русалка не принадлежит, но всей душой стремится, идеализируя его, получает также развитие в рассказах «Русалка и красная свеча» Огава Мимэй [Ogawa 1976] и «Жизнь русалки-ювелира» Огава Ёко [Ogawa 2006]. Эти рассказы содержат социальную критику; также их объединяет идея мести — воздаяния людям за содеянное зло — благодаря дружеским и родственным связям пострадавшей от несправедливости русалки; см.: [Ihara 2015; Okubo 1979; Nogihata 2000]. Русалка Огава Мимэй чувствует, что ее сущность ближе к человеческой, чем к морской, и ради блага ребенка принимает решение оставить новорожденную дочь, чтобы та воспитывалась в мире людей, который представляется русалке столь же прекрасным, как и непознанный и идеализированный Запад в мечтах нанкинского аристократа Танидзаки Дзюньитиро. Она надеется на счастливое будущее для дочери, но надеждам не суждено сбыться: умную и прилежную девочку, которая искусно делает узорчатые свечи, растят старик и старуха, кажущиеся добрыми, — однако при первой возможности они продают ее бродячему торговцу как диковинного зверька. Торговец напоминает приемным родителям о легендах, которые гласят, что русалки приносят беду, и те поддаются уговорам. До предательства изготовленные русалочкой красные свечи приносили городу покой, а мореплаватели, за чье здоровье их ставили в храмах, всегда возвращались живыми; но после продажи русалочки все оставшиеся свечи ее работы скупила таинственная посетительница, предположительно — мать, жаждущая мести за свое дитя; с тех пор эти свечи постоянно горели в храме, корабли гибли один за другим и город оказался проклят. В рассказе мир оказывается «перевернут» вовсе не фантастическим существом, как можно было бы ожидать и как предрекали торговец и те, кто его поддержал, а самими людьми, которые без всякой помощи потусторонних сил опрокидывают законы добра и морали. Встреча с русалкой служит обнаружению худших свойств человеческой природы, что влечет за собой неминуемое возмездие.

То же самое происходит в рассказе Огава Ёко «Жизнь русалки-ювелира», который по сути является продолжением «Русалочки» Г.Х. Андерсена. Главный ге-

рой — русалка-ювелир, который служил шестой, младшей дочери морского царя. Он изготавливал заколки для ее прекрасных волос и украшения для плавников — пока русалочка не погибла, так и не узнавшая спасенным ею принцем, который предпочел ей другую. Молодой ювелир клянется отомстить принцу и принцессе за свою госпожу, в которую всегда был тайно влюблен, и рискует собственной жизнью, познавая вероломный мир людей; здесь находит утешение жажда справедливости, которая придает завершенность печальной истории Андерсена. Любопытен в данном произведении образ русалки мужского пола — или водяного, который также встретится в рассказе Атода Такаси «Русалка» [Atōda 2008]: в истории Огава Ёко в мире русалок все мужчины-русалки, кроме короля, рождаются и умирают только для того, чтобы служить женщинам-русалкам.

В рассказе Атода Такаси «Русалка» у мужчин-русалок те же функции, но выглядят они иначе, чем женские особи: как люди с рыбьими головами. Здесь, в отличие от трех других историй данного раздела, гротескно и пессимистично, с элементами черного юмора показаны корыстолюбие и алчность обоих миров — и подводного, и земного: главный герой не желает отдавать русалкам долг, который у него накопился, пока он посещал их секретный бар и флиртовал с красавицей-русалкой, позднее ему наскучившей; разочарованная русалка требует отдать деньги, и все заканчивается угасанием чувств, отчуждением, взаимными обвинениями и убийством главного героя. В данной истории можно провести параллель с рассказами о русалках Огава Мимэй и Огава Ёко: главной становится идея мести людям, обидевшим русалку, — у Атода Такаси за сестру-русалку к человеку приходит отомстить ее брат-водяной.

В рассмотренных историях оспаривается распространенный миф о том, что у русалок нет души, — о чем так сокрушалась русалочка Г.Х. Андерсена. Напротив, бездушными, лживыми, несправедливыми и корыстолюбивыми показаны люди, а не русалки (торговец в рассказе Танидзаки Дзюньитиро; приемные родители в рассказе Огава Мимэй; царедворцы в рассказе Огава Ёко). В связи с легендами о русалке и невозможности для нее получить человеческую душу в данных трех рассказах можно усмотреть аллюзии не только на сказку Г.Х. Андерсена, но и на ряд других произведений о русалках, популярных в Японии. Прежде всего, это сказка «Рыбак и его Душа» О. Уайльда (1891 г.), герой которой влюбляется в прелестную Русалочку (Деву Морскую) и отказывается от своей души ради того, чтобы быть с ней; соприкосновение с человеческой душой для русалок смертельно, поэтому Душа Рыбака пускается в неприкаянное путешествие по миру и без любви утрачивает нравственность. Когда же Рыбак воссоединяется с Душой благодаря ее хитрости, Русалочка расплачивается за его поступок жизнью. И.Ю. Мауткина указывает, что Уайльд также меняет полярность обозначенных в сказке миров: «В волшебном-сказочном хронотопе мир людей представлен как “свой”, “добрый”, а мир фантастических существ — “чужой”, “враждебный”. В “Рыбаке и его Душе” подводный мир воспринимается как царство вечной любви, мира, добродетели, а мир людей оказывается полным греха и страдания... Но именно смерть Девы Морской позволяет Рыбаку обрести прежнюю целостность своей сущности: Рыбак умирает от разрыва сердца, и в этот миг Душа наконец-то проникает в его сердце. Теперь оно вмещает и любовь, и душу» [Мауткина 2006, с. 46]. Любо-

пытно, что у Андерсена Русалочка мечтает обрести душу ради человека и обращается за помощью к ведьме, тогда как у Уайльда, напротив, человек мечтает избавиться от души ради русалки и обращается к ведьме именно с этой просьбой. У трех рассмотренных нами японских авторов русалки представлены гармонично развитыми, добродетельными и мудрыми существами, прекрасными телом и душой, а также свободными разумом, — существами, к идеалу которых, предполагается, должно стремиться человечество; а до тех пор соседство с подлинными чудесами, которые символизирует русалка, для людей невозможно.

Также бездушным показан именно мир людей, а не подводный мир, в известном стихотворении М. Арнольда «Покинутый водяной» (1849 г.): преданного и горячо любящего водяного покидает жена-человек, которую охватила ложная набожность, едва она слышала пасхальные колокола. Мать бросила мужа и даже детей, чтобы жить на суше среди людей, и больше не вернулась к семье; стихотворение о предательстве любимой пронизано чувством шемящей тоски и страшной утраты [Arnold 2004]. Аллюзии можно обнаружить в стихотворении японского поэта Накахара Тюя: «Северное море» (北海, 1935 г.), написанном, как указывает Ямагути Ютака, под влиянием рассказа «Русалка и красная свеча» Огава Мимэй [Yamaguchi 2019, p. 71]; по мнению Мацумото Осаму, в стихотворении море представлено метафорой жизни, а русалка символизирует романтические надежды [Matsumoto 1997]. Дважды повторяется строка «В этом море ты русалок не увидишь» — что, по мнению исследователя, содержит в себе социальную критику: человечество утрачивает добродетель, а вместе с ней и надежду на лучшее будущее.

Таким образом, в ряде историй японских писателей можно увидеть как социальную критику мира, полного пороков, так и намек на надежду, либо же, напротив, на невозможность волшебного возрождения для человечества, которую символизируют русалки.

Русалка как метафора борьбы с бессознательным

В произведениях писателей-постмодернистов и магических реалистов часто используется прием мистической двойственности повествователя, который находится на зыбкой границе между реальностью и воображаемым (фантастическим) миром; герои незаметно для себя выходят за пределы привычного мира и оказываются в плену мифов и сказок, зачастую на грани безумия, поскольку границы между реальностью и воображением весьма условны и неясно, что более иллюзорно: их повседневная жизнь или мистический опыт. Четыре японские истории с русалками, которые будут рассмотрены ниже, наполнены множеством постмодернистских приемов и символов: к ним относится, например, размытость границ между реальным миром и сказочным; частое обращение к аллюзиям; многосмысленность; взаимопроникновение и слияние абсурдного и философского, страшного и смешного, грустного и забавного.

В хоррор-рассказе Атода Такаси «Волосы» [Atōda 1996] представлен образ русалки как мстительного и алчного чудовища из японского городского фольклора.

ра, тогда как короткие психологические триллеры Абэ Кобо «История русалки» [Abe, 1998], Мотидзуки Хироюки «День русалки» [Mochizuki, 1985] и Тамару Масатоми «Спасение русалки» [Tamaqi, 2016] содержат элементы черного юмора и сатиры поднимают социальную тему деградации человечества, склонного к самоуничтожению, а также проблемы утраты личности, кризиса идентичности, безуспешной борьбы с бессознательным. Русалки становятся метафорическим символом, отсылая не только к традиционным образам русалок из японских мифов и легенд, но и к западным модернистским и постмодернистским произведениям, к магическому реализму: например, романам «Галапагосы» К. Воннегута (1985 г.) и «Морская дама» Г. Уэллса (1902 г.), рассказам «Аксолотль» Х. Кортасара (1956 г.) и «Превращение» Ф. Кафки (1915 г.).

Рассмотрим подробнее аллюзии в указанных произведениях. В рассказе Атода Такаси «Волосы» русалка понимается нетипично для японского фольклора, приближая образ скорее к русскому: «Согласно народным поверьям, русалки — это некрещеные или неотпетые женщины, умершие не своей смертью: утопленницы, удавленницы, самоубийцы, не удостоенные погребения» [Чжоу 2017, с. 321]. Главная героиня, зная, что смертельно больна, не рассказывает об этом возлюбленному и уговаривает его совершить двойное самоубийство якобы из-за невозможности быть вместе (их семья против их брака). По случайности наивному юноше удается избежать утопления, а узнав об эгоизме своей любимой девушки, он перестает испытывать чувство вины и продолжает наслаждаться жизнью. Но через двадцать лет умершая, в ярости от его вероломства, возвращается за бывшим возлюбленным в облике русалки-утопленницы, чтобы всплыть со дна моря, загипнотизировать его, опутать своими некогда прекрасными длинными волосами и, осуществив задуманное, забрать его с собой под воду, где она теперь обитает (что, по-видимому, означает для него смерть).

Незадолго до двадцатой годовщины гибели девушки герой ощущает непонятный «зов моря»; все более впадая в гипнотическое состояние, он чувствует, что какие-то силы, которым он не способен противостоять, ведут его на тот самый берег, от которого они когда-то отплыли вдвоем в лодке. Такая же неспособность сопротивляться «водяной женщине» показана в романе Уэллса «Морская дама»: главный герой, Чаттерис, встречает русалку, которая влюбляется в него и через несколько лет выходит на сушу, чтобы соблазнить любимого. Высшее общество высмеивается в романе устами русалки, которая заставляет возлюбленного задуматься над тем, что в ее мире есть нечто гораздо более оригинальное, привлекательное и настоящее; в конце концов, околдованный ею, он не в силах противостоять чарам. В рассказе «Волосы» Атода Такаси главная героиня также терпеливо ждет возможности, пока вера мужчины в мир, в котором он живет, не пошатнется и пока его идеалы не подвергнутся сомнению. Русалка Г. Уэллса разрушает ту власть, которую имеет над Чаттерисом светское общество, своей загадочностью и сексуальностью; точно так же и герой рассказа «Волосы» уже в зрелом возрасте вступает в период кризисного переосмысления себя и начинает сомневаться: так ли он жил, как хотел. Он все чаще вспоминает прекрасные, длинные и густые волосы своей былой возлюбленной, которые дарили ему несравненное наслаждение во время чувственных ласк, заставляя забыть.

В конце концов память о волосах вытесняет все остальное, вследствие чего он покорно приближается к берегу, где его неминуемо ждет гибель в объятиях русалки. По С. Баскетту, то же самое происходит и с Чаттерисом в романе «Морская дама»: чувственность и сексуальность загадочной русалки, ее призывы отказаться от полного бессмысленной мишуры мира, дабы последовать за ней в мир таинственный и сказочный, лишают мужчину власти над собой [Baskett 1989, p. 36]. Оба героя ощущают абсурд и нелепость жизни; в конце концов зов призрачного подводного мира кажется им все более реальным и манящим, даже если означает для них гибель.

В рассказе Тамару Масатомо «Спасение русалки» представлена новая интерпретация широко известного образа сирены Лорелеи — Рейнской Девы — из лирики К. Брентано и Г. Гейне. Само название сборника коротких рассказов Тамару Масатомо, где опубликован текст, — «Тысяча и одна ночь», — является аллюзией; каждое произведение сборника представляет собой историю о чудесах и диковинках, обнаруженных героем на блошином рынке при старом синтоистском святилище, что отсылает к ряду сюжетов сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». В рассказах писатель использует образы из мирового или японского фольклора, а также из городских легенд и комиксов; при этом Тамару часто заставляет старый образ функционировать по-новому, придавая ему метафорическое значение. Название рассказа «Спасение русалки» отсылает к легендам, в которых спасение русалки, то есть отпускание ее на волю рыбаком, означает предотвращение катастрофы (такой как цунами, шторм, кораблекрушение и т. п.) [Nakamura 2024, p. 85]. Но в рассказе Тамару все выходит иначе: то, что герой считал «спасением», сулит гибель многим судам.

В рассказе «Спасение русалки» речь идет о мужчине, который на ярмарке при святилище поучаствовал в аттракционе по ловле мальков русалок; выловив одну, размером с аквариумную рыбку, он унес ее к себе домой и там растил до тех пор, пока особь не стала взрослой и не сделалась ростом с обычную девушку. При этом было очевидно, что русалка заиклена на одной и той же ситуации: в детстве на нее произвел огромное впечатление традиционный синтоистский праздник, когда, согласно древнему ритуалу, вынесли паланкины, — и вдруг они врезались в толпу, сокрушив большое количество людей. Юная русалка, наблюдая это еще мальком, связала несчастный случай с пением, которое звучало по случаю праздника у храма. Когда же русалка выросла, мужчина понял, что не справится с ней, и отнес ее в естественную среду обитания — к морю, где выпустил, полагая, что тем самым делает добро. Однако он не учел, какое серьезное влияние оказало на психику русалки напугавшее ее в детстве событие: едва очутившись в море, она стала подсознательно воспроизводить ситуацию вновь и вновь, распевая песни и наблюдая, как корабли и другие судна налетают на камни и разбиваются вдребезги. Таким образом, жажда сирены убивать, как у Лорелеи, обретает в рассказе Тамару метафорическую трактовку: легко угадать в судьбе русалки судьбу многих людей, которые, пережив в детстве травмирующую ситуацию и повзрослев, не могут оторваться от прошлого и помимо собственной воли, а иногда и сами того желая, воссоздают опасную ситуацию и превращаются из жертвы в обидчика, травма которого растет вместе с ним, разрушая жизни не-

винных людей. При этом образ владельца русалки, опекавшего ее с детства, можно трактовать как образ родителя, который не потрудился разобраться в том, что происходит с ребенком, и выпустил травмированное дитя в мир на беду людям, которым придется с ним взаимодействовать.

В психологических триллерах Абэ Кобо «История русалки» и Мотидзуки Хироюки «День русалки» представлены истории мужчин, которые увлеклись русалками и поселили их в своих ваннных комнатах, за что позднее жестоко поплатились. Обоих героев роднит, во-первых, жажда уйти от условностей общества к чему-то волшебному и непознанному; во-вторых, то, что они находятся во власти иллюзий, на грани безумия, и постепенно сходят с ума, сами не понимая, кто они такие.

Главный герой рассказа Абэ Кобо, исследователь, обнаруживает русалку, попавшую в ловушку на затонувшем корабле, которая выживает, поедая тела утопленников. Он очарован ее гибким и нежным зеленым телом, прекрасным лицом и невинными глазами. Мужчина решает спасти ее из трюма корабля и позволить ей жить в своей ванной комнате. Он чувствует себя счастливым, когда русалка соглашается жить с ним вместе как его возлюбленная; пока вскоре не обнаруживает себя второго — каким-то образом появившееся альтер-эго — лежащим голым в ванной. Когда приближается время отправиться на работу, он со своим вторым «я» спорит, кто останется с красавицей. В результате главный герой неохотно вынужден уступить. Но на работе он не может сосредоточиться из-за постоянных мыслей о том, чем заняты русалка и его второе «я»; ревность сводит его с ума и он, наконец, решает убить «другого себя». Но вернувшись в квартиру, мужчина видит, что в ванной русалка ест «его». Более того, лодыжка, которая осталась несъеденной, растет как растение и начинает регенерировать по собственному образу. Мужчина понимает, что не он взял себе русалку как любимую женщину, а она держит его, чтобы им питаться. Ее взгляд, который он ошибочно истолковал как полный любви и страсти, на самом деле был отражением русалочьего аппетита, а ее зеленые слезы были органом, который усиливал регенеративную функцию частей его тела, позволяя им вырастать вновь и вновь, чтобы быть съеденными. Мужчина в отчаянии врывается в ванную и в попытке перехватить контроль над собственной жизнью несколько раз наносит ножевые ранения своему регенерирующему «я», затем убегает из квартиры и звонит в полицию, чтобы сдать ее. К тому времени, как мужчина возвращается домой, изуродованный труп его второго «я» уже увезла недоумевающая полиция. Мужчина и русалка, успевшая спрятаться, остаются вдвоем. Пытаясь заставить его тело снова создать дубликат и регенерировать, русалка льет слезы фонтаном; герой целует ее, плачет, но, собравшись с духом, вонзает нож в оба глаза русалки. Потом он проводит дни, наблюдая, как тело цвета нефрита становится коричневым, после чего заворачивает сморщенную мумию в старые газеты вместе с каким-то репеллентом от насекомых и кладет в чемодан.

Будущее мужчины, которого уже вычеркнули из общества, считая, что он мертв, неизвестно; он выглядит и чувствует себя «наполовину съеденным», на грани безумия. Помимо того, он замечает, что у него развивается чувствительность к зеленому цвету: например, когда он видит зеленые морские волны, его

сердце начинает биться чаще, ладони потеют, глаза наполняются слезами, и он больше не может держать их открытыми, словно ослепленный. Эти приступы схожи с реакцией на инъекцию адреналина. Финал остается открытым: на волне таких адреналиновых приливов герой влюбляется в зеленый цвет и, надев зеленые очки, бродит по городу, размышляя, как ему выпутаться из этой истории и вернуть рассудок, который все еще словно бы «раздваивается». Мужчина даже не уверен, не придумал ли он все это, сходя с ума от одиночества и неудовлетворенности собственной жизнью.

В данном рассказе очевидны отсылки сразу к нескольким историям. Во-первых, это зеркальное отражение легенды о Яо Бикунни — буддийской монахине, которая, будучи юной девушкой, съела добытое отцом мясо русалки, чтобы, согласно преданиям, обрести вечную жизнь; действительно, она прожила восемьсот лет, много страдала и, приняв постриг, стала бродячей монахиней и отправилась в странствия, но не смогла забыть свой город и родных, которых пережила [Kuzumi 2011, p. 65—66]. Здесь Абэ Кобо, напротив, показывает русалку, поедающую человеческую плоть, чтобы жить вечно; альтер-эго героя с наслаждением позволяет это, в то время как сам герой пытается сопротивляться. По предположению Баба Мамико, в образе русалки может быть метафорически изображено капиталистическое общество, использующее и разрушающее человека ради собственного существования, но умело убеждающее в том, что оно делает это из любви, в заботе о процветании людей, а люди лишь покорно «скармливают» себя, думая, что общество заботится о них и сама система выстроена во благо человеку (так, герой считает, что русалка согласилась жить с ним, поскольку влюблена; но выяснилось, что он для нее — лишь корм) [Baba 2013, p. 119]. При этом человек словно раздваивается: одна его часть покорна, другая же подсознательно стремится к бунту; в конце концов человек не выдерживает этой двойственности и в процессе борьбы с силами, которые ему никогда не победить, теряет рассудок, но остается навсегда «отравлен» (метафора неискоренимой страсти к зеленому «русалочьему» цвету).

Также можно предположить в рассказе Абэ Кобо отсылки к известным рассказам «Аксолотль» Х. Кортасара и «Превращение» Ф. Кафки: в обоих показана драматическая трансформация главного героя в непонятное существо (в одном случае это — наполовину аксолотль, в другом — гигантское насекомое), и, как и в рассказе Абэ Кобо, поднимаются экзистенциальные темы: изоляция, отчуждение от мира, бессмысленность существования и поиск идентичности в абсурдном мире, потеря рассудка. Герои рассказов всех трех писателей осознают свое бессилие перед обстоятельствами, оторванность от общества и мира; в этом смысле превращение Грегора у Ф. Кафки в гигантского жука, героя Х. Кортасара в аксолотля, как и появление поедаемого русалкой дубликата главного героя у Абэ Кобо, становятся метафорой отчуждения и социальной изоляции, с которыми сталкиваются многие люди в реальной жизни. Кроме того, метафоричность, черный юмор и сатирический, лишенный оптимизма взгляд на человечество роднят рассказы Абэ Кобо, Кафки и Кортасара с написанным позднее романом К. Воннегута «Галапагосы» — где также на первый план выступает проблема изоляции, «водная» атмосфера (вода — метафора жизни) и метафорические образы

людей, превращающихся в ластоногих рыбоподобных существ, которые плывут по течению абсурдного мира.

По мотивам рассказа Абэ Кобо автор фантастической короткой прозы Мотидзуки Хироюки написал историю «День русалки», в центре которой — отчуждение человека от общества, безумие и безуспешная борьба с бессознательным. Главный герой, Хироси, одинок и нелюдим, живет в воображаемом мире и мечтает о чудесах; год назад случайно встретив во время летней морской рыбалки русалку, он начинает сожительствовать с ней. Они не могут общаться, так как русалка не знает человеческого языка; но слепая влюбленность и околдованность ее красотой побуждают мужчину снимать дорогую квартиру с просторной ванной комнатой для удобства русалки, а также покупать свежую рыбу ей на питание каждый день. Заработавшись, Хироси однажды от усталости забывает закрыть дверь в квартиру; арендодатели, курьеры, разносчики рекламы и остальные, кто проходил мимо и заглядывал внутрь, — все увидели в спящей в ванной русалке труп женщины и вызвали полицию. Герой до приезда полицейских едва успевает вынести из квартиры завернутую во влажное полотенце русалку и отвезти ее к морю, чтобы там выпустить на свободу. Он объясняет девушке, что так будет безопаснее, потому что СМИ не дадут им прохода, когда узнают, что русалки существуют на самом деле. Но когда полицейские приезжают, никто, как выясняется, не верит в историю о русалке; опираясь на свидетельские показания, которые совпадают, полиция арестовывает Хироси и отправляется искать труп женщины, который он, как они предполагают, выбросил в море. Для читателя, как и для самого героя, давно утратившего связь с реальностью, остается загадкой: действительно ли Хироси сошел с ума и, убив женщину, держал ее труп в ванной, воображая, что это русалка и у них роман (что вероятнее всего, исходя из заключения полицейских и убежденности свидетелей, чьи показания о трупе идентичны); либо же в его жизни и в самом деле произошло чудо, переход в иную реальность, который он никогда не сможет доказать.

В этом рассказе центральной темой становится тотальная изоляция человека от мира и его разочарованность; наиболее вероятной остается интерпретация, что Хироси, пребывая в плену собственного большого воображения и не имея значимых социальных связей, никем не любимый, сходит с ума и выбирает себе жертву: убитая женщина будет бессловесной, покорной и никуда не уйдет. Этим объясняется «молчание русалки»; далее фантазии безумца Хироси разрастаются, он все больше уходит в себя, ни с кем не общаясь и работая на износ на разных работах, чтобы «содержать русалку». Хироси отказывается от разочаровавшего его мира, утверждая на допросах, что нет ничего прекраснее волшебной страны в море, обитатели которой показываются лишь избранным, — что и произошло с ним. Отчуждение от семьи и общества приводит героя к крайней степени отчаяния и потере рассудка; находясь в плену большого воображения, герой совершает преступление, но даже если его рассказы правда, мир все равно отторгнет его как впавшего в безумие, а суд готовится определить его в лечебницу для душевнобольных.

Воображение и реальность в подобных историях разграничены нечетко вследствие характерного для постмодернизма стремления представить непред-

ставимое, интереса к эзотерике и ирреализму [Постмодернизм... 2010, с. 32]. Героям произведений трудно понять, где воображение, где явь, что приводит читателя к многовариантному толкованию текста. Сон, воображение, гипноз, иллюзии, игры подсознания, медитативное состояние открывают истинную природу людей, отношений и событий в работах, подобных четырем рассказам, рассмотренным в данном разделе.

Заключение

Чжоу Яньнянь отмечает: разнообразие мифов и историй о русалках, как и сам интерес к образу русалок, обусловлены тем, что «людей всегда привлекала загадочная водная стихия, окружающая человека повсюду, но таинственная и недоступная» [Чжоу 2017, с. 319]. В данной статье были представлены результаты анализа восьми рассказов японских писателей XX—XXI вв., в которых фигурируют русалки, в сопоставлении с легендами об этих волшебных существах, а также с учетом литературных параллелей с произведениями западных авторов о русалке. В ряде случаев можно говорить о прямых заимствованиях и очевидной интертекстуальности — как, например, в рассказе Огава Ёко «Жизнь русалки-ювелира», содержащем отсылки к «Русалочке» Г.Х. Андерсена, либо в рассказе Тамару Масатоми «Спасение русалки», отсылающем к легендам о Лорелее. В то же время аллюзии могут быть проведены автором не всегда осознанно: так, например, компаративный подход выявляет предполагаемые параллели между рассказом Абэ Кобо «История русалки» и такими произведениями, как «Аксолотль» Х. Кортасара и «Превращение» Ф. Кафки, но доподлинно неизвестно, был ли писатель знаком с сочинениями предшественников.

Рассказы авторов новой и новейшей японской литературы используют образ русалки как метафорический, исходя из укоренившегося представления о русалке как о существе из иного мира. С одной стороны, само это существо стремится в мир людей, а с другой — оно притягательно для человека. Проведенный анализ эволюции образа русалки в японской литературе XX—XXI вв. демонстрирует его многогранный характер, далекий от привычных фольклорных представлений. Отправной точкой служат древние мифы и легенды, где русалка выступала как вестник стихийных бедствий или причина цунами, однако современные авторы, активно используя приемы интертекстуальности, метафоричности и символизма, трансформировали этот образ в инструмент для художественного исследования актуальных социальных и экзистенциальных тем.

Если в ранних произведениях (Танидзакэ Дзюньбитиро, Огава Мимэй) русалка стала символом критики пороков человеческого общества — его алчности, лицемерия, лживости и жестокости — а также метафорой сложных культурных взаимоотношений Востока и Запада, то в малой прозе писателей-постмодернистов и магических реалистов (Абэ Кобо, Мотидзуки Хироюки, Атода Такаси, Тамару Масатоми) она превратилась в метафору психологических и экзистенциальных состояний. В этих текстах русалка олицетворяет бессознательное, травму, внутреннюю борьбу, социальную изоляцию и кризис идентичности современно-

го человека, зачастую находящегося на грани безумия в абсурдном и отчужденном мире, где невозможно отличить реальность от иллюзии. Японские авторы активно вступают в диалог с западной литературной традицией (Г.Х. Андерсен, О. Уайльд, Г. Уэллс, Ф. Кафка, Х. Кортасар), переосмысливая и адаптируя чужие образы и сюжеты либо неосознанно приближаясь к ним. Это создает богатое интертекстуальное поле, где образ русалки приобретает новые смыслы и коннотации.

Одной из ключевых черт современной японской малой прозы о русалках является намеренная размытость границ между реальным и ирреальным, что приводит к многовариантности интерпретаций. Читатель часто остается в неведении, был ли образ русалки реальным чудом или порождением больной психики героя, что усиливает философское звучание текстов. Обращение японских авторов к образу русалки на протяжении столетия доказывает его непреходящую художественную гибкость. Этот образ остается востребованным инструментом для рефлексии о проблемах современности: от социальной несправедливости до экзистенциальных страхов и поиска своего места в мире.

Библиографический список

Ихара Сайкаку. Встреча с русалкой, стоившая жизни самураю. *Новеллы*. Москва: Художественная литература. 1981. С. 87—91.

Мауткина И. Ю. «Рыбак и его Душа» Оскара Уайльда. К вопросу о поэтике литературной сказки // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2006. № 36. С. 43—46.

Постмодернизм в литературах Азии и Африки / под ред. З.А. Джандосовой. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010.

Чжоу Яньянь. Образ «美人魚 / русалка» в русской и китайской традиции: общее и особенное // *Научный диалог*. 2017. № 5. С. 319—329.

References

Dzhandosova, Z.A. (Ed). (2010). *Postmodernizm v literaturakh Azii i Afriki* [Postmodernism in the Literatures of Asia and Africa]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian).

Ihara, Saikaku. (1981). Vstrecha s rusalkoi, stoivshaya zhizni samurayu [An Encounter With a Mermaid That Cost a Samurai His Life]. In *Novelly* [Novellas] (pp. 87—91). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Mautkina, I.Yu. (2006). «Rybak i ego Dusha» Oskara Uail'da. K voprosu o poetike literaturnoi skazki ["Fisherman and His Soul" by O. Wilde. On the Issue of the Poetics of the Literary Fairy Tale]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 36, 43—46. (In Russian).

Zhou, Y. (2017). Obraz «美人魚 / rusalka» v russkoi i kitaiskoi traditsii: obshchee i osobennoe [The Image of «美人魚 / Mermaid» in Russian and Chinese Traditions: The Common and the Specific]. *Nauchnyi dialog*, 5, 319—329. (In Russian).

* * *

Abe, Kōbō. (1998). Ningyoden [The Mermaid's Story]. In *Abe Kōbō zenshū-16 (1962.4—1962.11)* (pp. 214—236). Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).

Arnold, Matthew. (2004). The Forsaken Mermaid. *Fukuyama daigaku ningen bunka gakubu kiyō*, 4, 208—212.

Atōda, Takashi. (1996). Kami [Hair]. In *Kimyōna hirusagari* (pp. 22—28). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Atōda, Takashi. (2008). Māmeido [Mermaid]. In *Taberareta otoko* (pp. 247—256). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Baba, Mamiko. (2013). Kawakami Hiromi “Hanasanai” — Abe Kōbō “Ningyoden” to no hikaku o chūshin ni [A Study of Hiromi Kawakami's “Don't Let Go”: Especially on the Comparison With Abe Kōbō's “The Mermaid's Story”]. *Rikkyō Daigaku daigakuin Nihon bungaku ronsō maki*, 13, 103—125. (In Japanese).

Baskett, Sam S. (1989). Sensuality, H. G. Wells and T. S. Eliot. *Women's Studies Forum*, 3, 31—42.

Fujii, Sami. (2006). Kame no oshie — minkan setsuwa “Ningyo to tsunami” no shiza yori [The Teachings of the Turtle — From the Perspective of the Folktale “The Mermaid and the Tsunami”]. *Onomichi daigaku Nihon bungaku ronsō*, 2, 51—71. (In Japanese).

Horihata, Makiko. (2000). Ogawa Mimei “Akai rōsoku to ningyo” ron: denshō setsuwa no eikyō to sōsakuteki fuka o megutte [A Study of Ogawa Mimei's “The Mermaid and the Red Candle”: The Influence of Traditional Tales and Creative Additions]. *Kokugo kokubungaku kenkyū*, 35, 45—61. (In Japanese).

Ihara, Yōjirō. (2015). Mimei bungaku to shakai hihan — “Akai rōsoku to ningyo” o chūshin ni [Ogawa Mimei's Literature and Social Criticism: Focusing on “The Mermaid and the Red Candle”]. *Bukkyō daigaku daigakuin kiyō*, 43, 89—100. (In Japanese).

Kuzumi, Kazuo. (2005). Edo jidai no ningyozō [The Image of a Mermaid in the Edo Period]. *Fukushima daigaku ningen hattatsu bunka gakurui ronshū*, 2, 45—55. (In Japanese).

Kuzumi, Kazuo. (2006). Edo jidai no ningyozō (2): hakubutsugaku no hakurai o chūshin to shite [The Image of a Mermaid in the Edo Period (2): Focusing on the Import of Natural History]. *Fukushima daigaku ningen hattatsu bunka gakurui ronshū*, 3, 59—69. (In Japanese).

Kuzumi, Kazuo. (2007). Taishō jidai no ningyozō (1): hon'yaku bungaku to ningyo [The Image of a Mermaid in the Taishō Period (1): Translated Literature and Mermaids]. *Fukushima daigaku ningen hattatsu bunka gakurui ronshū*, 2, 45—55. (In Japanese).

Kuzumi, Kazuo. (2011). Nihon no ningyo densetsu: “Yao Bikuni Densetsu” o chūshin to shite [Japanese “Mermaid” Legends: Focusing on the “Legend of Yao Bikuni”]. *Fukushima daigaku ningen hattatsu bunka gakurui ronshū*, 13, 65–73. (In Japanese).

Matsumoto, Osamu. (1997). Nakahara Chūya no “Kita no umi” ni okeru ningyo ni tsuite [On the Mermaid in Nakahara Chūya’s “North Sea”]. *Jōetsu kyōiku daigaku kokugo kenkū*, 11, 1–6. (In Japanese).

Mochizuki, Hiroyuki. (1985). Ningyo no hi [The Day of the Mermaid]. In *Shōto shōto no hiroba-1* (pp. 62–66). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Nakamura, Junko. (2024). Sakishima shotō ni okeru tsunami denshō no shōchōsei — Ishigakijima Miyakojima no tsunami-ishi to ningyo-tan o chūshin [The Symbolism of Tradition Regarding Tsunami in Sakishima Islands — A Study on Tsunami Boulder and Mermaid Legend of Ishigaki and Miyako Islands]. *Yokohama shōdai ronshū*, 57 (2), 75–96. (In Japanese).

Ogawa, Mimei. (1976). Akai rōsoku to ningyo [The Mermaid and the Red Candle]. In *Ogawa Mimei dōwa zenshū-1* (pp. 264–278). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Ogawa, Yōko. (2006). Ningyo hōseki shokunin no issō [The Life of a Mermaid’s Jeweler]. In *Otogibanashi no wasuremono* (pp. 8–61). Tokyo: Popura bunko. (In Japanese).

Okubo, Midori. (1979). Ogawa Mimei “Akai rōsoku to ningyo” kenkyū — sutego no dōki o chūshin ni [A Study of “The Mermaid and the Red Candle” by Ogawa Mimei — The Mermaid Mother’s Motives for Deserting Her Child]. *Dummy Publisher ronshū*, 25 (3), 1–27. (In Japanese).

Ri, Shunso. (2017). Tanizaki Jun’ichirō “Ningyo no nageki” ron: tenkyo o megutte [On the Source of Tanizaki Junichirō’s “Ningyo no nageki”]. *Dōshisha kokubungaku kiyō*, 87, 41–53. (In Japanese).

Shimizu-Bethe, Megumi. (2015). Takai e no akogare: Noimaiyā to Anderusen to Ningyo-hime [Longing for the Other World: Neumeier, Andersen and the Little Mermaid]. *Geibun kenkyū*, 109 (2), 99–113. (In Japanese).

Tamaru, Masatomo. (2016). Ningyo sukui [Saving the Mermaid]. In *Sen’ya ichiya* (pp. 35–48). Tokyo: Shōgakukan. (In Japanese).

Tanizaki, Jun’ichirō. (1967). Ningyo no nageki [The Syren’s Lament]. In *Tanizaki Jun’ichirō zenshū-4* (pp. 118–139). Tokyo: Chūōkoronsha. (In Japanese).

Yamaguchi, Yutaka. (2019). Nakahara Chūya no “mita” ningyo [A Mermaid Imagined by Nakahara Chūya]. *Mukogawa joshi daigaku kiyō*, 67, 71–77. (In Japanese).

Yoshioka, Ikuo. (1993). Ningyo no shinka [Evolution of the Siren (Ningyo) in Japan]. *Hikaku minzoku kenkyū*, 8, 35–47. (In Japanese).

Е.А. Горячева

Отношение японцев к медиасфере: особенности восприятия и критического осмысления

Аннотация. В статье анализируются особенности восприятия и критического осмысления информации в современной медиасфере Японии с акцентом на отношение общества к национальным средствам массовой информации. На основе данных эмпирических исследований международных и японских институтов изучения медиа рассматриваются трансформации медиапотребления в условиях цифровизации и фрагментации аудитории. Показано, что снижение популярности традиционных СМИ в Японии не сопровождается эквивалентным ростом потребления новостей через социальные сети, что приводит к выраженному феномену «избегания новостей», охватывающему значительную долю населения. Особое внимание уделяется каналам получения информации в социуме Японии: доминированию новостных агрегаторов и поисковых сервисов, а также возрастной дифференциации медиапрактик, при которой молодежь чаще обращается к социальным платформам, а старшие поколения прибегают к YouTube¹ и традиционным СМИ. В статье выявляется специфическая роль «обычных пользователей» как значимых акторов формирования информационной повестки в японских социальных сетях, что отличает Японию от большинства других стран, где ведущими лидерами мнений остаются политики и журналисты. Отдельный раздел посвящен проблематике доверия к СМИ: несмотря на глобальный кризис доверия к журналистике, в Японии его уровень остается сравнительно высоким и устойчивым, при этом ключевыми критериями оценки информации выступают отсутствие предвзятости, прозрачность и соблюдение профессиональных стандартов. Показано, что критика СМИ и журналистов в японском обществе выражена слабее, чем в среднем по миру, и чаще инициируется знаменитостями и инфлюенсерами, а не политическими акторами. В заключение делается вывод о специфике японской медиасферы, в которой глобальные тенденции цифровой трансформации сочетаются с культурно обусловленными моделями доверия, сдержанной критичности и особенностями общественного отношения к национальным медиа. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении применимости универсалистских моделей медиапотребления и доверия к новостям относительно японского контекста, а также в концептуализации роли национально обусловленных факторов при анализе цифровой трансформации медиасферы.

---

¹ На момент подготовки статьи социальные сети Facebook и Instagram, принадлежащие компании Meta Platforms Inc. (США), признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г., подтверждено апелляцией 2022 г.). Видеохостинг YouTube (Google LLC, США) и социальная сеть Twitter (X) (X Corp., США) не признаны экстремистскими организациями в Российской Федерации, однако доступ к ним может ограничиваться решениями государственных органов. Упоминания названий указанных платформ в настоящей работе носят исключительно справочный и аналитический характер и не подразумевают их продвижение или рекламу.

Ключевые слова: медиасфера, медиаландшафт, цифровизация, аудитория, восприятие, СМИ, журналистика, Япония.

Автор: Горячева Елена Александровна, к. и. н., старший научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, ул. Пушкинская, 89). ORCID: 0000-0001-9357-5425. E-mail: solo888@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горячева Е.А. Отношение японцев к медиасфере: особенности восприятия и критического осмысления // Японские исследования. 2026. № 1. С. 84—106. DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-84-106.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ИИАЭ ДВО РАН 124051500002-8 «Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада и Большого Востока за формирование нового мирового порядка».

E.A. Goriacheva

The Japanese public and the media: Modes of perception and critical reflection

Abstract. This article examines the features of information perception and critical thinking within the contemporary Japanese media sphere, with a particular focus on societal attitudes towards national mass media. Drawing on empirical research data from both international and Japanese media research institutes, the author analyzes the transformation of media consumption patterns in the context of digitalization and audience fragmentation. The study reveals that the declining popularity of traditional media in Japan is not offset by an equivalent increase in news consumption via social networks, leading to a pronounced “news avoidance” phenomenon affecting a significant portion of the population. Special attention is paid to the dominance of news aggregators and search services as key information channels, as well as the age-based differentiation of media practices: younger generations more frequently turn to social platforms, while older age groups resort to YouTube and traditional media. The article also identifies the unique role of “ordinary users” as significant actors in shaping the information agenda on Japanese social networks, which distinguishes Japan from most other countries where politicians and journalists remain the dominant opinion leaders. A separate section is devoted to the issue of trust in the media: despite a global crisis of trust in journalism, its level in Japan remains relatively high and stable. The key criteria for evaluating information for the Japanese audience are the absence of bias, transparency, and adherence to professional standards. Criticism of the media and journalists in Japanese society is less pronounced than the global average and is more often initiated by celebrities and influencers rather than political actors. This article therefore establishes that the Japanese media landscape is uniquely defined by the convergence of worldwide digital shifts and deeply rooted cultural patterns of trust, measured critique, and a particular collective stance toward national media. The theoretical significance of the study lies in clarifying the applicability of universalist models of media consumption and trust in news to the Japanese context, as well as in conceptualizing the role of nationally conditioned factors in analyzing the digital transformation of the media sphere.

Keywords: media sphere, media landscape, digitalization, audience, perception, mass media, journalism, Japan.

Author: *Goriacheva, Elena A.*, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Laboratory for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (IHAЕ FEB RAS) (address: 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, Russia). ORCID: 0000-0001-9357-5425. E-mail: solo888@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Goriacheva, E.A. (2026). Otnoshenie yaponitsev k mediasfere: osobennosti vospriyatiya i kriticheskogo osmysleniya [The Japanese public and the media: Modes of perception and critical reflection]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 84—106. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-84-106.

Acknowledgments. The study was conducted under the State Assignment of the IHAЕ FEB RAS, Project No. 124051500002-8 “The Asia-Pacific Region in the Context of Rivalry Between the West and the Greater East for the Formation of a New World Order”.

Введение

Исследование современного отношения японского общества к медиасфере представляет значительный научный интерес, выходящий за рамки простой констатации общемировых цифровых тенденций развития. Его актуальность для японоведения и исследований Азиатско-Тихоокеанского региона обусловлена уникальным сочетанием глубинных социокультурных кодов Японии и стремительной медиатрансформации XXI в. Япония, будучи одной из наиболее технологически развитых стран, демонстрирует парадоксальную, на первый взгляд, медийную эволюцию: на фоне повсеместной цифровизации здесь фиксируется один из самых высоких в мире уровней «избегания новостей» (news avoidance), а относительное доверие к традиционным СМИ сохраняется вопреки глобальному скепсису. Эти особенности нельзя объяснить лишь универсальными законами медиапотребления; они требуют анализа через призму национального контекста.

Понимание специфики японского медиаландшафта служит ключом к интерпретации более широких социальных и политических процессов в стране. Паттерны доверия и критического восприятия информации, доминирование «обычных пользователей» над политиками в формировании повестки дня в соцсетях, возрастная фрагментация аудитории — все эти феномены являются производными от таких уникальных черт, присущих японскому социуму, как особенности коллективной коммуникации, исторически сложившиеся отношения между обществом и институтами, а также уникальная медийная экосистема. Таким образом, изучение того, как японцы воспринимают и осмысливают информационные потоки, транслируемые национальными СМИ, проливает свет не только на состояние местной медиасферы, но и на фундаментальные механизмы функционирования японского социума в первой четверти XXI в.

Медиасфера: определение и ключевые характеристики

Медиасфера как понятие в отечественной журналистике и теории массовых коммуникаций зачастую интерпретируется через ряд сопутствующих терминов, функционально близких по своему содержанию и значению — «медиапространство» (media landscape), «информационно-коммуникативное пространство», «массмедийное пространство», «медиасреда», «медиасистема» и «поле массмедиа» (или «медиаполе» (mediascape)) [Монастырева 2010, с. 56—58]. Эти категории используются для описания комплексных феноменов, связанных с производством, распространением, потреблением и интерпретацией медиаконтента в современном обществе. Однако термин «медиафера» в России находится в процессе институционализации понятийного аппарата теории медиа. Каждый из перечисленных терминов акцентирует определенные аспекты взаимодействия медиа с социальными, культурными и технологическими контекстами. Например, «медиафера» подчеркивает глобальный характер медиапроцессов и их интеграцию в единую систему коммуникаций, тогда как «информационно-коммуникативное пространство» расширяет это понимание, включая цифровые технологии и межличностные коммуникации. «Массмедийное пространство» фокусируется на традиционных медиаформатах, в то время как «медиасреда» рассматривает медиа как окружение, влияющее на повседневную жизнь человека. Наконец, «медиасистема» и «медиаполе» подчеркивают структурные и функциональные характеристики медиапроцессов, рассматривая их как организованные системы взаимодействия различных акторов и институций. Таким образом, использование данных терминов отражает многогранность подходов к исследованию медиапространства и позволяет более детально анализировать его различные измерения и проявления в контексте современных социальных практик. Помимо этого, при изучении зарубежного, в данном случае японского медиапространства представляется необходимым, как справедливо указывает академик Е.Л. Вартанова, «принимать во внимание роль и воздействие общества, значение национального контекста и исторических традиций, социокультурные особенности нации как ключевые факторы, оказывающие влияние на средства массовой информации и журналистику» [Вартанова 2018, с. 11; Вартанова 2019, с. 96].

Обратившись к работам классиков теории медиа, философов и социологов, таких как Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2019], Ю. Хабермас [Хабермас 2016], Э. Херман и Н. Хомский [Herman, Chomsky 1988], Д. Маккуэйл [McQuail, Deuze 2020], Р.М. Энтман [Entman 1993], М. Маккоумс и Д. Шоу [McCombs, Show 1972], М. Маклюэн [Маклюэн 1972], Д. Халлин и П. Манчини [Hallin, Mancini 2004], Е.Л. Вартанова [Вартанова 2019], И.М. Дзялошинский [Дзялошинский 2015] и др., возможно выделить ряд ключевых характеристик современной медиасферы.

1. Вездесущность и повсеместность.

На современном этапе медиасфера интегрирует различные сферы жизнедеятельности общества, охватывая потребление новостного контента, развлекательные практики и образовательные процессы. Аудитория обладает непрерывным доступом к медиаконтенту через вариативные каналы распространения информации, включая традиционные печатные и вещательные форматы, а также циф-

ровые технологии и онлайн-платформы. Данная динамика отражает трансформацию медиасреды в направлении универсализации и многоканальности коммуникационных процессов.

2. Конвергенция медиатехнологий.

В XXI в. активизировалось слияние различных форм медиа (текст, видео, аудио) в единые цифровые форматы (новостные онлайн-порталы новостей, мультимедийный контент). При этом традиционные СМИ интегрируются с социальными сетями и цифровыми платформами (новыми медиа или новыми СМИ).

3. Высокая скорость распространения.

Трансляции в сети и оперативные обновления новостной информации обеспечивают глобальную дистрибуцию контента в режиме реального времени, что существенно трансформирует коммуникационные процессы на международном уровне. В условиях медиатизации общества стремительная диффузия новостного контента и актуальных трендов, преимущественно через социальные медиаплатформы, становится значимым фактором формирования и модификации общественного мнения. Данная динамика подчеркивает возрастающую роль цифровых технологий в конструировании социальной реальности и медиаповестки.

4. Высокая степень интерактивности и непосредственного участия аудитории (потребителя).

Современные медиакommunikации предоставили пользователям возможность активного участия в процессах производства, дистрибуции и интерпретации контента, что проявляется в феноменах гражданской журналистики, социального активизма и других формах медиапрактик. Трансформация традиционных СМИ из одностороннего канала передачи информации в многостороннюю интерактивную среду отражает парадигмальный сдвиг в коммуникационных процессах, где аудитория становится не только потребителем, но и производителем медиасообщений. Данная динамика подчеркивает растущую значимость пользователь-генерируемого контента и его влияния на медийные нарративы и общественные дискурсы.

5. Фрагментация и персонализация.

В XXI в. наблюдается трансформация коммуникационных практик: произошел переход от массовой коммуникации, ориентированной на широкие аудитории, к сегментированному взаимодействию с нишевыми группами через персонализированный контент. Алгоритмические механизмы платформенных медиа осуществляют адаптацию новостных лент в соответствии с индивидуальными предпочтениями пользователей, что способствует формированию персонализированных информационных потоков. Этот процесс отражает эволюцию медиасистемы в направлении повышения точности таргетинга и дифференциации коммуникативных стратегий для удовлетворения специфических потребностей различных социальных групп.

6. Влияние на общественное мнение и социальные нормы.

Медиасфера является ключевым институтом в процессе конструирования общественного восприятия, культурных ценностей и политических установок. Теоретические подходы к изучению влияния массовой коммуникации, такие

как теория фрейминга (news framing)¹ и теория установления повестки дня (agenda-setting theory)², анализируют механизмы представления и интерпретации информации, демонстрируя, каким образом медиаструктуры формируют смысловые конструкции и определяют приоритеты общественного внимания. Эти концепции позволяют понять, как через выборочную подачу информации медиасфера воздействует на когнитивные и нормативные аспекты социальной реальности.

7. Коммерциализация и монетизация.

Медиаиндустрия функционирует в рамках коммерческой модели, ориентированной на монетизацию через рекламные доходы и системы платного доступа к контенту. Маркетинговые стратегии, основанные на данных (data-driven strategies), предусматривают детальный анализ пользовательского поведения с целью оптимизации таргетинга и максимизации экономической эффективности медиапродуктов. Данный подход позволяет компаниям повышать релевантность рекламных кампаний и персонализировать предложения, что способствует увеличению выручки и укреплению конкурентных позиций на рынке.

8. Вызовы пропаганды и дезинформации.

Актуальность вопросов, связанных с дезинформацией, фальшивыми («фейковыми») новостями и медиаманипуляциями, возрастает в условиях современной коммуникационной среды. В ответ на данные вызовы государства и институциональные акторы предпринимают меры по регулированию медиасферы, разрабатывая нормативно-правовые акты, направленные на установление механизмов цензуры, защиту персональных данных и закрепление этических стандартов журналистской деятельности. Данная тенденция отражает стремление к поиску баланса обеспечения свободы слова с необходимостью поддержания информационной безопасности и сохранения доверия к медиаинститутам.

9. Глобализация и культурный обмен.

Медиасфера выступает в качестве универсального пространства коммуникации, интегрирующего мировые сообщества и способствующего межкультурному диалогу. Глобальные новостные сети взаимодействуют с локальными культурами, оказывая на них влияние, гибко адаптируясь к их специфике и инкорпорируя местные контексты в глобальную информационную повестку. Этот двунаправленный процесс обмена культурными кодами и ценностями способствует трансформации как глобальных медиаструктур, так и локальных культурных практик.

10. Политический и идеологический инструмент.

Государственные институты, транснациональные корпорации и группы интересов активно задействуют медиаплатформы в качестве инструментов пропа-

¹ Новостной фрейминг (по Р.М. Энтману) — это процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами реальности, усиление характера представленности этих аспектов в целях формулирования определенных причинно-следственных связей, морально-нравственных интерпретаций и рекомендаций по тому, как нужно поступать в отношении той или иной ситуации [Entman 1993, p. 52; Казаков 2014, с. 86].

² Повестка дня — «особая медиареальность, картина мира, “профильрованная” через средства массовой информации» [McCombs, Shaw 1972; Дьякова, Трахтенбург 1999, с. 147].

ганды, убеждения и стратегической коммуникации. Средства массовой информации, часто обладающие определенной политической аффилиацией, играют значимую роль в формировании общественного мнения, оказывая влияние на избирательные процессы, политические решения и механизмы управления. Данная динамика отражает комплексное взаимодействие медиасистем с политическими структурами, где СМИ выступают как акторы, поддерживающие или критикующие группы у власти.

Современное состояние медиасферы Японии

В современном мире вместе с развитием цифровых технологий наступила «эпоха информационного переполнения», кардинально трансформировавшая методы получения и применения новостной информации, форматы коммуникации между людьми, а также подходы медиакомпаний к своей деятельности [Andrejevic 2013]. Значимость данных изменений продолжает возрастать, оказывая все более масштабное воздействие на общество. Необходимо определить место Японии и роль ее СМИ в обществе в постоянно изменяющемся информационном ландшафте.

Современный медиаландшафт Японии продолжает оставаться насыщенным и разнообразным. Здесь присутствуют как традиционные новостные СМИ (теле- и радиовещание, пресса), так и новые СМИ — онлайн-платформы, социальные сети и т. д. За прошедшее с 2014 г. десятилетие японцы продемонстрировали следующую динамику предпочтений в выборе источника новостной информации.

Во-первых, наблюдается снижение популярности телевидения и газет, а также снижение популярности соцсетей. Доля телезрителей в 2023 г. сократилась до 51 %, что на 5 % меньше, чем годом ранее. За 9 лет показатель упал на 29 % (с 80 % в 2014 г.). Газеты и журналы также потеряли свою аудиторию: их читают лишь 25 % опрошенных (на 35 % меньше, чем в 2014 г.). Социальные сети, которые ранее рассматривались как альтернатива традиционным СМИ, также продемонстрировали спад, составив 61 % (на 4 % меньше, чем в 2022 г., и на 12 % меньше, чем в пиковом 2015 г.). Это означает, что снижение популярности телевидения и газет не компенсируется ростом популярности соцсетей как источника новостной информации [Saisho 2023a, p. 5—6].

Во-вторых, отмечается рост числа людей, которые вообще не интересуются новостями, не обращаются к ним. В Японии этот показатель — 17 % населения в 2023 г. — является самым высоким по сравнению с другими странами мира. Так, в США таких людей 12 %, в Канаде — 11 %. Для сравнения, в соседней Республике Корея таких не интересующихся новостями людей было всего 5 % в 2023 г., и с 2016 г. этот показатель стабильно находился в диапазоне 2—6 % [Saisho, Ikehata 2024, p. 43]. Таким образом, Японию можно причислить к тем странам, где феномен «избегания новостей» (англ. news avoidance, яп. ニュース回避) выражен особенно сильно (рис. 1.)

Представляет интерес определение паттерна поведения японцев в том, как именно они ищут и находят интересующие их новости в разнообразной палитре источников информации. Самым распространенным является использование новостных агрегаторов¹ — 35 % аудитории японских СМИ выбирают этот способ. 18 % японцев ищут конкретный новостной сайт через поисковую систему. 12 % вводят ключевые слова новости в строку поисковика, 12 % заходят сразу на сайт (приложение) новостного издания, и только 10 % просматривают новости в социальных сетях.

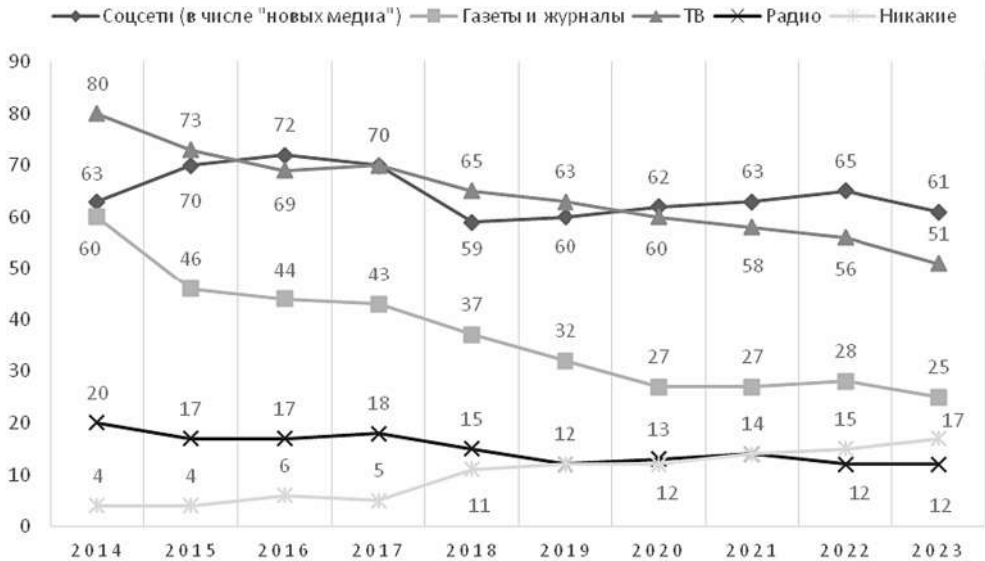

Рис. 1. Источники новостной информации для населения Японии (2014—2023 г.).

Источник: составлено по [Saisho 2023a, p. 5—6].

Социальные сети как источник получения новостной информации наиболее популярны среди молодежи 18—24 лет (30 %). Среди 25—34-летних японцев этот показатель снижается до 20 %, на 10 % меньше. Новостные агрегаторы популярны среди респондентов старше 25 лет (более 30 %), а среди 18—24-летних их используют лишь 22 %. В 2021 г. произошел переломный момент: пользователи начали получать новости через соцсети чаще, нежели при помощи новостных сайтов (и их приложений), и этот разрыв продолжает увеличиваться. Исследователи института Рейтер также подтверждают эту тенденцию, отмечая, что поколение, выросшее в среде, где смартфоны и соцсети были доступны с детства, с возрастом будет еще активнее потреблять новости именно при помощи социальных сетей, и эта тенденция будет усиливаться? [Saisho 2023a, p. 6—7].

¹ В Японии крупнейшими новостными агрегаторами являются вкладки новостей поисковых систем Google и Yahoo (яп. Google = ユーース, Yahoo! = ユーース), а также новости популярного мессенджера LINE — LINE NEWS.

Фрагментация социальных медиа.

Динамика использования социальных сетей в Японии

Согласно данным ежегодных исследований Института Рейтер, если ранее на рынке новых медиа существовала такая доминирующая платформа, как Facebook (с октября 2021 г. Meta), то в настоящее время наступила эпоха т.н. фрагментации аудитории социальных медиа [Reuters Institute Digital News Report-2024, p. 10].

Фрагментация аудитории медиа — это широкий термин, используемый для описания перехода аудитории от крупных средств массовой информации, работающих для массовой слабо структурированной аудитории, к другим, объединяющим более раздробленные аудитории (сообщества). В частности, фрагментация предполагает структурные изменения в медиасистеме, изначально построенной на одностороннем взаимодействии с массовой аудиторией посредством медиапродуктов, рассчитанных на массовое и относительно стандартное медиапотребление [Кириллова 2022, с. 171]. Либо, по определению М.М. Назарова, фрагментация в данном контексте — это дробление единого пространства на более мелкие элементы, фрагменты или составляющие, когда в условиях роста возможностей выбора контента массовая аудитория СМИ дробится и распределяется по возрастающему числу мелких источников» [Назаров 2018, с. 55].

Использование японцами социальных сетей с разными целями (не только для просмотра новостей) демонстрирует следующие тенденции. Популярность YouTube выросла с 47 % до 58 % за последние 6 лет, а популярность Facebook за тот же период снизилась с 26 % до 14 %. LINE и Twitter (X) сохранили стабильные позиции с небольшими колебаниями, а сравнительно новые платформы Instagram и TikTok значительно увеличили свою аудиторию (рис. 2).

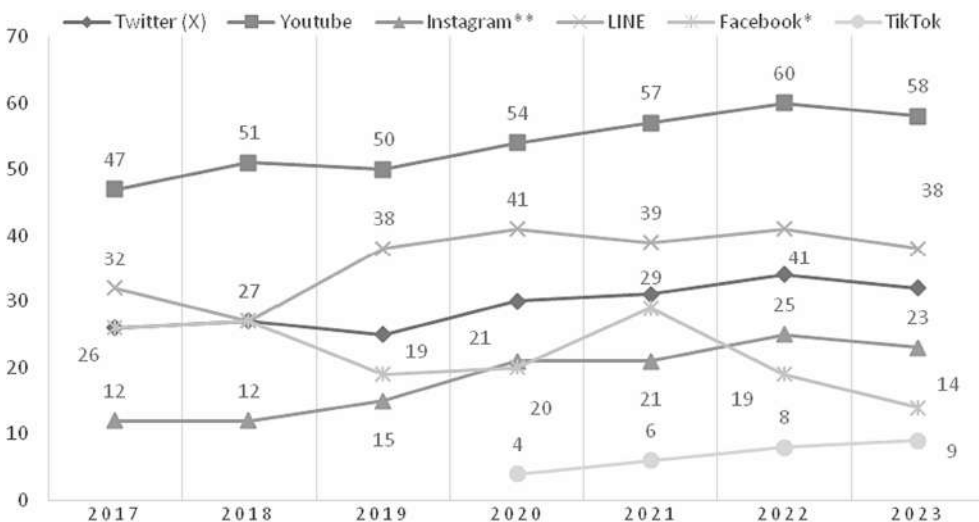
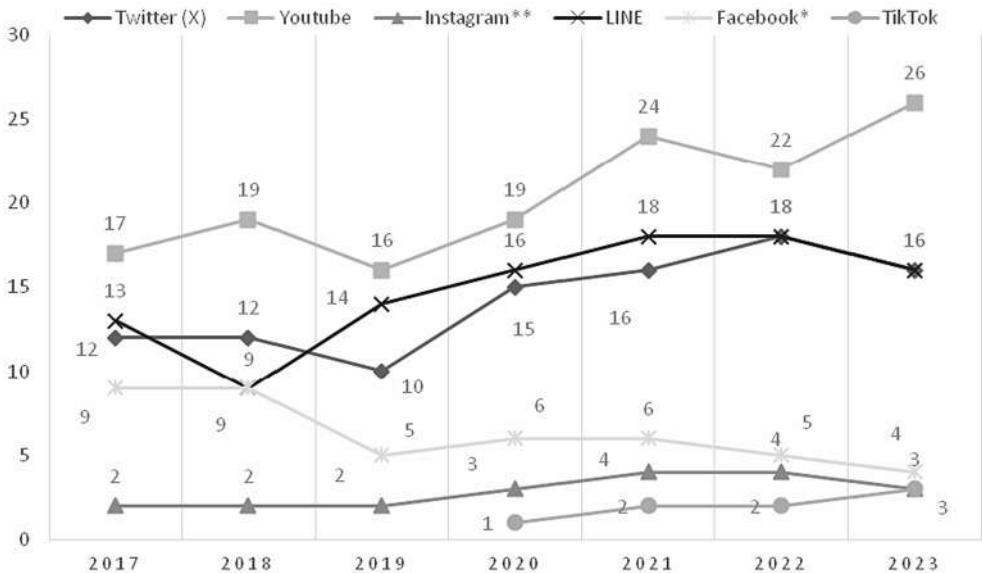

Рис. 2. Динамика использования социальных сетей в Японии во всех возрастных группах (2017—2023 гг.).

Источник: составлено по [Saisho 2023а, p. 7].

Стоит отметить, что среди японской молодежи 18—24 лет эти изменения выражены более значительно. Так, аудитория Facebook резко уменьшилась с 31 % до 5 %, показатели популярности Instagram выросли с 16 % до 46 %, а TikTok всего за 4 года увеличил охват аудитории с 9 % до 20 % [Saisho 2023a, p. 7—8]. Эта тенденция не уникальна лишь для Японии, но объединяет порядка 12 стран с 2018 г., когда у молодежи лидерами формирования мнений стали Instagram и TikTok, заменившие в этом качестве Facebook [Reuters Institute Digital News Report-2023, p. 12—13].

При исследовании вопроса, сколько японцев в целом используют социальные сети для получения новостной информации, опрос продемонстрировал схожую траекторию с тенденциями, показанными на рис. 1. (ср. рис. 3), однако более детальный анализ в разбивке по возрастным группам показал, что чем старше японец, тем меньше он использует Twitter (X) и TikTok для ознакомления с новостями, и в целом различия в предпочтениях между поколениями аналогичны тенденциям, упомянутым выше.

Рис. 3. Динамика использования социальных сетей в Японии во всех возрастных группах для получения новостей (2017—2023 гг.).

Источник: составлено по [Saisho 2023a, p. 8].

Для определения лидеров мнений в японской медиасреде тем японским респондентам, что используют регулярно платформы Facebook, Twitter (X), YouTube, Instagram и TikTok для получения новостей, был задан вопрос о том, на какие источники информации они обращают внимание. Выбор ответов включал следующие категории:

- крупные/общенациональные новостные СМИ и/или аффилированные с ними журналисты;

- малые новостные СМИ и/или аффилированные с ними журналисты;
- политики или политические активисты;
- знаменитости (включая инфлюенсеров¹, актеров, комиков, спортсменов и т. д.);
- обычные пользователи Интернет.

Во многих странах мира журналисты активно используют социальные сети с момента их появления, поэтому на существующих давно платформах, таких как Twitter (X) и Facebook внимание к новостным СМИ и журналистам остается высоким. В то же время на основанных позднее видео-платформах, таких как YouTube, Instagram и TikTok, внимание пользователей чаще привлекают инфлюенсеры и знаменитости.

Результаты исследования показали, что в Японии СМИ и журналисты получают наибольшее внимание преимущественно на платформе YouTube. В Instagram и TikTok, как и в других странах мира, лидерами по влиянию на аудиторию являются знаменитости. Однако самой уникальной чертой японского информационного ландшафта является высокая роль обычных пользователей. Так, в Twitter (X) и Facebook мнения обычных людей привлекают наибольшее внимание (44 % и 53 % соответственно). При этом высказывания политиков оказываются наименее заметными на большинстве платформ? [Saisho 2023a, p. 8—10].

В разрезе привлекательности новостной тематики между новостями на политико-экономическую тематику и новостями развлекательного характера (так называемые *soft news*) [Горячева 2019, с. 59], было выявлено, что наиболее популярная тема внутренней политики интересовала японских пользователей Twitter (X) в меньшей степени, чем по всему миру — 47 % против общемировых 59 %, а относительно материалов на Youtube, наоборот, больше — 50 % в Японии и 45 % в мире. Для новостей о вооруженном конфликте на Украине 36 % японцев предпочитали использовать в равной мере Facebook и Instagram (в мире — 28 % и 24 %) и Youtube — 36 % (в других странах в среднем 32 %). В Японии больше всего внимание населения привлекают новости развлекательного характера на платформах TikTok (54 %), Instagram (44 %) и Facebook (39 %). В целом, в том, что касается новостей о внутренней и международной политике, экономике, социальных проблемах (*hard news*) японцы склонны к выбору YouTube (83 %), причем только 63 % использует его для просмотра развлекательных новостей.

Представленные данные свидетельствуют о том, что различные цифровые платформы обладают специфическими характеристиками, которые определяют предпочтения пользователей в зависимости от их интересов и потребностей. Для СМИ Японии данный феномен подразумевает неэффективность унифицированного контента, предназначенного для одновременного распространения на всех платформах. Следовательно, возникает необходимость в разработке персонализированной стратегии создания и адаптации контента с учетом особенностей ка-

---

¹ Инфлюенсеры — пользователи социальных сетей с многочисленной и лояльной аудиторией, лидеры общественного мнения; «центры притяжения обсуждения, агрегируют мнения вокруг себя и способны оказывать заметное влияние на содержание онлайн-дискуссий» [Бодрунова 2023, с. 100].

ждой конкретной платформы. Попытки транслировать одинаковые видеоматериалы или текстовые материалы на всех социальных медиа-площадках не позволят достичь запланированного уровня охвата аудитории, что представляет собой значительный вызов для современной журналистики Японии [Saisho 2023a, p. 9—11].

Форма восприятия новостной информации для аудитории соцсетей Японии тоже важна. Между аудио, видео и текстовой формой новости японцы в 2023 г. отдавали предпочтение тексту (40 %), видео (29 %), и в наименьшей мере — аудио (7 %). Это коррелируется с общемировыми трендами, где 50 % пользователей нравится читать новости, 26 % — смотреть их, и 12 % — слушать [Saisho 2023a, p. 12].

Проблематика доверия средствам массовой информации в Японии

Прежде нежели дать оценку степени доверия СМИ со стороны населения Японии стоит отметить, что в отношении ключевого концепта теории медиа «доверие к новостям» существуют некоторые различия между терминологией на английском и японском языках. Точность формулировок для дальнейших региональных и глобальных исследований важна потому, что в настоящее время феномен снижения общественного доверия к медиаакторам и медиаконтенту получил широкое распространение во всех странах мира. На текущем этапе развития информационного пространства, характеризующегося активной цифровизацией и интенсификацией конкурентных отношений между медиаструктурами, восстановление и укрепление доверия СМИ со стороны их аудитории становится стратегически значимым фактором. Данная проблема приобретает особую актуальность в контексте глобального распространения дезинформации и манипулятивных коммуникаций, которые способствуют политической и социальной фрагментации общества. В условиях, когда достоверность информации становится ключевым условием ее восприятия и последующего использования, уровень доверия аудитории выступает важнейшим инструментом легитимизации медиаакторов. Помимо этого, поскольку в ряде государств традиционные СМИ подвергаются критике со стороны новых медиаплатформ (и аффилированных с ними политических акторов), это обуславливает необходимость формирования механизмов защиты репутации медиа через укрепление их авторитета и повышение уровня доверия аудитории, включая противодействие таким негативным явлениям, как «фальшивые новости» (англ. fake news).

Японские исследователи медиа при исследовании значения уровня доверия СМИ пользуются шкалой, предложенной С. Газиано и К. Макграф в 1986 г. [Gaziano, McGrath 1986, p. 455, 457—458]. Шкала включает 12 параметров: 1) достоверность (вероятность восприятия информации как правдивой)¹; 2) точность, полнота и отсутствие скрытия фактов; 3) авторитетность и надежность²;

¹ Достоверность — англ. believability, яп. 信頼性.

² Авторитетность и надежность — англ. trustworthiness and reliability, яп. 信頼性 (перевод на японский параметра 3 указанной шкалы идентичен параметру 1).

4) отсутствие предвзятости, сбалансированность освещения, справедливость, объективность; 5) прочие характеристики условий деятельности журналиста (например, нарушение права на частную жизнь или препятствование выходу публикаций); 6) общий уровень оценки деятельности медиа; 7) доверие к медиасистеме в целом; 8) независимость СМИ; 9) авторитет и влияние СМИ; 10) отношения между СМИ и правительством; 11) честность и соблюдение этических стандартов; 12) профессионализм [Saisho 2024, p. 5].

Однако существует мнение, что описанный выше традиционный подход демонстрирует снижение своей применимости в современном медиаполе. Данная тенденция обусловлена возрастающей сложностью для аудитории в определении надежных источников информации и оценке уровня доверия к медиасистеме в целом. В условиях существования множества источников информации и неограниченного разнообразия контента, процесс формирования картины мира современного пользователя приобретает новые особенности. В ситуации, когда читатель или зритель не в состоянии определить, достоверна ли информация в СМИ, он оценивает подачу информационного материала и частотность его появления на медиаплощадках в целом. То есть существует вероятность того, что оценка уровня доверия СМИ со стороны исследователей будет являться устаревшим подходом, поскольку потребитель СМИ будет ориентироваться не на бренд СМИ, а на количество источников и частотность упоминания в них информационного повода [Вырковский, Шамсутдинова 2024, с. 197].

В своем исследовании «Недоверие к СМИ — что стоит за этой проблемой» К. Хаяси ссылается на данные Reuters Digital News Report, отмечая, что равный уровень доверия к новостям в целом и к тем медиа, которые человек сам использует («мой медиа», «свои СМИ»), указывает на то, что японцы питают скептическое отношение к СМИ, считая, что «все медиа одинаковы», и специфического понятия для обозначения подобной категории «мой медиа» у них нет [Хаяси 2017].

В Японии по-прежнему высок уровень доверия новостной информации, размещаемой в СМИ. В 2024 г. он остался на уровне 2023 г., составив 43 % респондентов, доверяющих СМИ, и 16 % не доверяющих (в 2023 г. 42 % и 15 % соответственно). Для сравнения, максимальный уровень доверия СМИ зарегистрирован в Финляндии (69 %), а минимальный — в Греции и Венгрии (по 23 %) [Reuters Institute Digital News Report, p. 24] (рис. 4).

При анализе степени доверия СМИ в Японии в зависимости от пола респондента и от возрастной группы, к которой он или она принадлежат, выяснилось следующее. Среди тех, кто ответил «доверяю», мужчин оказалось 42 %, а женщин — 43 %. Что касается тех, кто заявил, что «не доверяет», этот показатель составил 17 % для мужчин и 16 % для женщин. Различий практически нет, и с 2017 г. данные показатели остаются стабильными (рис. 5).

С другой стороны, при рассмотрении проблематики в разрезе возрастных групп различия становятся более очевидными (рис. 6). Доверие к новостям выше у людей старше 55 лет — 50 % ответили «доверяю». Среди возрастной группы 45—54 года этот показатель составляет 39 %, среди 25—34 лет — 35 %, а среди 18—24 лет — 38 %. Особенно низкий уровень доверия наблюдается в группе 35—44 лет,

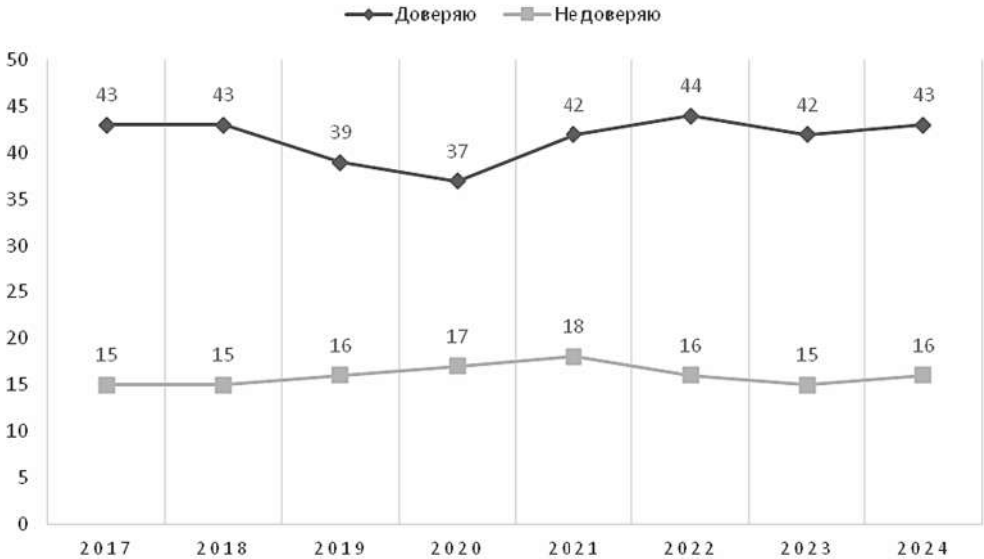

Рис 4. Уровень доверия СМИ населения Японии (2017—2024 гг.), %.

Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 6].

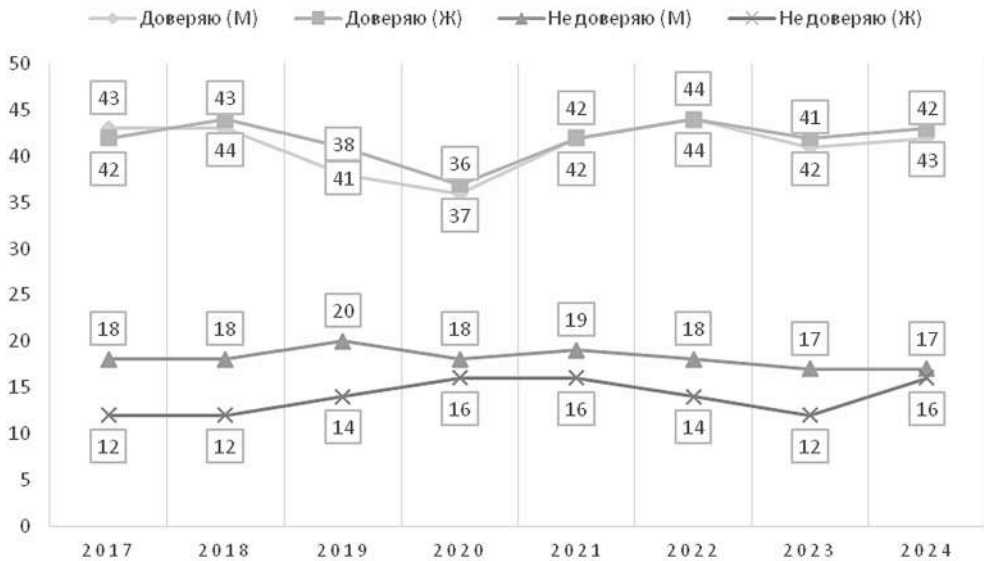
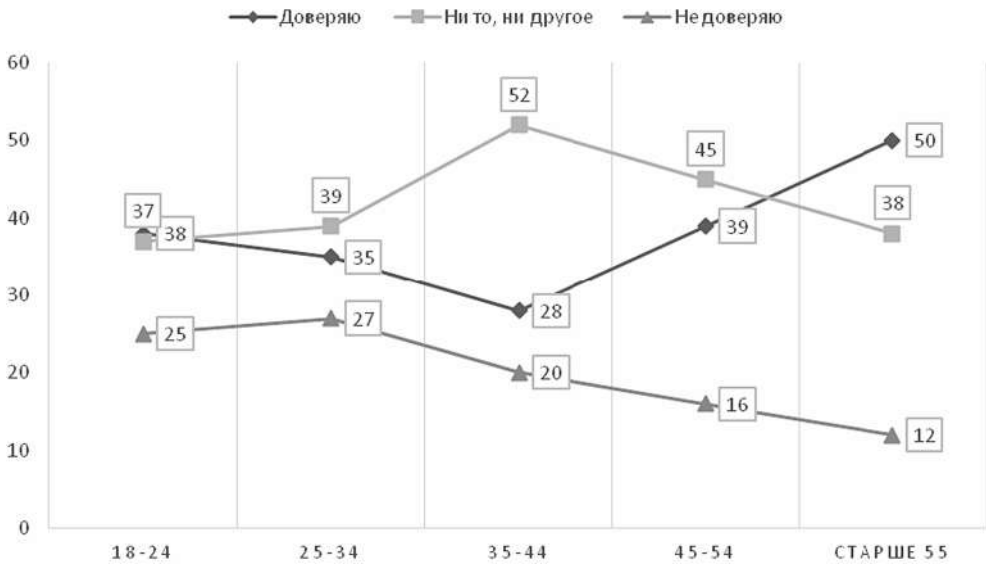

Рис. 5. Уровень доверия СМИ населения Японии в зависимости от гендера (2017—2024 гг.), %.

Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 7—8].

где лишь 28 % респондентов заявили, что они «доверяют» новостям, что ниже 30 %. В случае Японии, как и по другим вопросам, по сравнению с мировыми показателями, здесь значительно больше людей, которые затрудняются с ответом.

Рис. 6. Уровень доверия СМИ населения Японии в зависимости от возрастной группы в 2024 г., лет.

Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 7].

В возрастных группах 25—34, 35—44 и 45—54 лет количество тех, кто ответил подобным образом, превышает число тех, кто заявил «доверяю». Особенно заметна эта тенденция в группе 35—44 лет, где 52 % выбрали «ни то, ни другое»/ «не знаю», что почти в два раза превышает показатель в 28 % респондентов, выбравших «доверяю» [Saisho 2024, p. 7—8].

Анализ степени доверия СМИ в зависимости от уровня образования респондента в Японии показывает, что чем выше уровень образования, тем выше степень доверия СМИ (49 % выпускников средних и высших учебных заведений против 41 % закончивших среднюю школу и 31 % закончивших лишь 9 классов школы) (рис. 7).

С точки зрения политических симпатий, 44 % опрошенных, считающих себя сторонниками правых партий, и 46 % тех, кто выбрал позицию центристов, заявили о доверии к новостям в СМИ. Что касается приверженцев левых партий, то в этой группе 40 % отметили, что доверяют новостям. Среди тех, кто затруднился определить свою политическую позицию только 33 % заявили о доверии к новостям, при этом 50 % выбрали вариант «ни то, ни другое» (рис. 8).

Кроме того, интерес к новостям оказывает значительное влияние на уровень доверия. Так, среди тех, кто подтвердил свой интерес к новостям, 55 % доверяют им, тогда как среди тех, кто не проявляет интереса к новостям, этот показатель составляет всего 28 %, наполовину меньше (рис. 9). Данная разница значительно превышает различия, обусловленные уровнем образования или политическими предпочтениями, что указывает на то, что степень интереса к новостям сама по себе является более значимым фактором, влияющим на уровень доверия к СМИ.

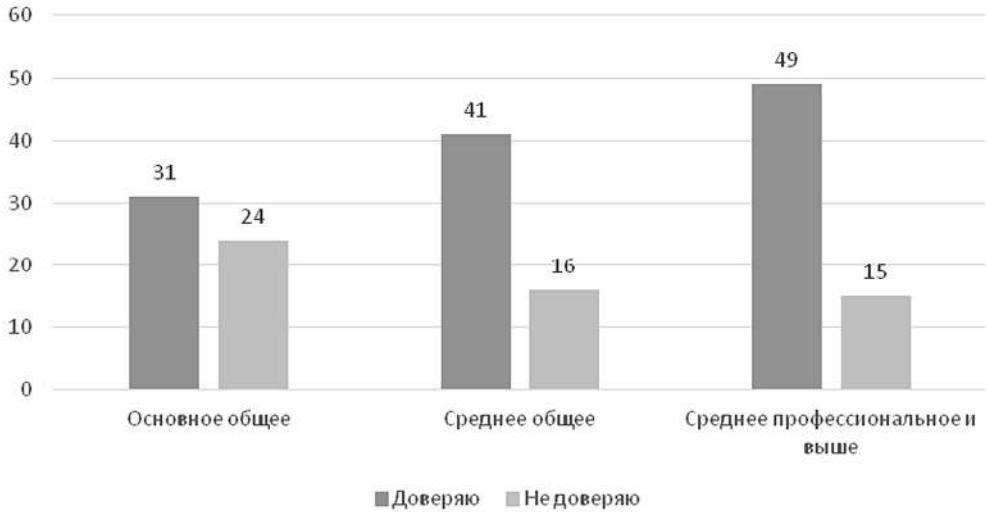

Рис. 7. Уровень доверия СМИ населения Японии в зависимости от уровня образования в 2024 г., %.

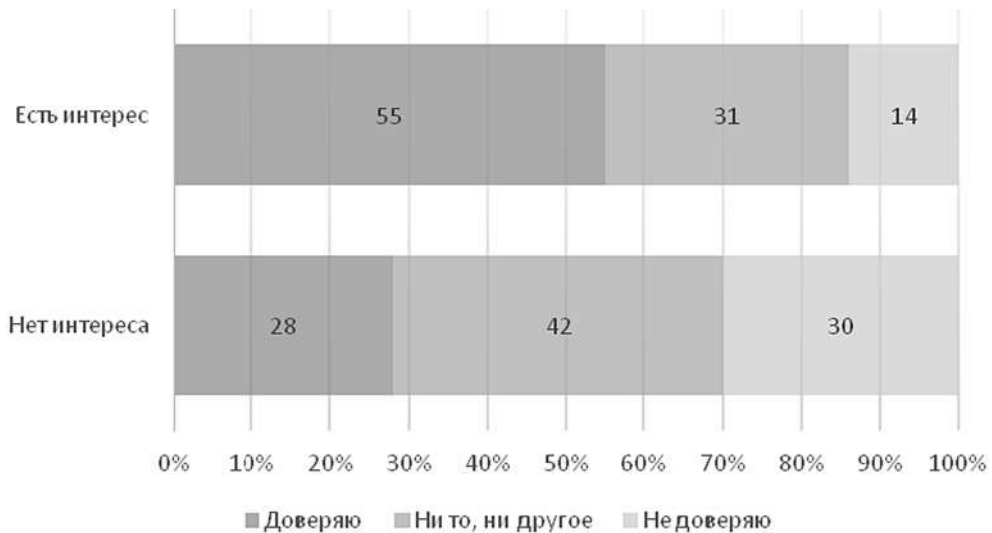
Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 8].

Рис. 8. Уровень доверия СМИ населения Японии в зависимости от политических симпатий в 2024 г., %.

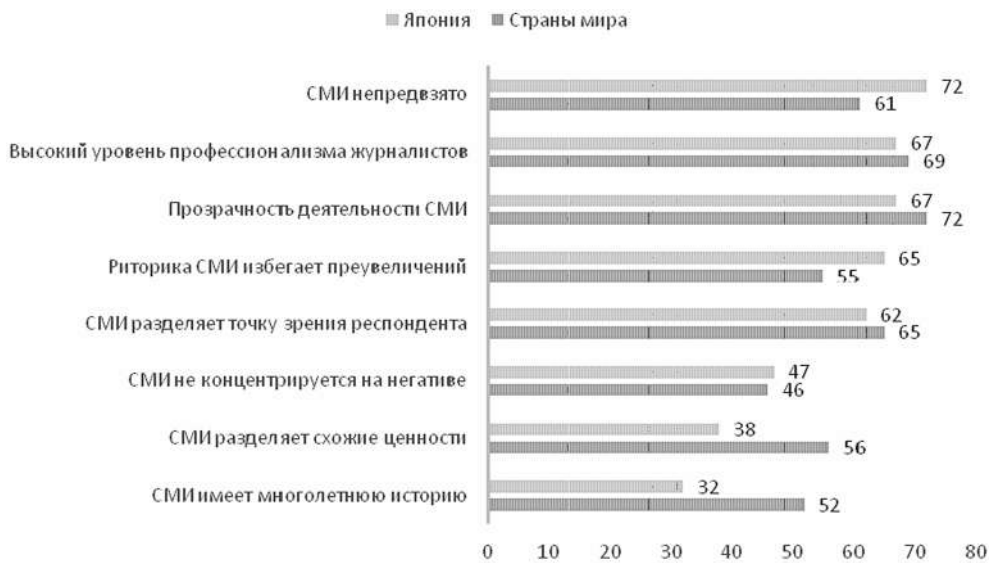
Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 8].

В Японии 72 % респондентов ответили, что «отсутствие предвзятости» является «очень/отчасти важным» (далее «важно»), за ним следуют «высокие стандарты» и «прозрачность» (по 67 %), «отсутствие преувеличений» (65 %), «представление интересов» (62 %), «не слишком негативный» (47 %), «совпадение ценностей» (38 %) и «долгая история» (32 %) (рис. 10).

Рис. 9. Уровень доверия СМИ населения Японии в зависимости от их интереса к новостям в 2024 г., %.

Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 8].

Рис. 10. Сравнительный анализ наиболее значимых факторов, побуждающих верить новостным СМИ (Япония и средний общемировой показатель), %.

Источник: составлено по [Saisho 2024, p. 9–10].

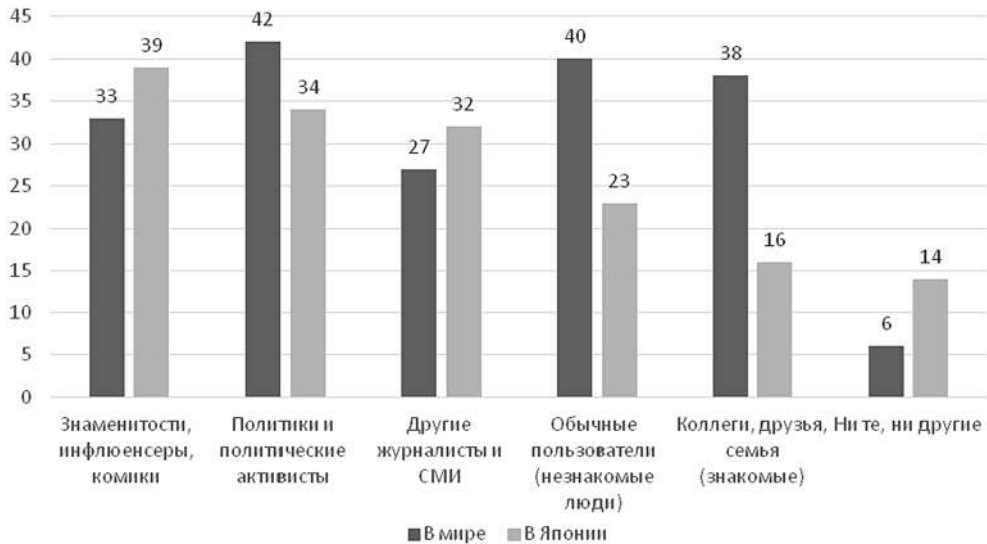
Интересным представляется выяснить, какие иные факторы оказывают влияние на доверие к СМИ и насколько факторы, характерные для японского общества, отличаются от тех, что разделяет мировое сообщество в своем отноше-

нии к СМИ. Безусловно, комплекс факторов различен в зависимости от политико-социальной ситуации и медиасистем в каждой стране. Однако все страны мира объединяет то, что на первом месте для всех стоит «прозрачность» деятельности СМИ 72 %, затем следуют «высокие стандарты» (69 %), «представление интересов» конкретной группы читателей/зрителей (65 %), «отсутствие предвзятости» (61 %), «совпадение ценностей» с аудиторией (56 %), «отсутствие преувеличений» в материалах (55 %), «долгая история» существования СМИ (52 %) и «отсутствие концентрации на негативе» (46 %). В Японии наивысшим приоритетом при определении степени доверия информации СМИ является «отсутствие предвзятости» (72 % респондентов), затем следуют «высокие стандарты журналистики» и «прозрачность» (по 67 %), «отсутствие преувеличений» (65 %), «представление интересов» конкретной группы читателей/зрителей (62 %), «отсутствие концентрации на негативе» (47 %), «совпадение ценностей» (38 %) и «долгая история» СМИ (32 %) (рис. 10) [Saisho 2024, p. 9—11].

В том, что касается критики населения в адрес журналистов, то в 2023—2024 гг. в Японии только 4 % населения часто сталкивались с этим явлением, 18 % — «довольно часто», и 44 % — «не очень часто». Эти показатели намного ниже мировых. В мире 18 % и 35 % населения «часто» и «довольно часто» имели дело с критикой СМИ и деятельности журналистов — это в сумме 53 %, более половины опрошенных, против японского показателя в 22 % — пятой части респондентов. Япония находится на 25-м месте из всех 25 стран мира, где было проведено исследование. В тройке наиболее негативно относящихся к журналистике стран лидируют Перу (71 %), Хорватия (69 %), Аргентина (66 %) [Saisho 2023b, p. 43]. Исследование также доказало, что в странах с низким уровнем доверия к СМИ демонстрируется высокий уровень критики деятельности журналистов, и что граждане с выраженными политическими взглядами (как левые, так и правые) чаще сталкиваются с критикой СМИ в повседневной жизни. В Японии 25 % тех, кто определил себя как «центрист», заявили, что «очень часто» или «довольно часто» сталкиваются с критикой журналистов, а среди сторонников либералов таких было 41 %, и среди консерваторов — 38 %. Данные факты подтверждают тезис о том, что чем более выражены политические взгляды, тем чаще граждане замечают критику СМИ [Saisho 2023b, p. 44].

Япония также значительно отличается от других стран мира в вопросах, кто и где критикует СМИ и журналистов. В Японии основным источником критики СМИ являются знаменитости, инфлюенсеры и комики (39 %), тогда как в мире наиболее активными критиками остаются политики (42 %). Кроме того, в Японии обычные пользователи (23 %) и близкое окружение респондента (16 %) реже выступают с критикой СМИ, чем в среднем по миру, где эти почти в два раза больше — 40 % незнакомых респондентам людей, и 38 % знакомых им. Это еще раз говорит о меньшей склонности японцев к обсуждению таких острых тем в сети и среди близких и друзей (рис. 11).

В Японии площадками для критики СМИ и журналистов чаще всего становятся социальные сети (44 %), как и в мире (49 %). Однако в новостных СМИ Японии эта критика, в основном в адрес СМИ-конкурентов, звучит чаще — 40 % против среднего мирового индекса в 35 %. Самые яркие различия касаются по-

Рис. 11. Источники критики СМИ: сравнение тенденций в мире и в Японии.
 Источник: составлено по [Saisho 2023b, p. 44].

вседневных разговоров — лишь 18 % японцев критикует журналистов в беседе с кем-либо (в мире вдвое больше — 36 % населения.). В Японии самая активная группа критиков СМИ — это мужчины в возрасте 18—44 лет (61—63 %), и делают они это чаще всего в социальных сетях. Наиболее лояльны к деятельности журналистов девушки в возрасте 18—24 года и женщины старше 55 лет — лишь 9 % и 11 % этих групп выступают с критикой, причем в чаще в разговоре, чем в сети [Saisho 2023b, с. 44—45].

Заключение

Современная медиасфера Японии во втором десятилетии XXI в. демонстрирует сочетание глобальных тенденций и специфических национальных особенностей. На фоне цифровизации и трансформации медиапрактик страна остается уникальным примером, где традиционные СМИ продолжают терять позиции, но новые медиа пока еще не достигли стадии их полноценной замены. Снижение популярности телевидения и печатных СМИ не сопровождается эквивалентным ростом потребления новостей через социальные сети: напротив, в стране фиксируется феномен «избегания новостей», охватывающий 17 % населения, что является одним из самых высоких показателей в мире.

Особенности медиапотребления проявляются в доминировании новостных агрегаторов и поисковых сервисов как каналов получения информации. Молодежь чаще использует социальные сети, тогда как старшие поколения предпочитают платформу YouTube. При этом наблюдается фрагментация аудитории: различные возрастные группы выбирают разные платформы, что делает невозможным унифицированный подход к распространению новостного контента.

Среди характерных особенностей японского медиаландшафта в последнее время все более проявляется важная роль «обычных пользователей» в формировании информационной повестки в социальных сетях. В то время как в других странах ключевыми лидерами мнений остаются политики или журналисты, в Японии именно частные пользователи и инфлюенсеры оказываются наиболее влиятельными.

Отличительной чертой японского медиаспространства также является вопрос доверия общества к СМИ. Несмотря на глобальное снижение доверия к традиционной журналистике, в Японии данный показатель остается относительно высоким (43 %), хотя и варьируется по возрастным группам. Старшие поколения демонстрируют более высокий уровень доверия СМИ, в то время как молодежь проявляет скептицизм и чаще занимает нейтральную позицию. Для японцев ключевыми критериями доверия являются отсутствие предвзятости, прозрачность и высокие стандарты журналистики, что совпадает с общемировыми установками, но при этом фокус чаще смещается в сторону критерия беспристрастности того или иного СМИ и аффилированных с ним журналистов.

В целом критика СМИ в японском обществе выражена слабее, чем в других странах. Если в мире наиболее активными критиками выступают политики и активисты, то в Японии — знаменитости и инфлюенсеры. Обычные пользователи реже вовлекаются в дискуссии о качестве журналистики, а обсуждения в повседневной среде менее интенсивны. Это подтверждает общее наблюдение о меньшей склонности японцев к открытой политической полемике и большей ориентации на культурные и социальные темы.

Таким образом, медиасфера Японии в XXI в. формируется под влиянием цифровизации, фрагментации аудитории и роста влияния «новых медиа», но вместе с тем сохраняет культурно обусловленные особенности: сравнительно высокий уровень доверия к СМИ, приоритет беспристрастности как ключевого критерия их оценки, значимость роли обычных пользователей в социальных сетях и относительно низкий уровень критики журналистики. Эти черты позволяют говорить о своеобразном японском пути развития медиасферы, в котором глобальные вызовы сочетаются с уникальными национальными практиками восприятия и использования информации.

Библиографический список

Бодрийяр Ж., Бурдье П., Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика. Генезис и структура бюрократического поля. Реквием по масс-медиа / под ред. Н.А. Шматко; пер. с фр. СПб.: Алетейя. 2019. 349 с.

Бодрунова С.С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2023. Т. 48. № 1. С. 87—122.

Вартанова Е.Л. О теоретической актуальности понятия «медиа-система» // *Меди@льманах*. 2018. № 4 (87). С. 8—12.

Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та. 2019. 224 с.

Вырковский А.В., Шамсутдинова Ю.Ф. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 6. С. 182—203.

Горячева Е. А. Изменение роли телевидения как инструмента внешней политики в Японии в начале XX века // *Гуманитарный вектор*. 2019. Т. 14. № 3. С. 55—63.

Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М.: Аспект Пресс, 2015. 312 с.

Дьякова Е.Г., Трахтенбург А.Д. Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза agenda-setting // *Антиномии*. 1999. № 1. С. 142—160.

Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2014. № 4. С. 85—90.

Кириллина Н.В. Фрагментация аудитории медиа: от глобальной деревни к глобальному театру // *Коммуникология*. 2022. Т. 10. № 2. С. 170—179.

Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Гиперборея; Кучково поле. 2007. 464 с.

Монастырева О.В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 50. С.56—62.

Назаров М.М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // *Социологические исследования*. 2018. № 8(412). С. 54—64.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016.

References

Baudrillard, J. et al. (2019). *Poetika i politika. Genezis i struktura byurokraticeskogo polya. Rekviet po mass-media* [Poetics and Politics. The Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. A Requiem for the Mass Media]. Saint Petersburg: Aleteiya. (In Russian).

Bodrunova, S.S. (2023). Kumulyativnaya deliberatsiya: novaya normativnost' v izuchenii publichnykh sfer onlain [Cumulative Deliberation: A New Normativity in the Study of Online Public Spheres]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 48 (1), 87—122. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122 .(In Russian).

Dyakova, E.G. & Trakhtenburg, A.D. (1999). Problemy konstruirovaniya real'nosti v protsessakh massovoi kommunikatsii: gipoteza agenda-setting [The Problem of

Constructing Reality in Mass Communication Processes: The Agenda-Setting Hypothesis]. *Antinomii*. 1, 142—160. (In Russian).

Dzyaloshinskii, I.M. (2015). *Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii* [The Modern Media Sphere in Russia]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Habermas, J. (2016). *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).

Kazakov, A.A. (2014). Freiming media-tekstov kak instrument vozdeistviya na auditoriyu: obzor rasprostranennykh traktovok [Framing in Media Stories as a Tool of Influence on the Audience: Review of Widely Spread Interpretations]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*, 4, 85—90. DOI: 10.18500/1818-9601-2014-14-4-85-90. (In Russian).

Kirillina, N.V. (2022). Fragmentatsiya auditorii media: ot global'noi derevni k global'nomu teatru [Fragmentation of Media Audience: From Global Village to Global Theater]. *Kommunikologiya*, 10 (2), 170—179. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-170-179. (In Russian).

McLuhan, M. (2007). *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo pole. (In Russian).

Monastyryova, O.V. (2010). Mediaprostranstvo: obzor predstavlenii i podkhodov k ponimaniyu [Media Space: A Review of Conceptions and Approaches to Understanding]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 50, 56—62. (In Russian).

Nazarov, M.M. (2018). Sovremennaya mediasreda: raznoobrazie i fragmentatsiya [Modern Media Landscape: Diversity and Fragmentation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8 (412), 54—64. DOI: 10.31857/S013216250000762-1. (In Russian).

Vartanova, E.L. (2018). O teoreticheskoi aktual'nosti ponyatiya “mediasistema” [On the Theoretical Relevance of the Concept of “Media System”]. *Medi@l'manah*, 4 (87), 8—12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2018.812. (In Russian).

Vartanova, E.L. (2019). *Teoriya media: otechestvennyi diskurs* [Media Theory: The Russian Discourse]. Moscow: Fak. zhurn. MGU; Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian).

Vyrkovskii, A.V. & Shamsutdinova, Yu.F. (2024). Kategoriya doveriya k massmedia v usloviyakh informatsionnoi turbulentnosti: vremya obnovlyat' kontseptsii? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 6, 182—203. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2529. (In Russian).

* * *

Andrejevic, M. (2013). *Infoglut: How Too Much Information Is Changing the Way We Think and Know*. New York: Routledge. DOI: 0.4324/9780203075319.

Entman, R.M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43, 51—58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

- Gaziano, C. & McGrath, K. (1986). Measuring the Concept of Credibility. *Journalism Quarterly*, 63, 451—462.
- Hallin, D.C. & Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge University Press.
- Hayashi, K. (2017). *Media fushin. Nani ga towarete iru no ka* [Distrust in the Media — What Are the Issues]. Tokyo: Iwanami Shinsho. (In Japanese)
- Herman, E. & Chomsky, N. (1988). *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books.
- McCombs, M.E. & Show, D.L. (1972). The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2), 176—187. DOI: 10.1086/267990.
- McQuail, D. & Deuze, M. (2020). *McQuail's Media and Communications Theory*. Sage Publications.
- Reuters Institute Digital News Report-2023. (2023). Oxford: The Reuters Institute for the Study of Journalism.
- Reuters Institute Digital News Report-2024. (2024). Oxford: The Reuters Institute for the Study of Journalism.
- Saisho, R. (2023a). Dejitaruka no naka de no nyūsu no yomarekata-1 [Features of News Information Perception in the Digitalization Era-1]. *Hōsō kenkyū to bunka*, 10, 1—31. (In Japanese).
- Saisho, R. (2023b). Dejitaruka no naka de no nyūsu no yomarekata-2. [Features of News Information Perception in the Digitalization Era-2]. *Hōsō kenkyū to bunka*, 11, 40—61. (In Japanese).
- Saisho, R. (2024). Dejitaruka no naka de no nyūsu no yomarekata 2024-1. [Features of News Information Perception in the Digitalization Era-2024-1]. *Hōsō kenkyū to bunka*, 12, 1—24. (In Japanese).
- Saisho, R. & Ikehata, Sh. (2024). Dejitaruka no naka de no nyūsu no yomarekata-3. *Hōsō kenkyū to bunka*, 4, 33—51. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 22.08.2025
Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 22 August 2025
Accepted: 26 January 2026

И.П. Лебедева

О трансформации японского общества

Аннотация. С конца 1990-х гг., в условиях экономической депрессии и усугубления ряда неблагоприятных социальных трендов (старения населения, сокращения численности молодежи, падения рождаемости) в Японии стали быстро распространяться представления о превращении японского общества среднего класса в разделенное общество, а в качестве главного доказательства такой трансформации выдвигается тезис о росте социально-экономического неравенства. В статье рассматриваются три аспекта проблемы социально-экономического неравенства: распределение доходов, социальная мобильность, роль образования как главного фактора социальной мобильности.

Анализ статистических данных (динамики коэффициента Джини по эквивалентному располагаемому доходу, сдвигов в структуре домохозяйств по отношению их доходов к медианному) не подтверждает тезис о росте экономического неравенства в стране в последние десятилетия.

Сдвиги в структуре занятости населения, произошедшие за последние три с лишним десятилетия, свидетельствуют о том, что миллионы японцев смогли передвинуться на более высокие ступени социальной лестницы с точки зрения престижности профессии. Это подтверждает и сохранение высоких показателей абсолютной мобильности. Что же касается усиления неравенства шансов на такое продвижение выходцев из разных социальных слоев (т. е. относительной мобильности), то этот тезис опровергают результаты расчетов профессора Токийского университета Х. Исида, который показал, что на протяжении всего послевоенного периода сила связи между классовыми корнями японцев и достигнутым ими социальным положением оставалась неизменной.

Хотя японская система образования, по сути, еще со школьной скамьи распределяет японцев по разным этажам социальной пирамиды, и одним из главных факторов, влияющих на это распределение, является социально-экономическое положение семьи, расчеты японских ученых показали, что не произошло нарастания неравенства в плане соотношения шансов на получение высшего образования молодыми японцами, принадлежащими к разным социальным слоям.

Таким образом, тезис о превращении японского общества из бесклассового *со:тю:рю: сякай* в разделенное *какуса сякай* не имеет под собой строгих научных оснований. Во-первых, оно и прежде было классовым, разделенным обществом. Во-вторых, ни в плане распределения доходов, ни с точки зрения социальной мобильности, ни в плане возможностей получения высшего образования выходцами из разных социальных групп не произошло нарастания неравенства. Но в то же время с точки зрения уровня благосостояния японских семей, равномерности распределения доходов, тяготения людей к общей системе ценностей японское общество уже к началу 1970-х г. превратилось в *со:тю:рю: сякай* и остается таковым и по сей день. Это подтверждают и результаты ежегодных опросов Канцелярии премьер-министра, согласно которым на протяжении уже более полувека порядка 90 % японцев по уровню жизни относят себя к среднему классу.

Ключевые слова: общество среднего класса, разделенное общество, абсолютная и относительная мобильность, распределение доходов, доступ к образованию.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 103031, Москва, Рождественка 12.
ORCID: 0000-0003-0273-2689. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедева И.П. О трансформации японского общества // Японские исследования. 2026. № 1. С. 107—126.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-107-126.

I.P. Lebedeva

About the transformation of Japanese society

Abstract. Since the late 1990s, under conditions of economic depression and the aggravation of a number of unfavorable social trends (population aging, shrinking of youth population, and declining birth rates), there has been a rapid spread of the idea that Japanese middle-class society is transforming into a gap society, with the main evidence of this transformation being the growing socioeconomic inequality. The article examines three aspects of the problem of socioeconomic inequality: income distribution, social mobility, and the role of education as a key factor of social mobility.

The analysis of statistical data (the dynamics of the Gini coefficient for equivalent disposable income and shifts in the structure of households by the ratio of their income to the median) does not confirm the thesis of increased economic inequality in the country in recent decades. Shifts in the population's employment structure have shown that, over the past 30 years, millions of Japanese have been able to move up the social ladder in terms of the prestige of their profession. This is also confirmed by the high rates of absolute social mobility. As for the growing inequality in the chances of such advancement for people from different social strata (i.e., relative mobility), this thesis is refuted by the calculations of Professor H. Ishida from the University of Tokyo, who showed that, throughout the post-war period, the strength of the connection between the class background of Japanese people and their achieved social status remained unchanged. Although the Japanese education system distributes Japanese to different levels of the social pyramid from the time they are in school, and one of the main factors influencing this distribution is the socioeconomic status of the family, Japanese researchers have found that there has not been an increase in inequality in terms of the chances of young Japanese from different social backgrounds to receive higher education.

Thus, the thesis that Japanese society has transformed from a classless society of middle class, *sōchūryū shakai*, to a gap society, *kakusa shakai*, lacks a solid scientific foundation. Firstly, it was a class-based, gap society before. Secondly, there has been no increase in inequality in terms of income distribution, social mobility, or access to higher education for people from different social groups. But, in terms of the well-being of Japanese families, the distribution of income, and people's adherence to a shared value system, Japanese society had already become a *sōchūryū shakai* by the early 1970s and remains so to this day. This is confirmed by the results of annual surveys conducted by the Prime Minister's Office, which show that, for over half a century, approximately 90 % of Japanese people have considered themselves to be middle class by their standard of living.

Keywords: middle-class society, gap society, absolute and relative mobility, income distribution, access to higher education.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: Russia, 103031 Moscow, Rozhdestvenka Street, 12). ORCID: 0000-0003-0273-2689.
Email: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Lebedeva, I.P. (2026). O transformatsii yaponskogo obshchestva [About the transformation of Japanese society]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 107—126. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-107-126.

Введение

С конца 1990-х гг. японские социологи и экономисты стали все чаще обращаться к вопросу о характере происходящих в обществе изменений. При этом широкое распространение получила точка зрения, согласно которой результатом этих изменений стала радикальная трансформация японского общества, а именно его превращение из общества среднего класса (*со:тю:рю: сякай*) в разделенное общество (*какуса сякай*). Зародившись в научной среде, эти представления через средства массовой информации распространились и среди населения и стали превалировать в массовом сознании японцев, которые прежде, на протяжении нескольких десятилетий, гордились тем, что в их стране построено эгалитарное общество среднего класса.

Распространению тезиса о превращении японского общества в *какуса сякай* способствовали и все те непростые социально-экономические проблемы, с которыми сталкивалась и продолжает сталкиваться Япония на протяжении трех последних десятилетий. К проблемам, связанным с экономическим застоём первых двух депрессивных десятилетий, добавились потрясения, вызванные сильным землетрясением на северо-востоке страны в марте 2011 г., что привело к закрытию на долгие годы всех атомных электростанций и потребовало огромных расходов на ликвидацию его последствий. Пандемия COVID-19, а в самые последние годы — рост цен на энергоресурсы и проблема обеспечения надежности производственных цепочек вследствие резкого обострения геополитической ситуации поставили экономику перед новыми вызовами. На фоне разного рода экономических неурядиц продолжали усугубляться неблагоприятные демографические тренды, главными из которых являются старение населения, абсолютное сокращение численности молодежи, падение рождаемости.

Главным направлением трансформации японского общества, его превращения из общества среднего класса в разделенное общество сторонники этого тезиса считают углубление социально-экономического неравенства. Поэтому с целью подтвердить или опровергнуть этот тезис в данной статье будут рассмотрены наиболее важные аспекты проблемы социально-экономического неравенства.

В этой связи, прежде всего, следует отметить, что за последние два-три десятилетия социальный состав японского общества заметно изменился. Основным фактором, приведшим к этим изменениям, стали сдвиги, происшедшие на рынке труда — рост числа и доли непостоянных работников, расширение участия женщин в экономике, диверсификация форм занятости, повышение экономиче-

ской активности пожилых граждан, не говоря уже о появлении десятков новых профессий. Одновременно происходила все большая диверсификация жизненных стилей и предпочтений японцев, появились прежде неизвестные, «нестандартные» с точки зрения образа жизни социальные группы, причем не только в молодежной среде, но и среди взрослого населения. В результате разделительных линий в японском обществе стало больше, его социальный состав стал гораздо сложнее и разнообразней. Но привели ли эти изменения к углублению социально-экономического неравенства?

Распределение доходов

Для ответа на этот вопрос обратимся вначале к проблеме экономического неравенства, т. е. проблеме распределения доходов. Основным показателем, измеряющим расслоение населения по доходам, как известно, является коэффициент Джини. Он рассчитывается по доходам домохозяйств и показывает, в какой степени реальное распределение доходов отличается от абсолютно равного их распределения, варьируясь в диапазоне от 0 до 1 (чем он выше, тем выше и расслоение). С учетом значительных изменений в структуре домохозяйств (прежде всего, резкого роста долей домохозяйств пожилых граждан и одиноких молодых людей обоих полов, чьи доходы по очевидным причинам ниже, чем доходы прочих типов семей), приведем динамику коэффициента Джини по эквивалентному доходу, т. е. рассчитанному с учетом их численного состава (табл. 1).

Таблица 1. Динамика коэффициента Джини по эквивалентному доходу

Годы	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014	2017	2021
Первичные доходы	0,3764	0,4075	0,4194	0,4354	0,4539	0,4703	0,4822	0,4795	0,4911
Доходы после перераспределения	0,3096	0,3326	0,3217	0,3225	0,3192	0,3162	0,3083	0,3119	0,3144
Степень изменения коэффициента, %	17,7	18,4	23,3	25,9	29,7	32,8	36,1	35,0	36,0

Источник: Shyotoku saibumpai chyo:sa ho:kokushyo Heisei 20 nen (Survey on Income Redistribution 2008), table 8 // MHLW. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/houdou/2r9852000000nmrn-att/2r9852000000nmvb.pdf> (дата обращения: 20.10.2025); Reiwa 3 nen, table 9 // MHLW <https://www.mhlw.go.jp/content/12605000/R03hou.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

* Эквивалентный доход рассчитывается путем деления дохода домохозяйства на квадратный корень из числа его членов.

Как показывают эти данные, хотя расслоение населения по первичным доходам на протяжении рассматриваемого периода заметно усилилось, по доходам после перераспределения разрыв практически не возрастает, а по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х гг. он даже несколько сократился.

Удержание коэффициента Джини на уровне, считающемся вполне умеренным, стоит государству немалых и все возрастающих усилий, о чем свидетельствует резкое повышение степени изменения коэффициента. Как показывают

приведенные данные, в последние годы через систему социального обеспечения и налогообложения государство перераспределяло более 1/3 доходов населения, изымая часть доходов наиболее обеспеченных слоев и направляя их на поддержку наименее обеспеченных граждан. Об абсолютных размерах «потерь» и «приобретений» групп населения с разным уровнем дохода можно судить по данным табл. 2 (2021 г.).

Таблица 2. Перераспределение доходов между домохозяйствами с разным уровнем дохода (млн иен)

Годовой доход домохозяйств	Доход до перераспределения	Доход после перераспределения	Размеры «приобретений» (+) и «потерь» (-)
Менее 0,5	0,129	2,148	+2,019
От 0,5 до 1,0	0,745	2,227	+1,482
От 1,0 до 1,5	1,250	2,613	+1,363
От 2,0 до 2,5	2,232	2,830	+0,598
От 3,0 до 3,5	3,258	3,446	+0,188
От 3,5 до 4,0	3,723	3,900	+0,177
От 4,0 до 4,5	4,277	4,035	- 0,242
От 4,5 до 5,0	4,733	4,258	- 0,475
От 5,0 до 5,5	5,243	4,543	- 0,700
От 6,0 до 6,5	6,224	5,350	- 0,874
От 7,0 до 7,5	7,201	6,071	- 1,130
От 7,5 до 8,0	7,688	6,121	- 1,567
Свыше 8,0	12,695	9,505	- 3,190

Источник: Reiwa 3 nen Shyotoku saibumpai chyo:sa ho:kokushyo (Survey on Income Redistribution 2021), table 10 // MHLW. URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/12605000/R03hou.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

* По эквивалентному доходу.

Благодаря перераспределению доходов «усредняется» и сама структура японских домохозяйств. Так, по данным за 2021 г. в общем числе домохозяйств доля слоя с самыми низкими доходами (до 500 тыс. иен в год) снижается с 20,6 % по первичным доходам до 0,7 % по доходам после перераспределения, доля семей с низкими доходами (от 500 тыс. иен до 1,5 млн иен) сокращается с 14,7 % до 10,8 %, а доля самых богатых семей (с доходом свыше 8,0 млн иен) — соответственно с 5,4 % до 4,0 %. При этом доля всех остальных домохозяйств, которые условно можно отнести к «среднякам», возрастает с 59,3 % до 84,5 %¹.

Примечательно, что последняя цифра совпадает с долей японцев, которые при ответе на вопрос «Как вы оцениваете уровень жизни своей семьи на общем

¹ Reiwa 3 nen Shyotoku saibumpai chyo:sa ho:kokushyo (Survey on Income Redistribution 2021), diagram 7// MHLW URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/12605000/R03hou.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

фоне?» выбирают вариант «средний». Как показывают приводимые ниже данные (табл. 3), на протяжении шестидесяти лет, с середины 1960-х гг. и по настоящее время, порядка 90 % японцев по уровню жизни относят себя к среднему классу (при некоторых колебаниях в составе самих «средняков»).

Таблица 3. Структура ответов японцев на вопрос об уровне жизни (%)

Годы	Оценки японцами уровня жизни своих семей на общем фоне						
	Высокий	Средний (высокий)	Средний (средний)	Средний (низкий)	Низкий	Не знаю	Доля среднего класса
1964	0,5	6,6	50,2	30,3	8,5	3,9	87,1
1974	0,5	6,8	57,9	26,0	5,3	3,5	90,7
1984	0,5	7,9	54,6	27,1	6,6	3,3	89,6
1994	0,7	10,3	54,7	24,8	6,4	3,1	89,8
2004	1,1	11,6	54,1	26,3	6,0	0,9	92,0
2014	1,2	12,4	56,6	24,1	4,6	1,1	93,1
2019	1,3	12,8	57,7	22,3	4,2	1,7	92,8
2021	1,2	13,3	48,7	27,1	8,2	1,5	89,1
2022	1,8	13,9	48,9	26,2	7,2	2,0	89,0
2023	1,7	14,7	46,3	25,5	8,1	3,7	86,5
2024	1,7	14,2	46,7	28,1	8,7	0,6	89,0

Источник: Kokumin seikatsu — ni kansuru seron chyo:sa Reiwa 4 nen (Public Opinion Survey on the Life of the People 2022), p. 48—51 // Cabinet Office. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-life/gairyaku.pdf> (дата обращения: 14.05.2023); Reiwa 7 nen (2025), p. 17. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/202509/r07/r07-life/gairyaku.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

В социальной статистике для измерения сдвигов в социальной структуре используется также такой показатель, как медианный доход. Он делит домохозяйства на две половины: у одной половины доходы выше медианного, у другой — ниже. Согласно принятым критериям, к среднему классу относятся домохозяйства, чей располагаемый эквивалентный доход составляет от 75 % до 200 % от медианного дохода. Те, чей доход составляет менее 50 % от медианного, формируют слой бедных людей, те, чей доход находится в пределах 50—75 % от медианного, относятся к низшему слою, примыкающему к среднему классу, а те, у кого он превышает 200 % от уровня медианного дохода, входят в слой наиболее обеспеченных граждан.

По расчетам японских ученых Т. Синодзаки и Ё. Такахаси, в первые два десятилетия текущего столетия соотношение между этими группами было следующим (табл. 4).

Хотя эти данные несколько отличаются от оценок уровня своего материального благополучия самими японцами, они показывают, что в условиях депрессии и разного рода кризисов, через которые проходила японская экономика в

Таблица 4. Структура домохозяйств по отношению их располагаемого эквивалентного дохода к медианному (%)

Границы дохода группы	2000 г.	2018 г.
Менее 50 % от медианного дохода (бедные)	15,3	15,4
50—75 % от медианного дохода (низшая группа, примыкающая к среднему классу)	16,6	16,1
75—200 % от медианного дохода (средний класс), в том числе:	57,9	58,1
75—125 % от медианного дохода	32,9	32,9
75—150 % от медианного дохода	44,7	44,7
75—167 % от медианного дохода	50,4	50,6
свыше 200 % от медианного дохода (богатые)	10,2	10,3

Источник: [Shinozaki T., Takahashi Yo., p. 8].

первые два десятилетия XXI в., социальная структура японского общества оставалась удивительно стабильной не только по соотношению между группами с разным уровнем дохода, но и внутри самого среднего класса.

Таким образом, как статистические данные (динамика коэффициента Джини, структура домохозяйств по отношению их дохода к медианному), так и субъективные оценки самими гражданами своего материального положения не подтверждают тезис о росте экономического неравенства в стране в последние десятилетия.

Социальная мобильность

Что касается усиления социального неравенства, о котором также говорят сторонники тезиса о превращении японского общества в *какуса сьякай*, то для уяснения положения дел в этой области следует, прежде всего, обратиться к проблеме социальной мобильности. А именно, рассмотреть вопрос о том, насколько изменилась ситуация в Японии в плане возможностей для выходцев из более низких страт преодолеть перегородки, делящие общество на классы и слои, и продвигнуться вверх по социальной лестнице.

В современной социологии положение человека в социальной структуре, т. е. его классовая принадлежность, определяется, прежде всего, престижностью профессии, с которой сопряжены и уровень его дохода, и уровень образования, и круг общения, и сфера интересов и т. д.

Для определения сдвигов в классовой структуре общества социологи используют два показателя: абсолютную и относительную мобильность. Абсолютная мобильность отражает доли людей из соответствующих классов, изменивших свои классовые позиции, передвинувшихся вверх или вниз по социальной лестнице. Что же касается относительной мобильности, то этот показатель отражает различия в возможностях передвижения по социальной лестнице людей из разных социальных слоев, т. е. измеряет силу (степень) влияния социальных корней на эти возможности. По показателю относительной мобильности, рассчитанно-

му для достаточно длительного периода, можно судить о том, как изменилась социальная система, стала ли она более открытой или, напротив, более жесткой, усилилось ли или ослабло влияние социальных барьеров (классовых корней) на судьбы людей.

Как известно, в ходе послевоенного развития миллионы японцев смогли оторваться от своих социальных корней и передвинуться на более высокие ступени социальной лестницы. В общих чертах о масштабах и характере этого процесса можно судить по сдвигам в профессиональном составе занятых в экономике. О том, как развивался этот процесс в последние три с лишним десятилетия дают представление приводимые ниже данные¹.

Численность лиц соответствующих профессий (тыс. человек)

	1990 г.	2023 г.	Прирост/снижение
Специалисты, профессионалы	6900	12 860	5960
Управленцы, администраторы	2390	1230	-1160
Офисные работники	11 570	14 060	2490
Работники торговли	9400	8110	-1290
Работники сферы услуг	5350	8350	3000
Занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве	4480	1940	-2540
Работники транспорта и связи	2330	2180	-150
Строительные рабочие	17 050*	2770	-5500*
Производственные рабочие	—	8780	—
Вспомогательные рабочие	2740	4870	2130
Всего	62 210	67 470	5260

* Суммарный показатель по строительным и производственным рабочим.

Как показывают эти данные, главным направлением сдвигов в профессиональной структуре занятых стал резкий рост числа лиц, владеющих наиболее престижными с точки зрения социального статуса профессиями. Прежде всего, следует отметить почти двукратное увеличение — с 6,9 млн до 12,3 млн человек — числа лиц, относящихся к высшей категории — «специалисты, профессионалы», в которую входят профессора, врачи, ученые, программисты, инженеры, адвокаты и т. д. Правда, обращает на себя внимание сокращение более чем на 1 млн человек следующей по престижности группы — «управленцы, администраторы». Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что это стало следствием рационализации управления японских компаний (на которую их вынудила пойти непростая экономическая ситуация «потерянных десятилетий»), закрытия сотен мелких и средних фирм, выноса производства за рубеж и т. д. В то же время почти на

¹ Nihon to:kei nenkan (Japan Statistical Yearbook). 2011, table 16-4; 2022, table 19-3 // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html> (дата обращения: 15.07.2022); 2025, table 19-3. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/74nenkan/1431-19.html> (дата обращения: 25.10.2025).

2,5 млн увеличилась численность офисных работников — до 14,1 млн человек, — и сейчас они представляют самый многочисленный слой работников нефизического труда. Если прежде эти должности занимали и лица с 12-летним образованием, то в последние годы их заполняли в основном мужчины и женщины с высшим образованием. Причем в соответствии с японской практикой управления трудом немалая их часть, в первую очередь мужчины, со временем переводится на места специалистов или управленцев, приобретая более высокий социальный статус. В целом же на эти три категории сейчас приходится почти 44 % от общего числа занятых (в 1990 г. — 1/3), а их общая численность увеличилась на 7,3 млн человек (с 20,9 млн в 1990 г. до 28,2 млн в 2023 г.).

Если добавить к этому две другие категории — работников торговли и сферы услуг, то окажется, что за рассматриваемый период существенно изменилось соотношение между численностью лиц, занятых физическим и нефизическим трудом. Если в 1990 г. на долю первых приходилось 43 %, а вторых — 57 %, то в 2023 г. — соответственно 30,8 % и 69,2 %. При этом произошло не только относительное, но и абсолютное сужение сферы применения физического труда в японской экономике. Так, общая численность работников, занятых физическим трудом, сократилась с 26,6 млн в 1990 г. до 19,9 млн в 2023 г., т. е. почти на 7 млн человек.

Иными словами, сдвиги в профессиональной структуре занятых показывают, что в последние три десятилетия в Японии существовали объективные условия для передвижения выходцев из более низких социальных страт в более высокие, и, судя по масштабам этих сдвигов, многие молодые люди воспользовались этими шансами. Но вопрос заключается в том, в какой степени социальные корни способствовали или, наоборот, препятствовали реализации этих возможностей, и как обстояли дела в стратах, размещенных на разных ступенях социальной лестницы. Ответ на этот вопрос позволит составить более точное представление о том, стали ли перегородки между стратами более жесткими, усложнились ли процессы социальной мобильности, или, иными словами, усилилось ли социальное неравенство.

С этой целью мы воспользуемся результатами расчетов показателей абсолютной и относительной социальной мобильности, сделанных профессором Токийского университета Х. Исида на основе материалов семи обследований The Japanese Social Structure and Social Mobility Survey, проведенных в период 1955—2015 гг. Этот опрос проводится раз в десять лет и является наиболее масштабным и репрезентативным источником информации о сдвигах в социальной структуре страны.

Для упрощения задачи профессор Исида, основываясь на общепринятой схеме социальной стратификации, объединил респондентов обследования в 6 групп (6 классов):

- профессионалы и управленцы;
- обычные работники нефизического труда;
- городская мелкая буржуазия;
- фермеры;
- квалифицированные рабочие;
- неквалифицированные рабочие.

В качестве критериев для определения классовой принадлежности профессор Исида использовал четыре индикатора: род занятий (профессия), форма занятости, управленческий статус, размер фирмы. Респондентами стали мужчины и женщины в возрасте от 25 до 64 лет, т. е. лица, уже завершившие образование.

По каждому году обследования профессор Исида рассчитал показатели, отражающие положение респондентов в классовой структуре на момент обследования и их позиции в соответствии с социальными корнями (т. е. в соответствии с положением, которое занимали в социальной структуре их отцы). Поскольку жизненные пути японок и японцев довольно сильно различаются, расчеты были сделаны отдельно для женщин и мужчин. Вот каковы результаты расчетов по респондентам-мужчинам (табл. 5).

Таблица 5. Распределение респондентов-мужчин в соответствии с классовыми корнями и достигнутым на момент обследования положением (%)

	1955	1960	1975	1985	1995	2005	2015
	Классовые корни						
Профессионалы, управленцы	7,2	10,9	13,7	16,5	20,3	20,7	25,5
Обычные работники нефизического труда	3,9	4,1	5,1	5,8	5,2	8,6	9,6
Городская мелкая буржуазия	22,9	25,0	25,5	27,0	27,1	26,2	23,7
Фермеры	58,5	49,8	46,1	35,4	28,8	22,4	13,4
Квалифицированные рабочие	2,6	6,4	5,1	9,0	10,9	12,6	15,0
Неквалифицированные рабочие	4,9	3,8	4,5	6,3	7,6	9,6	12,9
	Достигнутое положение						
Профессионалы, управленцы	10,2	18,9	22,8	29,1	36,7	35,8	39,5
Обычные работники нефизического труда	12,4	13,3	13,2	12,5	9,9	12,5	12,1
Городская мелкая буржуазия	20,2	19,3	19,0	19,8	19,8	15,4	11,6
Фермеры	40,4	21,4	15,5	6,6	4,8	4,7	3,5
Квалифицированные рабочие	8,0	15,6	17,4	19,2	17,7	18,0	19,1
Неквалифицированные рабочие	8,8	11,5	12,1	12,8	11,0	13,5	14,4
	Показатели абсолютной мобильности						
Индекс несовпадений	20,8	34,0	37,2	36,0	31,3	28,5	22,0
Абсолютная мобильность	48,1	62,5	67,1	69,3	68,8	68,8	68,4
Передвижение вверх А	25,0	34,2	37,0	39,8	41,1	38,7	35,6
Передвижение вниз В	7,1	9,3	10,4	11,6	11,8	14,5	17,2
Отношение А к В	3,53	3,68	3,56	3,45	3,47	2,66	2,07

Источник: [Ishida H., p. 13—14].

Абсолютная мобильность отражает общую долю людей, которые «пересекли» классовые позиции к моменту обследования. «Передвижение вверх» отражает долю людей, которые улучшили свое классовое положение, т. е. поднялись вверх по социальной лестнице. Соответственно, «передвижение вниз» измеряет долю людей, чьи позиции в классовой структуре ухудшились к моменту обследования

по сравнению с позициями, которые они занимали в соответствии со своими классовыми корнями. А «индекс несоответствия» (dissimilarity index) показывает степень различий между распределением респондентов в соответствии с их классовыми корнями и их распределением в соответствии с достигнутым к моменту обследования положением.

Комментируя данные табл. 5, прежде всего, следует отметить, что для всего послевоенного периода были характерны очень высокие показатели абсолютной мобильности японских мужчин. «Взметнувшись» в первые послевоенные десятилетия в результате ускоренной индустриализации до уровня 67 %, показатели абсолютной мобильности продолжали оставаться на этом уровне (68—69 %) и на протяжении первых полутора десятилетий текущего столетия. При этом сама классовая структура в целом менялась в направлениях, соответствующих сдвигам в профессиональной структуре занятых, о которых говорилось выше.

Как отмечалось, по индексу несоответствия классовых корней респондентов и достигнутого ими положения можно судить об интенсивности процесса абсолютной мобильности. У мужчин эти индексы достигли наиболее высоких значений (34,0—37,2 %) в период высоких темпов роста второй половины 1950-х — 1960-е гг., т. е. в период ускоренной индустриализации, и сохранялись на достаточно высоком уровне (36,0 %) и в период стабильных темпов роста второй половины 1970-х — 1980-е гг. — годы глубокой структурной перестройки японской экономики, возникновения новых сфер деятельности и новых профессий. В последующие годы этот показатель начал снижаться, опустившись до 22,0 % в 2015 г. Это означает, что возросла степень совпадения классовых корней отцов и сыновей, произошла определенная стабилизация классовой структуры, что может говорить о достижении ею стадии зрелости.

Поскольку передвижение людей по социальным ступеням происходит и вверх, и вниз, важно определить, какое направление является преобладающим. Для этих целей профессор Исида рассчитал и сопоставил доли японцев, передвинувшихся вверх и вниз по социальной лестнице. Как показывают данные табл. 5, генеральным направлением перемещений японских мужчин являлось движение вверх, т. е. улучшение классовых позиций. Однако после 1995 г. это направление несколько ослабло, а передвижение вниз, напротив, заметно усилилось. В результате изменилось и соотношение между долями тех, кто улучшил свои классовые позиции, и теми, кто их ухудшил: если в 1955—1995 гг. оно составляло 3,5—3,6, то к 2015 г. опустилось до 2,07. Эти изменения отражают непростую экономическую ситуацию, сложившуюся в эти годы.

Конечно, большой исследовательский интерес представляет вопрос о возможности вхождения в высшую страту — профессионалов и управленцев, которая вплоть до последнего времени оставалась преимущественно вотчиной мужчин. Как видно из таблицы, как прежде, так и сейчас она пополняется не только выходцами из самой этой страты, но и «мигрантами» из более низких социальных слоев. Нетрудно подсчитать, что даже в последние годы, отмеченные определенной стабилизацией классовой структуры, более 1/3 мужчин, входящих в эту страту, по своим классовым корням относились к более низким социальным слоям.

Что касается женщин, то их стали включать в The Japanese Social Structure and Social Mobility Survey только с 1985 г. Поскольку в последующие годы участие женщин в экономике быстро расширилось, на рынок труда вышли миллионы вчерашних домохозяек, повысилась доля японок, получивших высшее образование и стремящихся сделать карьеру, показатели абсолютной мобильности для женщин оказались даже выше, чем мужские показатели, о чем можно судить по приводимым ниже данным (табл. 6).

Таблица 6. Показатели абсолютной мобильности респондентов-женщин (%)

Годы	1985	1995	2005	2015
Индекс несовпадений	45,7	43,1	39,0	34,4
Абсолютная мобильность	78,5	79,8	78,8	78,5
Передвижение вверх А	26,7	29,7	29,3	31,3
Передвижение вниз В	20,3	21,7	21,7	26,3
Отношение А к В	1,32	1,37.	1,35.	1,19

Источник: [Ishida H., p. 13—14].

Индекс несовпадений классовых корней и достигнутого положения у женщин также превышает мужской показатель, хотя и постепенно снижается. Это объясняется не только ростом экономической активности женщин и повышением уровня их образования и статуса, но и тем, что поскольку классовые корни определяются позицией отца, существуют профессии, где женский труд не применяется, а, следовательно, вероятность совпадения профессий отцов и дочерей меньше, чем в случае с сыновьями. Что касается направлений перемещения женщин по социальной лестнице, то оба показателя — и передвижение вверх, и передвижение вниз — демонстрируют тенденцию к росту, отражая, с одной стороны, факт расширения их участия в экономике, а с другой — те трудности, с которыми они сталкиваются на рынке труда. В целом же шансы на улучшение классовых позиций выпадают женщинам реже, чем мужчинам, а шансы на движение вниз, напротив, гораздо чаще: здесь соотношение между долями тех, кто улучшил свои классовые позиции, и теми, кто их ухудшил, лишь немногим превышает 1 (1,3—1,1).

Таким образом, как показывают расчеты профессора Исида, в ходе послевоенного развития, отмеченного возникновением множества новых сфер деятельности и профессий, масштабной миграцией населения из провинции в крупные города, а в последние десятилетия — массовым выходом на рынок труда японских женщин и диверсификацией форм занятости, миллионы японцев изменили классовые позиции, которые они занимали в соответствии с классовыми корнями. И хотя далеко не все из них смогли продвинуться вверх по социальной лестнице (особенно женщины), преобладающим направлением этих перемещений было движение вверх. Но означает ли это, что в ходе послевоенного развития японское общество стало более открытым и справедливым, что степень влияния социальных корней на жизненный путь человека ослабла?

Как отмечалось выше, для ответа на этот вопрос социологи используют показатель относительной социальной мобильности, измеряющий степень или силу связи между классовой позицией по рождению и достигнутым классовым положением. Используя в качестве статистической базы результаты своих расчетов распределения респондентов в соответствии с их классовыми корнями и достигнутым положением, а в качестве инструмента анализа — формулы теории вероятности, профессор Исида определил, какая из описываемых этими формулами гипотез имеет наибольшую степень достоверности. Первая формула соответствовала предположению, что не существует никакой связи между классовым положением по происхождению и достигнутым классовым положением. Вторая формула соответствовала предположению, что, хотя классовая структура по происхождению и по достигнутому положению менялись от года к году, сила связи между классом по происхождению и классом по достигнутому положению оставалась одинаковой на протяжении всего периода. Третья формула соответствовала предположению, что сила связи между классом по происхождению и достигнутой классовой позицией менялась с течением времени, либо усиливаясь, либо ослабевая.

Расчеты профессора Исида показали, что наиболее достоверной является вторая формула, соответствующая предположению о том, что на протяжении всего послевоенного периода сила связи между классовыми корнями и достигнутым социальным положением оставалась неизменной. Причем это предположение оказалось верным и в отношении мужчин, и в отношении женщин.

Основываясь на этих результатах, профессор Исида делает следующий вывод: «Социальная мобильность в послевоенной Японии представляет собой сочетание быстро меняющихся показателей абсолютной мобильности (особенно в период высоких темпов экономического роста) и удивительно стабильных показателей относительной мобильности. Хотя классовая структура заметно изменилась, классовые корни продолжают влиять на достигнутое социальное положение в той же степени, что и прежде» [Ishida H., p. 30].

Это означает, что тезис о радикальном изменении характера японского общества в плане нарастания социального неравенства не имеет под собой строгих научных оснований. С точки зрения шансов на жизненный успех выходцев из разных социальных слоев японское общество не изменило своей природы: оно было и продолжает оставаться *какуса сякай*, или классовым обществом, в котором — **в той же степени, что и прежде** — на жизненный путь человека влияют «обстоятельства рождения» или его социальное происхождение.

Обратимся к еще одному важному аспекту рассматриваемой проблемы, а именно к роли системы образования в процессе трансформации японского общества.

Как известно, в современном мире, прежде всего, в высокоразвитых странах, образование стало главным фактором, позволяющим молодым людям из более низких страт преодолеть «обстоятельства рождения» и подняться вверх по социальной лестнице. Как было показано выше, миллионы молодых японцев воспользовались этими шансами. Но при этом важно прояснить, какие изменения произошли в плане соотношения шансов молодых японцев, относящихся к разным социальным слоям, на получение хорошего образования, ослабело или уси-

лилось влияние социального происхождения на положение дел в этой сфере. Поскольку сейчас в Японии практически все молодые люди получают полное среднее образование (12-летнее), речь пойдет о сфере высшего образования.

Хотя в Японии в последние годы в университеты поступают уже более половины выпускников школ высшей ступени, т. е. высшее образование, по сути, стало массовым, шансы детей на получение высшего образования в немалой степени зависят от социально-экономического положения их семей. Наглядное представление об этом дают результаты расчетов профессора К. Хирасава, сделанные на основании материалов Social Structure and Social Mobility Survey за 2015 г. Экономическое положение семьи определялось по уровню годового дохода, а социальное — по уровню образования родителей (табл. 7).

Таблица 7. Доля семей, дающих университетское образование одному ребенку и двум детям (%)

Годовой доход семьи, млн иен	Уровень образования родителей							
	Оба родителя с высшим образованием		Один из родителей с высшим образованием		Один из родителей с образованием <i>танки дай-гаку</i> или <i>сэммон гакко</i>		Оба родителя со средним или полным средним образованием	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Менее 3,75	—	—	55,0	31,3	50,0	14,3	37,5	11,0
4—6,75	—	—	88,4	50,0	55,0	23,5	32,7	6,7
7—9,25	86,8	75,0	86,8	60,4	62,5	25,8	54,3	19,5
Свыше 11,25	100,0	75,0	90,9	56,8	66,7	26,1	68,2	30,0

Источник: [Hirasawa K., p.119].

* I — доли семей, где высшее образование получает один ребенок; II — доли семей, где оба ребенка получают высшее образование.

Высокая степень корреляции между доходом семьи и шансами на получение высшего образования даже первым ребенком, не говоря уже о втором, объясняется не только платностью высшего образования, но и тем, что в Японии (в отличие от многих западных стран) родители содержат своих чад вплоть до окончания вуза, покрывая расходы на аренду жилья, питание, проезд, учебные пособия и т. д. Кроме того, немалых денег стоит и сама подготовка детей к поступлению в университет, которая начинается задолго до окончания ими высшей ступени средней школы. Очевидно, что объем средств, которые родители могут направить на эту подготовку, также напрямую зависит от финансового положения семьи. Поскольку этот вопрос подробно был рассмотрен в статье «Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии»¹, отметим лишь основные моменты.

Во-первых, от финансовых возможностей семьи зависит выбор типа школы — государственной (муниципальной) или частной, причем значимость этого выбора особенно возрастает при переходе ребенка из средней школы в школу высшей ступени, где и происходит подготовка к поступлению в вуз. Поскольку

¹ См.: Лебедева И.П. Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии». Ежегодник Японии 2024. М.: Наука, 2024. С. 34—57.

считается, что в целом обучение в частных школах дает больше шансов на поступление в университет, доля детей, обучающихся в них, в общем числе учеников постепенно повышается и в 2023 г. составила уже почти 35 %¹. При этом расходы на школьное образование в частных школах заметно выше, чем в государственных. Так, по данным за 2023 г. в государственных средних школах они составили 186 тыс. иен на ученика в год, в частных — 1 млн 137 тыс. иен, в школах высшей ступени — 351 тыс. иен и 766,5 тыс. иен соответственно². Напомним, что в государственных средних школах обучение бесплатное, так как является обязательным, плата за обучение начинает взиматься при переходе учеников на высшую ступень средней школы.

Во-вторых, для повышения шансов своих детей на получение хорошего образования родители японских школьников активно используют возможности дополнительного, внешкольного образования, главной формой которого являются *дзюку*³. Их услуги платные, но гибкая система организации занятий позволяет выбирать как предметы для изучения, так и саму форму обучения (начиная с индивидуальных занятий и кончая группами разных размеров). Понятно, что на этот выбор не может не влиять экономическое положение семьи. Наглядным подтверждением этого являются приводимые ниже данные о затратах семей с разным уровнем дохода на внешкольное образование детей (табл. 8).

Таблица 8. Расходы семей на внешкольное образование детей (тыс. иен в год на одного ребенка, 2023 г.)

Доход семьи, млн иен в год	Менее 4	4—5,99	6—7,99	8—9,99	10—11,99	Свыше 12
Муниципальные школы						
средняя школа	203	280	307	398	485	550
высшая ступень	182	153	239	295	360	396
Частные школы						
средняя школа	263	226	345	375	382	533
высшая ступень	163	176	197	229	293	629

Источник: Kodomo-no gakushyu:hi chy:sa Reiwa 5 nen (Survey of Expenditures on Children Education 2023). P. 13. URL: https://www.mext.go.jp/content/20241225-mxt_chousa01_000039333_1.pdf (дата обращения: 2.11.2025).

Примечательно, что корреляция между уровнем дохода и расходами на внешкольное образование прослеживается в отношении не только тех семей, чьи дети посещают государственные школы, но и более обеспеченных, которые могут позволить себе обучение детей в частных школах.

¹ Mombu kagaku to:kei yo:ran Reiwa 6 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023).Table 4-1—4-4. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00009.htm (дата обращения: 2.11.2025). Для сравнения: в том же году доля детей, обучающихся в начальных частных школах составила 1,3%, а в средних частных школах — 7,8%.

² Kodomo-no gakushyu:hi chy:sa Reiwa 5 nen (Survey of Expenditures on Children Education 2023). P.7. URL: https://www.mext.go.jp/content/20241225-mxt_chousa01_000039333_1.pdf (дата обращения: 2.11.2025).

³ Подробно см. Лебедева И.П. Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии». Ежегодник «Япония 2024». М.: Наука — Восточная литература, 2024. С. 48—55.

В-третьих, социально-экономическое положение семьи влияет не только на возможности детей получить высшее образование, но и на выбор ранга университета. В Японии насчитывается более 800 университетов, при этом их структура чрезвычайно иерархична. Элиту формируют порядка двух десятков государственных и наиболее известных (и дорогих) частных университетов, за ними следуют немногим более ста префектурных и муниципальных вузов (с примерно одинаковым уровнем образования и стандартной платой за обучение), а далее располагаются несколько сотен частных университетов, различающихся и по уровню образования, и по престижности, и по размерам платы за обучение. При этом от ранга университета напрямую зависят перспективы трудоустройства его выпускников: престижность организации, в которую они попадают, возможности для карьерного роста, уровень заработной платы, форма найма и т. д. Сформировавшись в условиях высоких темпов роста, такая практика с течением времени не претерпела каких-либо изменений, как и прежде побуждая молодых японцев (и их родителей) прилагать максимальные усилия для получения хорошего образования.

Социально-экономическое положение семьи оказывает влияние не только на выбор ранга университета, но и на выбор будущей профессии. Анализ, проведенный профессором И. Мори, показал, что выходцы из семей, занимающих в социальной иерархии более высокое положение, ориентируются на получение «широких знаний» и выбирают такие профессии, как врач, дантист, аудитор, финансист, преподаватель университета. Что же касается выходцев из менее обеспеченных семей, то они отдают предпочтение получению профессиональных знаний и квалификации в областях, востребованных реальной экономикой. Мужчины выбирают технические или научно-технические специальности в таких отраслях, как общее машиностроение, электромашиностроение, строительство, землеустройство, информатика. Среди женщин популярны профессии школьных учителей, воспитателей детских садов, работников системы социального обеспечения и медицинского обслуживания [Mori I., p. 143—144].

Иными словами, японская система образования, по сути, еще со школьной скамьи распределяет японцев по разным этажам социальной пирамиды, и одним из главных факторов, влияющих на это распределение, является социально-экономическое положение семьи. Но при этом безусловный исследовательский интерес представляет вопрос о том, как с течением времени меняется эта ее функция, усиливается или ослабляется влияние социальных корней на доступ японских детей к хорошему образованию, а следовательно — и к удачному трудоустройству.

Резонно предположить, что поскольку в стране не происходит усиления ни экономического, ни социального неравенства, то не должно происходить и усиления неравенства в сфере образования. Уточнить это предположение позволяют расчеты японских ученых.

Обратимся вначале к работе профессора Исида. Аналогично расчетам сдвигов в классовой структуре он рассчитал показатели абсолютной и относительной мобильности по образованию. Абсолютная мобильность показывает направленность сдвигов в структуре населения с точки зрения уровня образования, а относительная мобильность измеряет степень различий в возможностях получения

образования между выходцами из разных социальных групп. Используя данные Social Stratification and Social Mobility Survey за 1955—2015 гг. в отношении мужчин и за 1985—2015 гг. в отношении женщин, профессор Исида разделил респондентов на три группы по уровню образования:

- **обязательное образование** (для старших поколений — начальное, после 1947 г. — 9-летнее среднее);
- **вторая ступень образования** (прежде — среднее, сейчас — высшая ступень средней школы);
- **высший уровень образования** (прежде — высшая ступень средней школы, сейчас — технологические колледжи, *танки дайгаку*, университеты).

Вот каким образом менялся уровень образования японцев и японок (табл. 9).

Таблица 9. Изменение структуры респондентов по уровню образования (%)

(мужчины)

Уровни образования	1955	1960	1975	1985	1995	2005	2015
Обязательное образование	71,7	60,3	45,5	31,2	20,9	12,0	4,5
Вторая ступень образования	16,8	27,2	37,1	44,1	48,7	52,0	52,5
Высший уровень образования	11,5	12,5	17,4	24,7	30,4	36,0	43,0

(женщины)

Уровни образования	—	—	—	1985	1995	2005	2015
Обязательное образование	—	—	—	37,7	22,2	10,6	3,9
Вторая ступень образования	—	—	—	48,9	57,4	63,1	56,2
Высший уровень образования	—	—	—	13,4	20,4	26,3	40,0

Источник: [Ishida H., p. 13].

Как показывают эти расчеты, на протяжении всего послевоенного периода уровень образования японцев неуклонно повышался — сначала за счет быстрого распространения полного (двенадцатилетнего) среднего образования, а позже — высшего образования. Это говорит об интенсивности и значительных масштабах абсолютной мобильности по образованию. Однако, сопоставляя классовые позиции отцов респондентов (см. выше) с полученным ими уровнем образования, Х. Исида приходит к выводу, что распространение высшего образования в послевоенной Японии не сопровождалось сколько-нибудь заметным сокращением различий между классами в плане его доступности, и что роль образования как медиатора между наследованием классовых позиций и межпоколенческой социальной мобильностью с течением времени не ослабела, но и не усилилась [Ishida H., p. 24—25].

Иными словами, шансы на получение высшего образования для выходцев из разных социальных слоев японского общества никогда не были равными. Но тот факт, что степень этих различий с течением времени практически не изменилась, говорит о том, что не произошло и нарастания неравенства в этой сфере.

К аналогичному выводу, но используя несколько иную методику расчетов, пришел и профессор Т. Киккава. Используя материалы Social Stratification and

Social Mobility Survey, профессор Киккава разделил респондентов на шесть когорт по годам рождения (1935—1944 гг., 1945—1954 гг., 1955—1964 гг., 1965—1974 гг., 1975—1984 гг. и 1985—1994 гг.), в каждой из которых выделил следующие четыре группы: второе поколение выпускников университетов; первое поколение выпускников университетов; лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование); лица, не имеющие высшего образования. Вот к каким результатам он пришел (табл. 10).

Таблица 10. Сдвиги в структуре образования (по возрастным когортам, %)

	Возрастные когорты по годам рождения					
	1985—1994	1975—1984	1965—1974	1955—1964	1945—1954	1935—1944
Второе поколение выпускников университетов	28,6	21,6	12,6	10,5	6,2	4,2
Первое поколение выпускников университетов	22,5	24,4	27,5	28,0	17,6	11,1
Лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование)	9,0	8,7	4,4	4,2	3,7	5,2
Лица, не имеющие высшего образования	39,9	45,3	55,4	57,3	72,5	79,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Kikkawa T., p. 124].

* Расчеты охватывают только мужчин.

Повышение в структуре выпускников университетов доли первого поколения, т. е. выходцев из более низких социальных слоев, означает, что в послевоенный период миллионы молодых японцев благодаря получению высшего образования смогли оторваться от своих классовых корней и занять в социальной структуре более высокое, чем их отцы, положение. Этот процесс отражает масштабы абсолютной мобильности по образованию, которая была особенно активной в поколениях, родившихся в период 1955—1974 гг. (когда в стране происходила бурная индустриализация и урбанизация и высокими темпами росли доходы населения). Но что касается соотношения шансов второго и первого поколений выпускников университета на получение высшего образования, то расчеты профессора Киккава показали, что на протяжении всего послевоенного периода не наблюдалось ни заметного усиления, ни заметного ослабления влияния социальных корней на эти возможности. Так, для родившихся в 1935—1944 гг. соотношение этих шансов составило 3,390; в 1945—1954 гг. — 4,150; в 1955—1964 гг. — 3,389; в 1965—1974 гг. — 3,876; в 1975—1984 гг. — 3,448; в 1985—1994 гг. — 4,391 [Kikkawa T., p. 124]. Показательно, что в самой молодой возрастной когорте (1985—1994 гг. рождения) шансы на получение высшего образования вторым поколением обладателей университетских дипломов превышают шансы первого поколения в той же степени (в 4 раза), что и в когорте тех, кто родился в первое послевоенное десятилетие.

Заключение

Из изложенного выше можно сделать следующий вывод. Тезис о превращении японского общества из бесклассового *со:тю:рю: сякай* в разделенное *какуса сякай* не соответствует действительности, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, оно и прежде было классовым, разделенным обществом, в котором люди размещены по разным социальным нишам, и где на жизненный путь человека в немалой степени влияют его социальные корни. Во-вторых, как показывают расчеты японских ученых, за шесть послевоенных десятилетий не произошло усиления ни экономического, ни социального неравенства, ни углубления неравенства в сфере образования. Следовательно, нет оснований говорить о том, что социальные перегородки стали более жесткими и что возможности для социальной мобильности ослабли.

Но в то же время важно подчеркнуть, что с точки зрения уровня благосостояния японских семей, равномерности распределения доходов, тяготения людей к общей системе ценностей японское общество действительно уже к началу 1970 — х гг. превратилось в *со:тю:рю: сякай* или общество среднего класса и остается таковым и по сей день. Это подтверждают и результаты ежегодных опросов Канцелярии премьер-министра, согласно которым на протяжении уже более полувека порядка 90 % японцев по уровню жизни относят себя к среднему классу.

Разумеется, сказанное выше ничуть не умаляет значения огромных перемен, происшедших в различных сферах жизни японского общества за последние два-три десятилетия и приведших к усилению диверсификации жизненных стилей и предпочтений японцев, особенно заметной в молодежной среде. Как уже отмечалось, в результате возникновения новых форм занятости, выхода на рынок труда миллионов вчерашних домохозяек, появления разного рода групп «нестандартных» японцев и т. д. разделительных линий в японском обществе стало больше, его состав стал гораздо сложнее и разнообразнее. Но это, на наш взгляд, не отменяет сказанного выше относительно характера современного японского общества, а лишь означает необходимость его более глубокого изучения.

В завершение хотелось бы подчеркнуть следующее. Современное японское общество по своим социально-экономическим параметрам вполне соответствует характеристикам высокоразвитого социально-ориентированного государства. Благодаря достигнутому уровню экономического развития государство имеет возможность решать те сложные проблемы, с которыми сталкивается страна, или, по меньшей мере, смягчать их социальные последствия. Оставаясь по своей природе классовым обществом, с распределением людей по разным социальным нишам, японское общество, тем не менее, обеспечивает для абсолютного большинства своих граждан вполне комфортные условия жизни, соответствующие их представлениям об уровне жизни среднего класса. Под влиянием изменений в объективных условиях и жизненных обстоятельствах японцы передвигаются вниз и вверх по ступеням социальной лестницы, но преобладающим направлением является движение вверх — и с точки зрения престижности профессии, и в плане уровня образования. Наряду с этим происходит улучшение бытовых условий, повышение уровня медицинского обслуживания, совершенствование

транспортной и социальной инфраструктуры и т. д. Иными словами, несмотря на разного рода проблемы и трудности, с которыми сталкивается современное японское общество, оно остается в целом благополучным и стабильным, с преобладанием позитивных трендов в различных сферах жизни.

Библиографический список

Лебедева И.П. Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии. Ежегодник «Япония 2024» / отв. ред. Д.В. Стрельцов. М., 2024.

References

Lebedeva, I.P. (2024). Obrazovanie kak glavnyi faktor sotsial'noi mobil'nosti v Yaponii [Education as the Main Factor of Social Mobility in Japan]. *Yearbook Japan*, 34—57. (In Russian).

* * *

Hirasawa, K. (2018). Setai shotoku, oya gakureki to kodomo-no daigaku shingaku [Family Income, Parents's Educational Level and Children's University Entering]. In T. Nakamura, K. Hirasawa, S. Aramaki, W. Nakazawa (eds.), *Kyōiku to shyakai kaisō* [Education and Social Stratification]. Tokyo. (In Japanese).

Ishida, H. (2022). Class Structure, Education, and Social Mobility in Post-War Japan. In S. Shirahase (ed.), *Social Stratification in an Aging Society with Low Fertility. The Case of Japan*. Singapore: Springer.

Kikkawa, T. (2022). Gap in Attitudes Toward Higher Education Between Graduates and Non-graduates: Educational Disparity in Younger Cohort. In S. Shirahase (ed.), *Social Stratification in an Aging Society with Low Fertility. The Case of Japan*. Singapore: Springer.

Mori, I. (2021). Daigaku shingaku ga shoshoku ni oyobosu kōka [The Effect of University Entering on First Place of Work]. In Nakamura T., Miwa S., Ishida H. (eds.), *Shōshi kōrei shakai-no kaisō kōzō 1. Jinsei shoki-no kaisō kōzō* [Social Structure in the Aged Society With Low Fertility 1. The Structure of Stratification in the First Stage of Life]. Tokyo. (In Japanese).

Shinozaki T., Takahashi Yo. (2023). The Shrinking Middle Class in Japan. *Japan Labor Issues*, 7 (44), Autumn 2023. Japan Institute for Labour Policy and Training. Retrieved October 22, 2024, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/044-01.pdf>

Поступила в редакцию: 10.11.2025
Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 10 November 2025
Accepted: 26 January 2026

М.В. Торопыгина

Печать наборным шрифтом в Японии конца XVI — второй половины XIX веков: нерешенные загадки и дискуссионные вопросы

Аннотация. Одной из главных особенностей японского книгоиздания периода Эдо является то, что книги издавались ксилографическим способом. Однако в начале периода, с конца XVI в. и до середины 1620-х гг. преобладала печать подвижными литерами, а в течение следующей четверти века печать наборным шрифтом хоть и потеряла свою лидирующую позицию, однако доля книг, изданных при помощи этой технологии, была ощутимой. Со второй половины XVII в. больших издательских проектов, основанных на печати подвижным шрифтом, не предпринималось, однако частные лица, клановые и частные школы продолжали выпускать малотиражную литературу таким способом.

С подвижными литерами Япония познакомилась в 1590-х гг., тогда Миссия иезуитов начала выпускать книги по европейской технологии, изобретенной Гутенбергом, а из корейского похода, предпринятого Тоётоми Хидэёси, были привезены корейские подвижные литеры, на основе которых были сделаны первые японские наборные шрифты. В начальные годы распространения книгопечатания к издательской деятельности имели отношение императоры Гоё:дзэй и Гомидзуноо, Токугава Иэясу, представители придворной знати и высшего самурайства, буддийские храмы. Выпускали книги и частные лица, среди них врачи Одзэ Хоан, Манасэ Гэнсаку, Исокава Рё:ан, богатый купец Суминокура Соан. С печатью подвижными литерами связаны многие достижения в книгопечатании, о которых можно сказать «впервые»: впервые были изданы книги светского содержания; книги на японском языке; японская классика; произведения новой японской литературы.

Этот период книгопечатания давно и активно изучается как в Японии, так и за ее пределами, но все же остается немало загадок, с ним связанных. Остается и ряд дискуссионных вопросов, к которым постоянно возвращаются исследователи. Период наборной печати показал большой потенциал этой технологии, тем не менее, она практически полностью уступила место ксилографии. Главную причину этого ученые видят в удобстве ксилографии для коммерческого книгопечатания, однако и других доводов приводится немало. Влияние корейского книгопечатания на японское легко проследить, однако влияние (или отсутствие влияния) европейской технологии — дискуссионный вопрос, которому в последнее время историки книги уделяют большое внимание.

Ключевые слова: период Эдо, история книгопечатания, деревянный подвижный шрифт, металлические литеры, типографика, ксилография, Токугава Иэясу, Сагабон.

Автор: *Торопыгина Мария Владимировна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: Россия,

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-3214-5610.
E-mail: meshtorop@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Торопыгина М.В. Печать наборным шрифтом в Японии конца XVI — второй половины XIX веков: нерешенные загадки и дискуссионные вопросы // Японские исследования. 2026. № 1. С. 127—148.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-127-148.

M. V. Toropygina

Typesetting in Japan from the late 16th to the second half of the 19th century: Unsolved mysteries and controversial issues

Abstract. One of the main features of Japanese book publishing in the Edo period is that books were published using woodblock printing. However, at the beginning of the period, from the end of the 16th century to the mid-1620s, movable type printing prevailed, and, over the next quarter of a century, movable type printing, although losing its leading position, still made up a significant share of books. From the second half of the 17th century, large publishing projects based on movable type printing were no longer undertaken, but private individuals, clan and private schools continued to publish small-circulation literature in this way.

Japan became acquainted with movable type in the 1590s, when the Jesuit Mission began publishing books using the European technology invented by Gutenberg, and Korean movable type was brought from the Korean campaign undertaken by Toyotomi Hideyoshi, on the basis of which the first Japanese movable typefaces were made. In the early years of the spread of book printing, the emperors Goyōzei and Gomizunoo, Tokugawa Ieyasu, representatives of the court nobility and high samurai, and Buddhist temples were involved in publishing. Books were also published by private individuals, including the physicians Oze Hoan, Manase Gensaku, Isokawa Ryōan, and the wealthy merchant Suminokura Soan. Many achievements in book printing came into sight with movable type printing: secular books were published for the first time, as well as books in Japanese, Japanese classics, works of new Japanese literature. This period of book printing has long been actively studied both in Japan and abroad, and yet many mysteries associated with it remain.

There are also a number of controversial issues that researchers constantly return to. The period of typesetting showed the great potential of this technology, but nevertheless it almost completely gave way to woodcut printing. The main reason for this is the convenience of woodblock printing for commercial book printing, but many other arguments are also given by scholars. The influence of Korean book printing on Japanese one is easy to trace, but the influence (or lack of the influence) of European technology is a controversial issue, which has recently received much attention from book historians.

Keywords: Edo period, history of book printing, wooden movable type, metal type, typography, woodblock printing, Tokugawa Ieyasu, Sagabon.

Author: *Toropygina, Maria V.*, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS (address: Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12). ORCID: 0000-0003-3214-5610. E-mail: meshtorop@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Toropygina, M.V. (2026). Pechat' nabornym shriftom v Yaponii kontsa XVI — vtoroi poloviny XIX vekov: nereshennye zagadki i diskussionnyye voprosy [Typesetting in Japan from the late 16th to the second half of the 19th century: Unsolved mysteries and controversial issues]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 127—148. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-127-148.

Введение

Японское книгопечатание периода Эдо (1603—1868) характеризуется в целом как коммерческое и ксилографическое, т. е. книги, появившиеся на книжном рынке, были изданы способом печати с деревянных блоков. Однако начинается книгоиздание с другой технологии, с печати подвижным шрифтом. Чуть раньше периода Эдо, в последнее десятилетие XVI в. в Японии почти одновременно, с разницей всего в два года, появились сначала подвижные литеры и печатный станок, изобретенные Гутенбергом, т. е. европейская технология, а потом — подвижный шрифт, вывезенный из Кореи, т. е. технология печати подвижным шрифтом, разработанная на Дальнем Востоке.

До этого момента абсолютное большинство книг в Японии были рукописными. При этом тиражная печать уже прошла долгий путь существования, традиционным способом такой печати была ксилография. Изданием ксилографических книг занимались исключительно буддийские монастыри. Общее количество выпущенных ими изданий — около 500. Репертуар этих изданий — религиозная буддийская литература с редкими исключениями (китайская классика, поэзия). Все отпечатанные книги были на китайском языке, на японском языке книги не печатались.

Вопрос соотношения между ксилографическим книгопечатанием и печатью подвижными литерами, а при печати подвижными литерами — соотношение между деревянным подвижным шрифтом и металлическим, актуален для истории книги всех стран Дальневосточного региона, где одновременно применялись все эти технологии.

Дальневосточная традиция печати с подвижного шрифта начинается в Китае с изобретения керамических подвижных литер Би Шэном (990—1051) в XI в. Керамические литеры оказались плохо пригодными для печати ввиду своей хрупкости, и в дальнейшем широкое распространение получили литеры деревянные, а в корейской традиции — металлические.

Одно из первых описаний технологии изготовления деревянных подвижных литер оставил китайский автор XIV в. Ван Чжэнь (1271—1333). Он написал сочинение под названием «Нун шу» (農書, яп. «Но:сё» — «Книга о земледелии») и так долго не мог добиться его издания, что решил сам изготовить деревянные литеры и издать книгу. На изготовление литер ушло два года, за это время книга уже была издана способом ксилографии, так что для публикации «Нун шу» литеры не понадобились, однако Ван Чжэнь в этом сочинении описал, как следует изготавливать литеры.

«Сначала отбирают по академическому изданию рифм потребное для печатания количество знаков. ... По окончании проверки и переписки знаков перепис-

чик ... выбирает образчик литеры и, сообразуясь с его размерами, переписывает знаки каждой группы. Потом знаки наклеивают на доску и велят мастеру выгравировать их. Между знаками оставляют маленькие промежутки, нужные при распиливании их. Из служебно-вспомогательных слов, ... цифр и часто встречающихся знаков составляются отдельные комплекты. В большинстве случаев количество гравированных знаков составляет приблизительно 30 тыс. По окончании переписки следующей части знаков снова поступают по описанному выше способу.

По окончании гравирования знаков на доске каждый из них выпиливается при помощи пилки с мелкими зубцами и складывается в корзину. Каждая литера тщательно подравнивается при помощи маленького ножа. Ширина и высота литер измеряется по заранее устроенному стандарту, после чего шрифт складывается в особые ящички» (Перевод К.К. Флуга) [Флуг 1959, с. 65—66].

Первая сохранившаяся дальневосточная книга, изданная подвижными металлическими литерами (и первая в мировой истории) была отпечатана в Корее. Книга, полное название которой «Пэгун хвасан чхорок пульчо чикчи симчхе ёджоль» (白雲和尚抄錄佛祖直指心體要節, яп. «Хакуун васё: сё:року буссо тёкуси синтай ё:сэцу» — «Антология учения великих монахов об обретении духа Будды с помощью практики Сон Пэгун Хвасана»), широко известна в мире как «Чикчи», она датируется 1377 г. Есть сведения и о более ранних изданиях, отпечатанных с металлических подвижных литер, однако они не сохранились.

В корейском государстве Чосон (1392—1897) типографское дело находилось полностью под контролем государства. Металлические шрифты отливались постоянно (подробно о корейских шрифтах см. [Sohn 1982]). Томас Картер обращает внимание на то, что «во всех трех странах Дальнего Востока книгопечатание металлическими шрифтами требовало больших капиталовложений и осуществлялось почти исключительно за счет государства, сходя на нет после прекращения государственной поддержки» [Carter 1925, с.178].

В Европе изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом (1397/1400—1468) ассоциируется именно с производством металлических подвижных литер, деревянные литеры практически не использовались. Изобретение Гутенберга было комплексным. Важным отличием от дальневосточной традиции является наличие печатного станка, т. е. частичная механизация процесса, в дальневосточной технологии использовался исключительно ручной труд.

Первые книги подвижными литерами в Японии были напечатаны Миссией иезуитов. Появление в Японии первой печатни связано с именем итальянского миссионера иезуита Алессандро Валиньяно (1539—1606). Он доставил в Японию типографию в 1590 г. Первая книга *кириситанбан* (キリシタン板, 吉利支丹版 — «христианская печать») была отпечатана в 1591 г., последняя — в 1611. Книги, выпускавшиеся Миссией, были рассчитаны, вероятно, на «внутреннее» употребление, они не получили широкого хождения. Многие книги, отпечатанные Миссией иезуитов, утрачены. Дэвид Чиббет дает список известных книг, в который входят 30 полных книг и 4 отрывка (всего 73 копии) [Chibbett 1977, p. 61—67]. Миссия иезуитов издавала не только религиозную литературу, были также изданы словари, ряд книг светского содержания. Некоторые книги были напечатаны

на японском языке. Печать миссии иезуитов активно изучается в мировой науке (см. [Fujikawa 2017]).

Появление корейских подвижных литер в Японии датируется 1592 г. Это время завоевательного похода Тоётоми Хидэёси (1537—1598) в Корею, шрифт (или шрифты) и книги были военными трофеями, появление этого шрифта знаменует начало периода печати книг подвижными литерами самими японцами.

Историю печати книг наборным шрифтом с конца XVI в. и до начала периода Мэйдзи (1868—1912) японское книговедение делит на два этапа: первый называется периодом *кокацудзихан/кокацудзибан* (古活字版, «старая печать с подвижных литер»), второй — *кинсэй кацудзихан* (近世活字版, «печать Нового времени с подвижных литер»). Второй термин часто употребляется с добавлением иероглифа «дерево» — *кинсэй моккацудзихан* (近世木活字版, «печать Нового времени с деревянных подвижных литер»), сразу показывая, что печатали только деревянными, а не металлическими литерами. В дальнейшем тексте данной статьи для книг, относящихся к *кокацудзихан*, я употребляю термин «старопечатные наборные книги», а для книг *кинсэй моккацудзихан* — «наборные книги».

Временные рамки этапа «старой печати» — *кокацудзихан* — охватывают период с годов Бунроку (文禄 1592—1596) до середины XVII в. (до первых годов Кэйан 慶安 1648—1652). Середина века — время, связанное с завершением большого издательского проекта, выполнявшегося подвижными литерами (печать буддийского канона), после которого крупных изданий подвижными литерами уже не предпринималось. Этап «печати Нового времени» — *кинсэй моккацудзихан* — начинается с середины XVII в. и заканчивается с приходом новых технологий книгоиздания в период Мэйдзи.

Для периода «старой печати» можно выделить два временных отрезка. С конца XVI в. и до середины 1620-х гг. в Японии печаталось больше старопечатных наборных книг, чем ксилографических. Начиная с середины 1620-х гг. доля книг, отпечатанных с подвижных литер, начинает снижаться и уже никогда не превосходит количество ксилографических изданий. Начиная со второй половины XVII в. доля наборных книг становится так мала, что позволяет говорить о том, что книгопечатание в период Эдо — это книгопечатание ксилографическое.

Для периода *кокацудзихан* выделяются несколько основных книгоиздательских проектов. Период начинается с выпуска книг «по императорскому указу» (勅版, *тёкухан*). Печать осуществлялась двумя императорами: Гоё:дзэй (1572—1617, на престоле 1586—1611) и Гомидзуноо (1596—1680, на престоле 1511—1629). По японской хронологии период, когда выпускались эти книги — это годы Кэйтё: (慶長 1596—1615) и Гэнна (元和 1615—1624). Эти два периода изданий «по императорскому указу» в японском книговедении имеют наименование *кэйтё: тёкухан* (慶長勅版) и *гэнна тёкухан* (元和勅版).

Чуть позже начала издания книг «по императорскому указу» в книгоиздании принял участие первый сёгун периода Эдо Токугава Иэясу (1543—1616). Его активность в этом предприятии подразделяется на два этапа. В первый его деятельность связана с изданиями, которые известны под наименованием *Фусимихан* (伏見版) — эти книги выпускались с 1599 и по 1606 г. или чуть позже, второй период — выпуск книг *Суругахан* (駿河板, 1615—1616). Оба термина связаны

с местами книжного производства, Фусими — район к югу от Киото, Суруга — современная префектура Сидзуока.

Книги, известные как *Сагабон* (嵯峨本, Сага — западная окраина Киото), выпускал один из самых богатых купцов Киото — Суминокура Соан (1571—1632).

В этот период активными участниками книгопечатания с подвижных литер были буддийские монастыри. Самым большим предприятием в первой половине XVII в. стал выпуск буддийского канона «Трипитаки», предпринятый монахом Тэнкай (1536?—1643). Издание было осуществлено в 1637—1648 гг. Оно известно в истории японской книги как *тэнкайбон* (天海本).

Японская печать подвижным шрифтом давно привлекает внимание исследователей. Кавасэ Кадзума (1906—1999) — ученый, на работы которого опираются все книговеды, пишущие об этом периоде, начал изучать старопечатные наборные книги еще в 1920-х гг., а в 1937 г. выпустил книгу «Изучение кокацудзихан» («Кокацудзи-но кэнкю:») с приложением — целым томом иллюстраций [Kawase Kazuma 1937] (книга переиздавалась в 1960-х гг.). Круг вопросов, рассмотренных Кавасэ Кадзума, очень широк, исследование касается, кажется, всех возможных аспектов, связанных с печатью с подвижных литер *кокацудзихан*.

Очерки печати этого времени, более или менее подробные, можно найти в таких книгах, посвященных японскому книгопечатанию, которые уже стали «классическими». Это книги Конта Ёдзо [Konta Yōzō 1977], Накано Мицутоси [Nakano Mitsutoshi 1995], Дэвида Чиббетта [Chibbett 1977], Матти Форрера [Forrer 1985], Питера Корницкого [Kornicki 1998], Е.В. Завадской [Завадская 1986]. В недавно выпущенной Институтом изучения японской словесности (Коку бунгаку кэнкю:дзё) сборнике «Книга: форма и культура — пути понимания и наслаждения старыми и новыми книгами» («Хон — катати то бунка: котэн-сэки, киндай бункэн-но миката, таносимиката») есть статья, озаглавленная «Издательская культура Эдо: в центре внимания издания кокацудзихан» написана Иригучи Атсуси [Iriguchi Atsushi 2024]. Несколько глав посвящены этому периоду в книге *History of Japanese Printing Culture*, изданной Музеем печати в Токио [History...2020]. Этот список, безусловно, можно продолжить.

Для написания данной работы особенно важными для меня оказались новая книга Питера Корницкого *Printing technologies and book production in seventeenth-century Japan* [Kornicki 2025], а также несколько работ японских исследователей, посвященных книгам Сагабон и возможному влиянию на них европейской технологии, применявшейся Миссией иезуитов [Sasaki Takahiro 2017; Sasaki Takahiro 2023; Koakimoto Dan 2023; Ouchida Sadao 2008].

Несмотря на то, что этот период книгопечатания давно и подробно изучается, в фактической истории и по сей день остается немало загадок. Это можно объяснить тем, что для данного периода кроме собственно книг существует очень ограниченное количество исторических источников. Такими источниками являются дневники, где есть упоминания о печати, однако их немного. Те источники, которые становятся важными для изучения книгопечатания периода Эдо, такие, как сводные каталоги книг, записи книгоиздательских гильдий и пр. появляются позже.

Несколько вопросов, связанных с печатью подвижными литерами остаются дискуссионными, обсуждение возможных ответов на эти вопросы и являются основной задачей данной публикации. Я выделяю следующие проблемы.

1. До знакомства с подвижными литерами буддийские монастыри уже занимались печатью, печать была ксилографической, однако с появлением подвижных литер даже они стали издавать книги с применением новой технологии. Однако, спустя чуть больше пятидесяти лет, практически все книги в Японии стали выпускать ксилографическим способом. Обычно исследователи ставят вопрос — почему ксилография заменила печать с подвижных литер (европейский опыт говорит о том, что печать с наборного шрифта — технология более «передовая», чем ксилография)? Однако правомерен и другой вопрос: почему книги стали выпускать методом печати подвижными литерами, в то время как существовала традиционная ксилография?

2. Практически одновременно в Японии появились как корейские подвижные литеры, так и европейская технология книгопечатания. Если вопрос о том, что корейская печать оказала непосредственное влияние на появление японских шрифтов и выпуск книг подвижными литерами не вызывает сомнений, то влияние (или его отсутствие), которое было оказано печатью книг по европейской технологии, относится к тем проблемам, на которые исследователи порой отвечают прямо противоположным образом.

3. Будучи вытесненной ксилографией, печать с подвижных литер, тем не менее, просуществовала до конца периода Эдо. Определение того места, которое заняла эта печать, ее задач и функций — также один из постоянно обсуждаемых в истории книгопечатания вопросов.

Особенность современного этапа изучения истории книги состоит в том, что многие старые издания можно увидеть в открытом доступе в Интернете. Это относится практически ко всем старым изданиям, которые упомянуты в данной статье.

Наборные шрифты конца XVI — начала XVII в.

Сведения о том, что из корейского похода были привезены шрифты (или шрифт) в целом сомнению не подвергаются. Также не подвергается сомнению и тот факт, что шрифт был металлическим и что он был преподнесен императору Гоё:дзэй, с имени которого и начинается ряд имен самых высокопоставленных лиц, кто имел отношение к книгоизданию в период его становления.

С именем Гоё:дзэй связаны издания *кэйтё: тёкухан*. При этом некоторые вопросы остаются нерешенными: было ли количество литер металлического шрифта достаточным для того, чтобы опубликовать хотя бы одну книгу; были ли привезены также деревянные шрифты; какова судьба привезенного металлического шрифта.

Сведения о первой напечатанной в Японии книге — «Кобун ко:кё:» (古文孝經, «Классическая книга сыновней почтительности») с привезенного из Кореи фонта (сама книга не сохранилась) содержатся в дневнике придворного Нисиното:ин

Токиёси (西洞院時慶, 1552—1640). Сведения о печати относятся к 1593 г., названы точные сроки печати (с 21-го дня 9-го месяца по 6-ой день 11-го месяца), и дается перечень участников печати [Nihon kotenseki... 1999, p. 512].

Поскольку книга не сохранилась, ученые могут высказывать о ней только предположения. Остается непонятным, была ли книга отпечатана только вывезенным из Кореи шрифтом, или какие-то литеры были добавлены; была ли печать качественной. Питер Корницкий предполагает, что, возможно, печатникам не удалось сделать подходящего красящего состава для печати и поэтому сколько-то значимый тираж не был напечатан [Kornicki 2025, p. 22—23]. Никаких более поздних упоминаний о сохранившихся копиях данного издания не обнаружено, и в дальнейшем книги «по императорскому указу» печатались с применением деревянных литер.

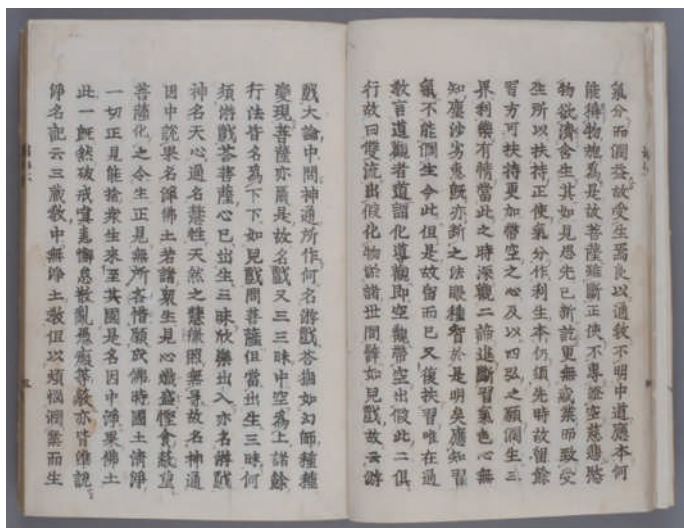
Целый ряд исследований уделяют внимание вопросу о том, что случилось с корейским металлический шрифтом, и почему он не задействован ни в каких ранних изданиях, за исключением одной несохранившейся книги.

Возможную версию «судьбы» этого шрифта описывает Наканиси Ясухито в книге *History of Japanese printing culture*. Автор считает, что, когда по приказу Токугава Иэясу в Японии отливали металлический шрифт (это был единственный случай отливки металлического шрифта), образцом служили корейские литеры. Среди тех, кто отвечал за отливку нового шрифта, был конфуцианский ученый Хаяси Радзан (1583—1657), так что после отливки нового шрифта, старый мог храниться в его частной школе Сё:хэйдзака гакумондзё (昌平坂學問所), а позже, вместе с коллекцией книг быть передан в Дайгаку то:ко: (大學東校, Восточная школа, позже — Медицинский факультет Императорского университета). Наканиси Ясухито находит подтверждение этой версии в книге воспоминаний военного врача высокого ранга Исигуро Таданори (1845—1941) «Кё:о: со:ва» (祝翁叢話, «Истории Кё:о:»; Кё:о: — псевдоним автора), изданной в 1901 г. Исигуро Таданори рассказывает о шрифте, который хранился на складе Дайгаку то:ко:, и о том, что когда было нужно что-то быстро напечатать, и времени на ксилографическую печать не хватало, пользовались имеющимися подвижными литерами, а они, как считалось, как раз и были привезены из Кореи [History...2020 p. 114—117]. Дальше шрифт мог погибнуть во время Великого землетрясения в Канто, когда Императорский университет был значительно разрушен. Однако, это версия, которая окончательно не подтверждена.

Несколько выпущенных книг могут считаться доказательством того, что из Кореи был привезен не только металлический, но и деревянные шрифты.

Две сохранившиеся до нашего времени книги, которые на данный момент являются первыми, напечатанными в Японии (исключая книги Миссии иезуитов и несохранившееся издание «Кобун ко:кё:»), были напечатаны в храме Хонко:кудзи в Киото в 1595 г. Обе книги напечатаны деревянным шрифтом. Это 天台四教儀集解 («Тэндай кё:ги сю:гэ», «Комментарий к “Четырем практикам Тэндай”») и 法華玄義序 («Хоккэ гэнги дзё», «Предисловие к “Лотосовой сутре”»).

Эти книги, как полагают исследователи, могли быть напечатаны деревянным подвижным шрифтом, привезенным из Кореи. В этом случае возникает вопрос, почему эти литеры оказались в Хонко:кудзи. Кавасэ Кадзума отвечает на него

Илл. 1. Разворот книги «Тэндай кё:ги сю:гэ» (1595).

Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1288452> (дата обращения: 12.12.2025).

так: возможно, что Като: Киёмаса (1562—1611), военачальник, участник похода в Корею, адепт школы Нитирэнсю:, мог снабдить храм корейскими деревянными литерами [Kawase Kazuma 1937, p. 4]. Однако никаких свидетельств этому нет, так что это всего лишь гипотеза.

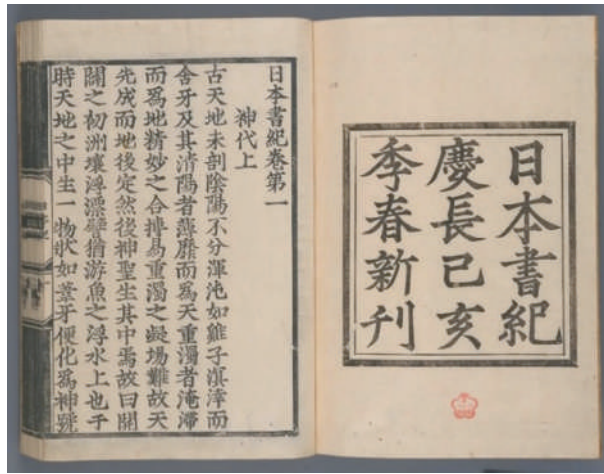
Для выпуска книг «по императорскому указу» был сделан деревянный шрифт, которым в 1597 г. были напечатаны 勸学文 («Кангакубун», «Текст в поддержку учения») и 錦繡段 («Кинсю:дан», «Парча слов») — стихотворения на китайском языке дзэнского монаха Рю:таку (竜沢, 1422—1500).

В колофонах обеих книг говорится о том, что технология пришла из Кореи. Печать с подвижных литер названа термином *итидзихан* (一字版, букв. «печатью одним знаком»). Для книг на китайском языке действительно текст набирается литерами, каждая из которых представляет один иероглиф. Наличие этих колофонов исследователи также считают доказательством того, что из Кореи был привезен не только металлический шрифт, но и деревянные литеры, которые послужили образцом для шрифтов, изготовленных в Японии.

Другую гипотезу по поводу смысла помещения в этих книгах колофонов высказывает японский исследователь Ооутида Садао. Он видит в их тексте желание показать отсутствие какой бы то ни было связи примененной технологии с христианством. Ооутида Садао указывает на то, что книги отпечатаны в 1597 г., когда в Нагасаки за приверженность христианству были казнены Двадцать шесть мучеников (二十六聖人, *дзю:року сэйдзин*), поэтому в колофонах и подчеркивается, что использованная технология — корейская [Nihon kotenseki... 1999, p. 181].

В дальнейшем по приказу императора Гоё:дзэй были изданы «Кобун ко:кё:», «Сисё» (四書, «Четверокнижие»), сочинения самого любимого в Японии китай-

ского поэта Бо Цзюйи (772—846) «Тё:гонка бивако:» (長恨歌・琵琶行, «Песня о бесконечной тоске», «Лютня»). Две книги не относятся к китайским сочинениям. Это «Нихонсёки (камиёкан)» (日本書紀神代卷, Нихонсёки — век богов», 1599) (название также читается «Нихонсёки (дзиндай-но маки) — «первые свитки мифологического свода, датируемого VIII в., одна из самых знаменитых ранних японских книг, и «Сёкугэнсё:» (職原抄, «Записки о службе», 1599) Китабатакэ Ти-кафуса (1293—1354).

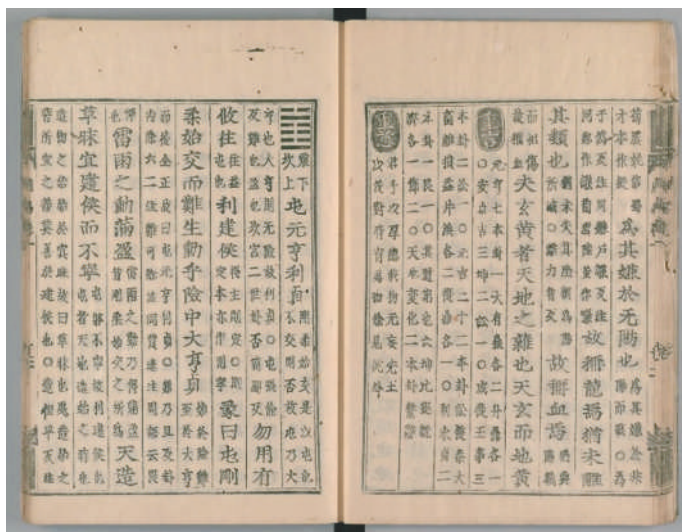

Илл. 2. Первый разворот «Нихонсёки (камиёкан)». Издание *кэйтё: тёкухан* 1599 года.
 Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1286872> (дата обращения: 12.12.2025).

Продолживший книгоиздательское дело император Гомидзуноо в 1621 г. велел выпустить большую китайскую энциклопедию «Ко:тё: руйэн» (皇朝類苑, «Библиотека классики, составленная придворными учеными»).

Немалую роль в истории книгопечатания этого времени сыграл Токугава Иэ-ясу. Книгопечатание было для него делом политики и престижа, борьбы за власть, и укрепления могущества. По его указанию печатали конфуцианскую литературу, книги по управлению государством. Питер Корницкий считает, что, Токугава Иэясу лично повлиял на выбор некоторых произведений для печати [Kornicki 2008, p. 74—76].

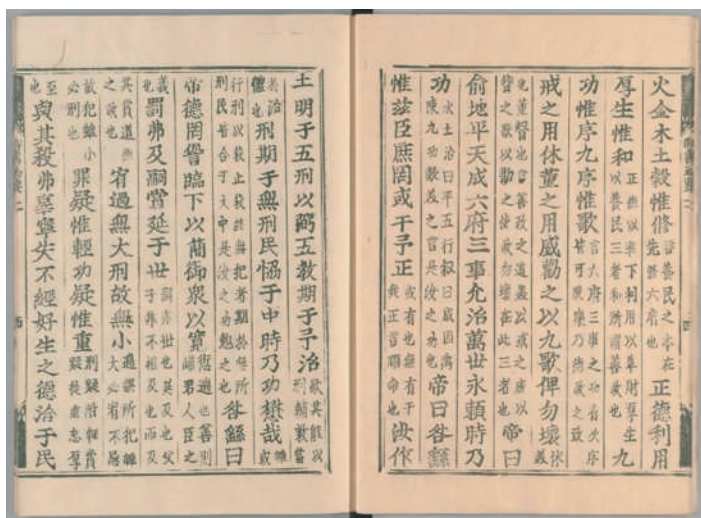
Среди книг, опубликованных в первый период книгоиздательской деятельности Токугава Иэясу (это издания Фусимихан или Энко:дзихан (円光寺版) — по названию храма, где производилась печать) т. е. изданных в 1599—1606 гг. были: «Косикэго:» (孔子家語, «Домашние поучения Конфуция»); «Рикуто:» (六韜, «Шесть секретных учений» — один из семи классических китайских военных трактатов); «Санряку» (三略, «Три стратегии [Хуан Ши-гуна]») — еще один из семи классических военных трактатов; «Дзё:ган сэйё:» (貞觀政要, «Управление государством времени Чжэньгуань [627—649]»); «Экикё:» (易經, «И-цзин» — «Книга перемен»); «Ситисё» (七書, «Семь сочинений [о военном искусстве]») и некоторые другие.

Илл. 3. Разворот книги «И-цзин» (1605). Издание Фусимихан.

Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/2543692> (дата обращения: 12.12.2025).

Для изданий Фусимихан Токугава Иэясу заказал изготовление деревянных литер, которые, согласно записям храма Энко:дзи, были переданы храму вместе с коллекцией книг. Часть этого шрифта в количестве 52 320 литер и сейчас хранится в храме Энко:дзи.

Илл. 4. Разворот книги «Гунсё тию:» (1616). Издание Суругахан.

Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/2606838> (дата обращения: 12.12.2025).

Вторым наборным шрифтом, выполненным по приказу Токугава Иэясу, является металлический наборный шрифт изданий Суругахан. Изготовление металлического шрифта было для Токугава Иэясу своеобразным символом его могущества.

Историческим источником информации о шрифте Суруга является дневник монаха школы Риндзай по имени Исин Судэн (1569—1633) «Хонко:кокуси никки» (本光国師日記, «Дневник Хонко: Кокуси», Хонко: Кокуси — посмертное имя Исин Судэн). Общее количество отлитых литер оценивается приблизительно в 110 000. Литье производилось трижды между 1606 и 1616 г. Техника литья была той же, что и при литье медных монет (технические подробности литья см. [Момосэ web.]).

Металлическим шрифтом Суруга были напечатаны две работы: «Дайдзо: итирансю:» (大藏一覽集, «Взгляд на Большую колесницу») в 1615 г. и «Гунсё тию:» (群書治要, «Основы управления по письменным текстам») в 1616 г.

Наканиси Ясухито, сравнивая издания «Косикэго:» (Фусимихан) и «Гунсё тию:» (Суругахан) приходит к выводу, что издание Фусимихан по качеству выше, чем издание Суругахан [History... 2020, p. 117—119].

Металлический шрифт Суругахан частично сохранился, сейчас он принадлежит полиграфической компании Топпан (Toppan Printing) и находится в Музее печати в Токио.

Мода на печать с подвижных литер

В самом конце XVI — первой четверти XVII в. возникла своеобразная мода на печатанье книг подвижными литерами. Дэвид Чиббетт характеризует участников книгоиздательского процесса так: «Помимо официальной печати, существовало еще три категории, которые полагались на подвижные шрифты: частная печать, осуществлявшаяся в буддийских храмах за счет богатого спонсора; буддийские тексты, печатавшиеся в храмах, как и раньше, но с использованием подвижных шрифтов вместо традиционных методов или наряду с ними; частная печать, осуществлявшаяся на коммерческой основе. Сам факт того, что подвижный шрифт был ввезен из Кореи, естественно, дал официальным кругам возможность использовать его первыми, однако храмы следовали за ними вплотную» [Chibbett 1977, p.72].

В этот период издавать книги с помощью подвижных литер стали даже те храмы, которые раньше печатью не занимались, в частности, храмы школы Нитирэн. В храме Хонко:кудзи были отпечатаны две первые сохранившиеся книги. В храме Ё:хо:дзи в Киото печатью занимался монах, известный по имени Ниссё: (日性, или Энти (円智), 1554—1614). Первые книги, изданные этим храмом, относятся к 1600 г. Это «Хоккэгэнки» (法華驗記, Записи о чудесах “Лotosовой сутры”) и «Вакан ко:то: хэннэн го:ундзу» (倭漢皇統編年合運図, «Сравнительная хронология императорских правлений в Японии и Китае»). «Сравнительная хронология» была составлена самим Ниссё: и является одной из первых японских

книг, которые писались «под печать». Ниссё: не раз выступал автором, редактором и комментатором тех книг, которые печатал.

Наиболее активны в печати с подвижных литер оказались те храмы, которые и раньше занимались книгопечатанием: храмы школы Тэндай на горе Хиэй и школы Сингон на горе Коя.

О книгоиздательской деятельности храмов Хиэй имеются записи в дневнике придворного Фунабаси Хидэката (1575—1614) «Кэйтё: никкэнроку» (慶長日件録, «Поденные записи событий годов Кэйтё:»). Дневник рассказывает о 1604—1607 гг. По записям понятно, что храмы печатали буддийские тексты, а также китайскую классику. За соответствующими рукописями храмы обращались, в том числе, и к автору дневника — Фунабаси Хидэката [Kornicki 2025, p.27].

Одним из крупных книгоиздательских проектов второй четверти XVII в., который выполнялся печатью подвижными литерами, была публикация сочинений буддийского канона «Трипитаки» (*иссайкё*; 一切経). Проект осуществлялся под руководством видного представителя буддийской школы Тэндай монаха Тэнкай, а спонсировал его сёгун Токугава Иэмицу (1604—1651). Публикация началась в 1637 г., а завершена была в 1648 г., уже после смерти Тэнкай.

Издание «Трипитаки» было самым большим издательским проектом, печатавшимся подвижными литерами. Количество литер, произведенных для печати, оценивается в 200 000. Частично сохранившиеся литеры находятся в храме Канъ-эйдзи в Токио (подробно о коллекции см. [Mizukami Fumiyoshi 2002]).

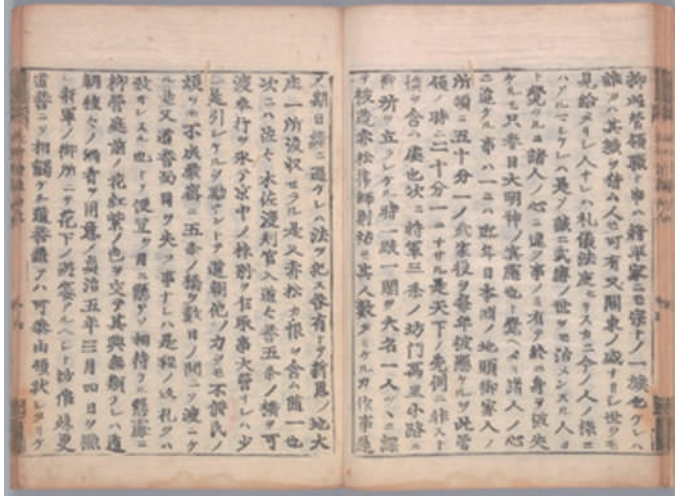
Уже с конца XVI в., вероятно под влиянием того, что книги стали выпускать «сильные мира сего» появились и книги, выпущенные частными лицами. Книгопечатанием, например, занимались известные врачи: Манасэ Гэнсаку (1549—1631), Одзэ Хоан (1564—1640), Исокава Рё:ан (1573—1661). Они вращались в самых высших кругах, были богаты, а через своих высокопоставленных пациентов могли иметь доступ к новым технологиям. В первую очередь они печатали медицинскую литературу.

Книги на японском языке. Сагабон

Большинство книг, выпускавшихся подвижными литерами, были книгами на китайском языке. Это означало, что для их издания можно использовать литеры, каждая из которых представляет собой один иероглиф. Однако для книг на японском языке было мало только фонта иероглифов, нужна была еще и кана, т. е. знаки японского слогового письма. Можно было набрать текст иероглифами и знаками *катакана* (片仮名) — *катакана-мадзири* (片仮名交じり) или иероглифами и знаками *хирагана* (平仮名) *хирагана-мадзири* (平仮名交じり).

Издание *катакана-мадзири*, это, например, «Тайхэйки» (太平記, «Повесть о великом мире»), напечатанная Исокава Рё:ан в 1603 г.

Первым изданием *хирагана-мадзири* является сочинение «Эндзю сацуё:» (延寿撮要, «Краткое изложение того, как продлить жизнь»), написанное и изданное Манасэ Гэнсаку в 1599 г.

Илл. 5. Разворот книги «Тайхэйки» (1603). Издатель Исокава Рё:ан.

Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/8943271> (дата обращения: 12.12.2025).

Илл. 6. Разворот книги «Эндзю сэцуйэ:» (1599). Автор и издатель Манасэ Гэнсаку.

Источник: Сайт электронной библиотеки университета Васэда. URL: https://www.waseda.ac.jp/kotenseki/html/ya09/ya09_00754/index.html (дата обращения: 12.12.2025).

Для записи текста книг на китайском языке (а также основной для печатных шрифтов книг на китайском языке) обычно пользуются каллиграфическим стилем *кайсё* 楷書 (кит. кай шу — уставное письмо), который окончательно сформировался в Китае в эпоху империи Тан (618—907). Японские тексты в рукописных книгах из возможных стилей — *кайсё*, *гё:сё* (行書, кит. син шу — полускоропись,

«бегущее письмо») и *со:сё* (草書, кит. цао шу — скоропись, «травяное письмо») — как правило записывались именно «травяным письмом».

Ооутида Садао поясняет две тенденции в книгопечатании подвижными литерами периода Эдо следующим образом: «В процессе печати подвижными литерами сосуществовали два течения — “китайского стиля” 漢文体 и “рукописного стиля” 書写体, каждое из которых имело свою цель. Главной целью “китайского стиля” была печать как таковая, в то время как целью печати “рукописного” шрифта, пусть и не единственной, было использование шрифта для имитации акта письма, шрифт использовался как “заменитель кисти» [Ооутида Садао 2008 с.218].

Уникальными с точки зрения использования подвижного шрифта для печати книг на японском языке являются книги Сагабон. Выпуск этих книг связан с именами купца Суминокура Соан и художника Хонъами Коэцу (1558—1637).

Кавасэ Кадзума определил круг книг, относящихся к Сагабон 13-ю наименованиями в 38-ми изданиях: «Исэ моногатари» (伊勢物語, 10 изданий); «Исэ моногатари кикигаки» (伊勢物語聞書, «Заметки к “Исэ моногатари”», 2 издания); «Гэндзи кокагами» (源氏小鏡, «Малое зеркало “Гэндзи”», 1 издание); «Ходзё:ки» (方丈記, «Записки из кельи», 2 издания); «Сэнсю:сё» (撰集抄, «Избранное», 1 издание); «Цурэдзурэгуса» (徒然草, «Записки от скуки», 5 изданий); «Кандзэрю: утаибон» (観世流語本, «Музыкальные партитуры [пьес театра Но] школы Кандзэ», 9 изданий); «Кусэмай сандзю: кёкухон» (久世舞三十曲本, «Тридцать песен к танцу кусэмай», 1 издание); «Кусэмай сандзю:року кёкухон» (久世舞三十六曲本, «Тридцать шесть песен к танцу кусэмай», 1 издание); «Син кокин вакасю: гэцуэй ута маки» (新古今和歌集月詠歌巻, «”Син кокин вакасю:” — свиток песен на тему луны», 1 издание); «Хякунин иссю» (百人一首, «Сто песен ста поэтов», 2 издания); «Сандзю:роккасэн» (三十六歌仙, «Тридцать шесть поэтических гениев», 2 издания); «Нидзю:сико» (二十四孝, «Двадцать четыре примера сыновней почтительности», 2 издания).

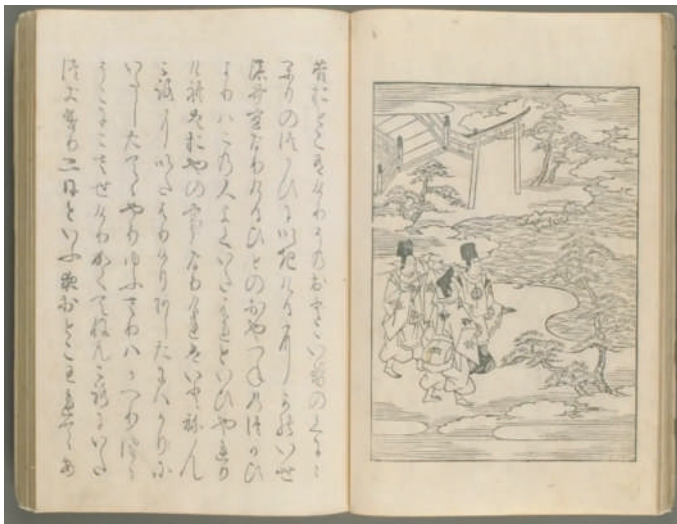
Среди изданий есть напечатанные подвижными литерами, а есть ксилографические. «Син кокин вакасю: гэцуэй ута маки», «Сандзю:роккасэн» и «Нидзю:сико:» — ксилографические издания. Также есть иллюстрированные издания. К иллюстрированным старопечатным наборным книгам относится «Исэ моногатари». Ряд исследователей, в частности Коакимото Дан, расширяют этот список, поскольку сейчас ясно, что той же печатней были изданы и другие книги (см.: [Коакимото Дан 2023]. В частности, доказано, что первой книгой, выпущенной Суминокура Соан является классическое китайское сочинение «Сики» (史記, «Ши цзи» — «Исторические записки») Сыма Цяня (145/135? — 86 до н.э.), выпущенная в 1603 г.

В приведенном выше «классическом» списке книг Сагабон — исключительно книги на японском языке, и все они были изданы этой печатней впервые. Исследователи предполагают, что почерк, на основе которого созданы книги Сагабон — это почерк Хонъами Коэцу.

Для того, чтобы текст, напечатанный подвижными литерами, был похож на рукописный, при изготовлении литер используются лигатуры, т. е. лигатура — это уже не обязательно один знак, это может быть сочетание двух, а иногда трех-че-

тырех знаков. Использование таких литер позволяет воспроизводить плавную линию переходящих один в другой знаков рукописного текста. Однако экономически такая печать себя не оправдывает. «Одним из преимуществ подвижного шрифта является его модульность, которая повышает эффективность печати за счет рекомбинации отдельных литер. Лигатуры, с другой стороны, имеют ограниченную частоту использования и, таким образом, плохо подходят для экономически эффективной печати. Чтобы сделать возможной печать знаков хирагана подвижным шрифтом, издателям пришлось закрыть глаза на этот недостаток» [Сасаки Такахиро с.194].

К сожалению, шрифт, которым набирались книги Сагабон, не сохранился.

Илл. 7. Разворот книги «Исэ моногатари» (1608). Издание Сагабон.

Источник: Сайт Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1288457> (дата обращения: 12.12.2025).

В последнее время именно на основе изучения типографики книг Сагабон и их сравнении с изданиями *кириситанхан* японские ученые приходят к выводу о возможном влиянии европейской печати на японскую (см. [Ouchida Sadao 2008; Sasaki Takahiro 2017]).

В первой половине XVII в. подвижными литерами был выпущен целый ряд художественных произведений, которые вошли в разряд *канадзо:си* (仮名草子, повести, написанные каной). Среди них — «Ураминосуке», «Ину макура» («Собачье изголовье»), «Тикусай моногатари» («Повесть о Тикусай»), «Исохо моногатари» («Повесть об Эзопе»). Издание этих произведений именно подвижными литерами Иригути Ацуси связывает с новаторским характером технологии печати подвижными литерами, с помощью которой «печатаются не только произведения, ценность которых уже определена, но и новые, достоинства которых еще не оценены» [Iriguchi Atsushi 2024, p. 228].

Преимущества ксилографии для коммерческого книгопечатания. Печать с подвижных шрифтов со второй половины XVII в. до начала эпохи Мэйдзи

Уже начиная с середины 1620-х гг. книгоиздательская отрасль стала склоняться в сторону ксилографии, а с середины века книги подвижными литерами выпускать почти перестали. Связано это в первую очередь с тем, что постепенно книгопечатание стало приобретать коммерческий характер. Общее количество выпускаемых книг становилось все больше, требовались большие тиражи, росло число читателей.

Вопрос о том, почему печать подвижными литерами оказалась вытесненной ксилографической, постоянно поднимается исследователями японской книги. В печати с подвижным шрифтом были достигнуты большие успехи, и все же эта технология была почти полностью заменена ксилографией. «Учитывая колоссальную активность книгопечатания и его распространение даже в отдаленных провинциальных городах, несколько странно осознавать, насколько недолгим был расцвет печати подвижными литерами», — пишет Матти Форрер [Fogger 1985, p. 62]. Дэвид Чиббетт считает, что «подвижный шрифт стал жертвой собственного успеха» [Chibbett 1977, p. 78].

Ксилография оказалась более удобной экономически в условиях быстрого роста книжного рынка. Возможность хранить доски долгое время и выпускать книгу по мере появления спроса на нее оказалась решающей для перехода издательств на ксилографию.

Ксилографией было легче выпускать книги на японском языке, поскольку традиционно они были записаны скорописным почерком. Желание привлечь новых читателей, которые часто были недостаточно образованы, вела к тому, что нужно было делать в тексте «подсказки», давать записанное мелкими знаками чтение иероглифа справа от него (振り仮名, *фуригана*) и специальными знаками показывать, как прочесть китайский текст по-японски (訓点, *кунтэн*). Знаки *фуригана* и *кунтэн* также было удобнее вырезать на доске, чем делать для них специальный шрифт.

Частым аргументом в пользу ксилографии является приверженность японцев к иллюстрированным книгам. Учитывая, что было немало иллюстрированных книг, напечатанных подвижными литерами, вряд ли этот аргумент можно считать основным, однако он имеет право на существование, особенно если посмотреть на поздние произведения художественной литературы, где текст и иллюстрация представляют единое целое.

Питер Корницкий в работе *Printing technologies and book production in seventeenth-century Japan* обсуждает еще один аргумент, высказанный Ооутида Садао. Ооутида Садао считает, что, возможно, печать с подвижных литер ассоциировалась с христианством, и гонения на христианство способствовали тому, что издатели не хотели использовать эту технологию из-за опасений в симпатиях к христианству. Корницкий полемизирует с этим доводом, приводя такие контраргументы: во-первых, и двор, и семья сёгуна занимались печатью с подвижного шрифта даже тогда, когда христианство находилось под запретом, поэтому труд-

но предположить, что к этому могли относиться с подозрением; во-вторых, отказ от применения печати с подвижных литер был постепенным, а не внезапным, и начался с середины 1620-х гг. (в середине 1630-х гг. его можно было бы связать с Симабарским восстанием 1637—1838 гг.); самый большой проект, который спонсировал сёгун Токугава Иэмицу, был предпринят в конце 1630-х — 1640-х гг. [Kornicki 2025, p. 43—44].

Начиная с 1650-х гг. печать с подвижных литер перестает занимать сколько-нибудь заметную долю в книгоиздании. Однако, небольшое количество наборных книг все-таки издавалось. Период изданий *кинсэй моккацудзихан* можно разделить на два периода: первый, когда таких книг выпускалось незначительное количество, и второй — с конца XVIII в., когда выпуск этих книг снова приобрел определенную популярность.

Оживление печати с подвижных литер наступает, когда в Японии появляются китайские книги серии «У ин дьянь цзюй чжэнь бань цун шу» (武英殿聚珍版叢書, яп. «Буэйдэн ситтинбан со:сё» — «Серия книг отпечатанных подвижным шрифтом Залом боевой славы»). Эта серия была выпущена по приказу пятого императора династии Цин Айсиньгоро Хунли (1711—1799, на троне 1735—1796), который правил под девизом Цяньлун. Проект был инициирован в 1773 г., и продолжался по 1803 г. В Японию книги этой серии попали в 1779 г. Первой книгой серии было сочинение под названием «У ин дьянь цзюй чжэнь бань чэн ши» (武英殿聚珍版程式, яп. Буэйдэн сю:тинбан тэйсики) — «Принципы печати подвижными литерами Залом боевой славы»). Книга представляет собой отчет о том, как готовилась печать этой большой серии, но ее можно считать и руководством, обучающим печати подвижными литерами: в книге, помимо текста, имеются и рисунки, подробно поясняющие процесс изготовления литер и печати. В названии серии есть слово *сю:тин* (聚珍), которое можно перевести как «собранные сокровища». Вслед за китайским, в японский язык слово *сю:тинбан* (聚珍版) вошло как обозначение печати подвижным шрифтом [Kornicki 1998, p.159; History...2020, p. 153].

Нишей печати подвижным шрифтом остается в это время малотиражная печать. В случае наличия шрифта, книгу гораздо быстрее издать набором, чем ксилографией. Немаловажным фактором для сохранения печати подвижными литерами была возможность обхода цензуры. Уже с 1620-х гг. в Японии для выпуска ксилографических книг нужно было получать разрешение гильдии издателей (правом на издание книги в эпоху Эдо было владение досками для ее печати). Печать подвижными литерами под этот закон не подпадала, поэтому такие книги могли печатать все, кто этого хотел. Правда, в 1842 г. был выпущен закон, который предписывал необходимость получения разрешения на издание наборных книг, процедура была той же, что и для ксилографических книг.

Печать с подвижных литер была, в основном, частной. Такие книги печатали или заказывали сами авторы или их окружение. Тематически книги могли быть самыми разными. Подвижными литерами клановые и частные школы издавали учебники [Nihon kotenseki... 1999, p.166]. Пользовались наборной печатью и учреждения, находившиеся в ведении сёгуната. Печать подвижными литерами осуществляли уже упомянутая ранее школа Сё:хэйдзака гакумондзё, которая пре-

вратилась в правительственную школу; медицинское учебное заведение под патронажем сёгуната Игаккан (医学館, Медицинская школа); основанный в 1856 г. институт Бансё сирабэсё (蕃書調所, Институт изучения варварских книг). Из издательств, которые на постоянной основе занимались наборной печатью, исследователи выделяют Сайсэнтэй (採撰亭) Тэцуя Дзю:бээ (Сибасаки Наофуру, ?—1835) из Сунпу (современная преф. Сидзуока) и Сю:сэйдо: (聚星堂) Сасае Бунгоро из Кисю (совр. префектура Вакаяма) [History... 2020, p. 150—156].

Заключение

Эдоское книгопечатание началось с периода эксперимента. Начиная с 1590-х гг. книги печатали в основном подвижными литерами, а не традиционной ксилографией. Однако доля наборных книг начала уменьшаться уже с 1624—1625 гг., а к середине XVII в. был завершён последний крупный проект, печатавшийся подвижными литерами — издание буддийского канона. Накано Мицутоси считает, что середина 1620-х гг. — это и есть та дата, когда можно говорить о том, что книгопечатание стало коммерческим [Nakano Mitsutoshi 1995, p. 34].

Период начался с использования вывезенных из Кореи металлических подвижных литер, однако японский металлический шрифт отливался лишь однажды и практически все наборные книги периода Эдо изданы с деревянных литер.

Подсчёт книг, выпущенных в период Эдо, очень труден по множеству причин. Многие издания не сохранились; ряд книг сохранился в очень небольшом количестве экземпляров, и они находятся в самых разных книгохранилищах; далеко не во всех книгах есть колофоны, так что их трудно датировать и т. д. Это приводит к тому, что цифры по реальному количеству изданий существенно варьируются в работах по истории книгопечатания.

На настоящий момент наиболее полным и авторитетным каталогом для периода книгоиздания с 1592 по 1658 г. является изданная в 2011 г. коллективом авторов под общей редакцией Ока Масахико книга «Эдо дзидай сёки сюппан нэнпё:» — «Хронология изданий раннего периода Эдо» [Oka Masahiko 2011]. По данному изданию общее количество старопечатных наборных книг оценивается следующим образом (поскольку точных данных каталог дать не может, я округляю числа):

- общее количество старопечатных наборных книг, т. е. книг *кокаудзихан*, составляет около 1600;
- на период Кэйтё: и Гэнна, т. е. тот период, когда старопечатные наборные книги были основной издательской продукцией, приходится порядка 550 книг. Это составляет 70 % всех изданий.

Число наборных книг для периода с середины XVII в. (*кинсэй каудзихан*) составляет приблизительно 1700 (это число исследователи дают, опираясь на каталог «Кинсэй каудзихан мокуроку» (近世活字版目録 — «Каталог изданий кинсэй каудзихан», опубликованный в 1990 году Тадзихи Икуо и Накано Мицутоси).

В общем потоке изданий периода Эдо количество книг, напечатанных подвижными литерами, исчезающе мало. Это позволяет исследователям говорить о том, что печатное дело в начале периода имело «характер элегантного хобби» [Berry 2006, p. 30], было «забавой и прихотью богатых людей» [Завадская 1986, с.44].

Однако период эдоского книгопечатания начинался именно с печати с подвижных литер, и именно печать с подвижных литер показала, что наряду с рукописной книгой может существовать книга тиражная и не только буддийская.

С книгами, изданными с подвижных литер, связаны первые издания

- светского содержания;
- на японском языке;
- японской классической литературы;
- японской новой литературы.

В японском книгопечатании этого времени обозначились многие черты, которые дальше проявлялись на всем протяжении периода Эдо:

- большинство выпускаемых книг были книгами на китайском языке;
- очень велика была доля буддийской литературы;
- печаталось много классических сочинений, как китайских, так и японских;
- многие тексты создавались специально для печати.

Технологический эксперимент начала Эдо оказался возможным благодаря авторитету императора и высших представителей самурайства, которые первыми занялись книгоизданием. Главная же причина поворота к ксилографии (при наличии целого ряда других факторов) — экономическая; ксилография оказалась более удобной для быстро растущего и плохо предсказуемого книжного рынка.

Вопрос влияния европейского книгопечатания на печать подвижными литерами в начале периода Эдо остается открытым. Сасаки Такахиро так оценивает состояние современного понимания этого вопроса: «Принятая точка зрения раньше состояла в том, что корейская технология была единственным источником печати подвижным шрифтом в Японии. Однако, поскольку изучение христианских печатных книг активизировалось в последние годы, мнение о том, что они оказали значительное влияние на японские издания, звучит все чаще» [Sasaki 2023, p. 200].

Большие книгопечатные проекты, которые предпринимали императоры, сёгуны, буддийские монастыри, не были коммерческими. Те коммерческие издания, выполненные подвижными литерами, которые принимали участие в становлении коммерческого книжного рынка, не выдержали конкуренции с ксилографией. Начиная со второй половины XVII в. печать с подвижных литер заняла нишу малотиражной некоммерческой печати.

Однако, будучи вытесненной на периферию книгоиздательской активности в период Эдо, в эпоху Мэйдзи, с приходом западной технологии книгоиздания, значительно изменившейся по сравнению с той, какой издавала в конце XVI — начале XVII в. книги Миссия иезуитов, печать с подвижных шрифтов вновь стала основной, вытеснив ксилографию.

Библиографический список

Завадская Е.В. Японское искусство книги (VII-XIX века). М.: Книга, 1986.

Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X—XIII вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. 1959.

References

Flug, K.K. (1959). *Istoriya kitaiskoi pechatnoi knigi sunskoi epokhi X—XIII vv.* [The History of the Chinese Printed Books of the Song Dynasty, 10th—13th Centuries]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Zavadskaya, E.V. (1986). *Yaponskoe iskusstvo knigi (VII-XIX veka)* [Japanese Book Art (7th—19th Centuries)]. Moscow: «Kniga». (In Russian).

* * *

Berry, M. E. (2006). *Japan in Print: Information and Nation in the Early Modern Period.* Berkeley: University of California Press.

Carter, Thomas F. (1925). *The Invention of Printing in China and Its Spread Westward.* New York: Columbia University Press.

Chibbett, David G. (1977). *The History of Japanese Printing and Book Illustration.* Tokyo, New York: Kodansha International.

Forrer, Matthi. (1985). *Eirakuya Toshiro, Publisher at Nagoya: A Contribution to the History of Publishing in 19th Century Japan.* Amsterdam: J.C. Gieben.

Fujikawa, M. (2017). Studies on the Jesuit Japan Mission. In R. A. Maryks (ed.), *Jesuit Historiography Online.* Brill. DOI: 10.1163/2468-7723_jho_COM_196472

History of Japanese Printing and Culture (2020). Ed. by Printing Museum, Tokyo, Toppan Printing Co. Tokyo: Printing Museum.

Iriguchi, Atsushi. (2024). Edo no shuppan bunka: kokatsujihan o chūshin ni [Publishing Culture in the Edo Period: Focusing on Kokatsujihan]. *Hon—katachi to bunka: kotenseki, kindai bunken no mikata, tanoshimikata* [Books: Form and Culture — Ways of Looking at and Enjoying Old and Modern Books] (pp. 216—235). Ed. by the National Institute of Japanese Literature (Kokubungaku Kenkyū Shiryōkan). Tokyo: Benseisha. (In Japanese).

Kawase, Kazuma. (1937). *Kokatsujihan no kenkyū* [Research on Kokatsujihan]. Fuzu. 2 vol. Tokyo: Anta bunkō. (In Japanese).

Koakimoto, Dan. (2023). Sagabon to wa nani ka [What Are Sagabon]. *Kokuritsu kokkai toshokan geppō* [National Diet Library Monthly Bulletin], 7/8, 747—748. (In Japanese).

Konta, Yōzō. (1977). *Edo no hon'ya san. Kinsei bunka shi no sokumen* [Edo Publishing Houses in the Aspect of the History of Modern Time Culture]. Tokyo: Nihon hōsō shuppan. (In Japanese).

Kornicki, Peter. (1998). *The Book in Japan. A Cultural History From the Beginning to the Nineteenth Century.* Leiden, Boston, Köln: Brill.

Kornicki, Peter. (2008). Books in the Service of Politics: Tokugawa Ieyasu as Custodian of the Books of Japan. *Journal of the Royal Asiatic Society*, Third Series, 18 (4), 71—82.

Kornicki, Peter. (2025). *Printing Technologies and Book Production in Seventeenth-Century Japan.* Cambridge: Cambridge University Press.

Mizukami, Fumiyoshi. (2002). Tenkaiban issaikyō mokkatsuji no tokushoku [Characteristics of Wooden Movable Type of Tenkai Edition of Complete Buddhist Scriptures]. *Indogaku bukkyōgaku*, 51 (1), 209—213. (In Japanese).

Momose, Hiroshi. *Suruga ban dōkatsuji — sono rekishiteki gijutsuteki yurai no tansaku* [Suruga Copper Type: Exploring Its Historical and Technical Origins]. Retrieved from https://umdb.um.u-tokyo.ac.jp/dkankoub/publish_db/1996Moji/05/5100.html. (In Japanese).

Nakano, Mitsutoshi. (1995). *Edo no hanpon: shoshigaku dangi* [Woodblock Printed Books of the Edo Period: A Bibliological Approach]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Nihon kotenseki shoshigaku jiten. (1999) [Bibliological Dictionary of Old Japanese Books]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Oka, Masahiko, et al. (2011). *Edo jidai shoki shuppan nenpyō: Tenshō jūkunen — Meireki yonen* [Chronology of Publishing in the Early Edo Period: 1592—1658]. Tokyo: Bensei Shuppan.

Ouchida, Sadao. (2008). “Kirishitanhan” ni “kokatsujihan” no rūsū o saguru [Exploring the Roots of the “kokatsujihan” Edition in the “Kirishitanhan”]. *Nihon insatsu gakkai shi*, 45 (4), 210—219. (In Japanese).

Sasaki, Takahiro. (2017). Kirishitanhan kokujihon no zōhon ni tsuite: hiragana kokatsujihon to no hikaku o tsūjite [Characteristics of Christian Publications Printed in Japanese Characters: Compared to Japanese Old Movable-Type Printings]. *Shidō bunko ronshū*, 51, 33—61. (In Japanese).

Sasaki, Takahiro. (2023). Manuscript Features of Early Japanese Movable Type Books. On the Intersection of Eastern and Western Typesetting Techniques. In Sylvia Brockstieger and Paul Schweitzer-Martin (eds.), *Between Manuscript and Print. Transcultural Perspectives, ca. 1400—1800* (pp. 187—207). Berlin, Boston: De Gruyter.

Sohn, Pow-key. (1982). *Early Korean Typography*. Seoul: Po Chin Chai Co. Ltd. (In Korean, Japanese, and English).

Поступила в редакцию: 13.08.2025

Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 13 August 2025

Accepted: 26 January 2026

Н.А. Францева

Психиатрическая помощь в Японии: от изоляции к инклюзии?

Аннотация. В данной статье проводится ретроспективное исследование институционального развития системы психиатрической помощи в Японии. Рассматриваются этапы становления психиатрической службы, начиная с ранних законодательных актов XX в., развития госпитальной сети, а также изменения в методах госпитализации и социальной поддержки пациентов с психическими расстройствами. Исторический обзор, построенный на основе статей японских исследователей, включает анализ законодательной базы, связанной с проблематикой людей с психиатрическими расстройствами. Законодательные акты также привлекаются с целью исследования концептуального оформления восприятия людей с психиатрическими расстройствами в рамках государственного дискурса, выявляется связь с концептом «нечистоты» с одной стороны и «угроза общественной безопасности» с другой. Анализ выявляет как стремление государства к гуманизации практик в отношении лиц с психическими расстройствами, так и их объективизацию. Изменение данной парадигмы произошло только в XXI в. Необходимо отметить важность исследования экономического измерения, которое повлияло на формирование системы психиатрических больниц, демонстрирующей большую инерцию и ригидность в период реформирования. В связи с этим работа включает исследование экономического фактора, повлиявшего на становление системы оказания психиатрической помощи и современные ограничения экономического характера, которые влияют на реформирование системы, источником здесь служат статистические данные Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии. Также данные, приведенные на официальном сайте Министерства здравоохранения, использованы для анализа реформ системы психиатрической помощи, начатых в 2004 г. Заключительная часть работы посвящена исследованию данных реформ и современного состояния системы оказания психиатрической помощи Японии. Рассмотрены перспективы развития психиатрической помощи с учетом демографических тенденций и современных общественных требований. Проведено системное обобщение историко-правовых и социокультурных аспектов развития психиатрической помощи в Японии, с акцентом на современные вызовы и направления реформ в контексте увеличения продолжительности жизни и старения населения.

Ключевые слова: Институты оказания психиатрической помощи, система психиатрической помощи, старение населения, стигматизация, Япония.

Автор: Францева Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета (адрес: 454014, Челябинск, ул. Ворошилова, 4а). ORCID: 0009-0009-3655-4084. E-mail: chaika_06@inbox.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Францева Н.А. Психиатрическая помощь в Японии: от изоляции к инклюзии? // Японские исследования. 2026. № 1. С. 149—170.
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-149-170.

N.A. Frantseva

Mental health care in Japan: From isolation to inclusion?

Abstract. This article presents a retrospective study of the institutional development of Japan's psychiatric care system. It examines the stages of the establishment of psychiatric services, beginning with the early legislative acts of the 20th century, the development of the hospital network, as well as changes in hospitalization methods and social support for patients with mental disorders. The historical overview, based on Japanese researchers' articles, includes an analysis of the legislative framework related to issues concerning people with mental disorders. These statutes are further examined to explore how the state discourse frames the perception of affected individuals, revealing a connection to the concept of “impurity” on the one hand and “public danger” on the other. This reveals both the state's efforts to humanize treatment for those with mental disorders and their persistent objectification. A paradigm shift occurred only in the 21st century. The study highlights the importance of the economic dimension that influenced the formation of the psychiatric hospital system, which exhibits significant inertia and rigidity during the reform process. Therefore, the work includes an investigation of the economic factors that affected the establishment of the psychiatric care system and the contemporary economic constraints influencing its reform; statistical data from the Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan serve as the source. Additionally, data from the Ministry's official website are used to analyze the psychiatric care system reforms initiated in 2004. The concluding part of the study is devoted to examining these reforms and the current state of psychiatric care in Japan. The prospects for developing psychiatric care are considered in light of demographic trends and contemporary social demands. A systematic synthesis of the historical, legal, and sociocultural aspects of psychiatric care development in Japan is provided, with emphasis on current challenges and directions for reform in the context of increasing life expectancy and population aging.

Keywords: Psychiatric care institutions, psychiatric care system, population aging, stigmatization, Japan.

Author: *Frantseva Natalia A.*, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies, Political Science, and Eastern Philosophy at the Faculty of Oriental Studies, Chelyabinsk State University (address: Russia, 454014 Chelyabinsk, Voroshilova Street, 4a). ORCID: 0009-0009-3655-4084.
E-mail: chaika_06@inbox.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Frantseva, N.A. (2026). Psikiatricheskaya pomoshch' v Yaponii: ot izolyatsii k inklyuzii? [Mental health care in Japan: From isolation to inclusion?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 149—170. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-149-170.

Введение

Среди развитых государств Япония находится на лидирующих позициях как по количеству мест в больничных психиатрических стационарах, так и по длительности пребывания больных с психиатрическими расстройствами на 100 тыс. жителей. С одной стороны, это может говорить о доступности психиатрической помощи для населения, а с другой — может быть как свидетельством стигматизации такого рода пациентов и исключения их из общества, так и примером банального финансового интереса. В целом в современной психиатрии наметился устойчивый тренд к сокращению пребывания пациентов в больничных учреждениях, поскольку их содержание возлагает дополнительные экономические затраты на систему здравоохранения, а также приводит к утрате навыков самостоятельной жизни. Правительство Японии на протяжении последних двадцати лет проводит политику, направленную на сокращение пребывания больных с расстройствами психики в специализированных учреждениях, однако данные меры дают очень ограниченный эффект.

Стоит отметить тот факт, что с 2000-х гг. власти Японии активизировали свою деятельность в отношении целого ряда проблем, связанных с психическим здоровьем нации, привлекая как передовой мировой опыт, так и разрабатывая собственные программы, учитывающие страновую специфику. В докладе, опубликованном на портале ВОЗ, *Suicide prevention in Japan: a public health priority* (Предотвращение самоубийств в Японии: здоровье общества в приоритете) особо подчеркивается позитивная динамика. Если в 1990-х гг. данная тема была полностью табуирована в общественном дискурсе то уже к 2020 г. была создана специальная государственная организация, целью которой стали изучение и внедрение практик сокращения случаев суицида, был увеличен бюджет, направленный на проекты по этой тематике и созданы муниципальные органы, работающие с проблемой суицида [Suicide prevention..., URL]. Таким образом, можно отметить волю государственных органов решать проблемы, связанные с психическим здоровьем общества, в русле современных общемировых тенденций, основанных на идеях гуманизма и инклюзии.

По данным за 2023 г. всего в Японии насчитывается 318 921 психиатрическое койко-место [Iryō shisetsu..., p. 12], в 2002 г. таковых было 357 385 [Seishin byōshō-sū..., URL]. Сокращается и средняя продолжительность пребывания в стационаре: в 2023 г. она составила 290,4 дня [Kanjā chōsa no gaikyō 2023, p. 30], против 373,9 дней в 2002 г. [Seishin byōshō-sū..., URL]. Очевидна тенденция к уменьшению значений этих двух показателей, но это снижение нельзя назвать значительным. Причины таких умеренных изменений также вызывают вопросы. Связано ли это с недостаточностью усилий по изменению самой формы предоставления психиатрической помощи, либо негативное влияние оказывает отношение общества к больным с психиатрическими расстройствами, либо же это следствие той нагрузки, которую в целом испытывает система здравоохранения в связи с возрастающим количеством возрастных пациентов. Согласно уже упомянутому выше отчету, пациенты в возрастной когорте 60—90 лет чаще обращают-

ся за помощью и дольше остальных возрастных групп находятся в медучреждениях [Kanja chōsa no gaikyō 2023, p. 4, 29].

Также нужно отметить, что количество мест для амбулаторного психиатрического лечения поступательно росло в Японии с 1960-х до конца 1990-х гг., и только в начале этого века наметилась тенденция к снижению. То есть для сокращения длительности пребывания пациентов в лечебных учреждениях необходимо изменить саму логику системы, выстраиваемой до этого десятилетиями. Поэтому здесь важно будет обратиться к истории ее формирования.

Система стационарной психиатрической помощи в Японии: историческая ретроспектива

В начале XX в. структура оказания медицинской помощи психическим больным находилась в зачаточном состоянии и не могла покрыть нужды общества. Методы европейской психиатрии начинают постепенно внедряться в практику с периода Мэйдзи, но на начало XX в. основным методом лечения оставалась изоляция. В этом случае больные содержались в домах своих семей в так называемых *дзасики-ро* (座敷牢) — небольшом, огороженном деревянной решеткой помещении. Несомненно, условия содержания были весьма суровыми. На это обратил внимание профессор психиатрии Токийского университета Курэ Сюдзо (呉 秀三), который проводил исследование, посвященное быту и лечению больных с психиатрическими расстройствами. По итогам данного исследования автор выпустил в 1918 г. доклад, в котором резюмировал, что «сотни тысяч пациентов в нашей стране страдают не только от терзающего их душевного расстройства, но уже и от того, что имеют несчастье родиться с этим расстройством в нашей стране» (цит. по [Kanata T. 2016, p. 476]).

Обеспокоенность специалистов-психиатров не прошла незамеченной, и в 1919 г. был выпущен закон о психиатрической помощи, однако его реализация оказалась далека от идеальной. На протяжении всего предвоенного периода сохранялся высокий процент частного, домашнего содержания больных с психиатрическими расстройствами. Так, в таблице, приведенной в работе Уцуномия Минори, охватывающей период с 1909 по 1935 г., процент больных, которым требуется опека и которые содержатся частным образом (в большей степени в частных домах своих семей), колеблется от 60 % в начале периода до 40 % к его окончанию [Utsunomiya Minorī 2011, p. 6]. В целом предвоенный период характеризуется тем, что ответственность за содержание больных с психиатрическими заболеваниями была возложена на их семьи и родственников, а государственные инициативы по изменению такого положения не могли быть реализованы в связи с отсутствием финансирования. В 1919 г., когда был утвержден закон, касающийся психиатрических больниц, на подобные больницы не было заложено ни одной статьи в государственном бюджете, вместо этого было выделено 30 тыс. иен в качестве годовой субсидии частным больницам, которые могли оказывать услуги по содержанию психиатрических больных [Utsunomiya Minorī 2011, p. 16]. Военные действия в Маньчжурии, а позднее и на Тихом океане сместили фокус

государственного внимания на военный сектор и вопросы внешней политики, поэтому дальнейшее развитие системы по работе с пациентами с психиатрическими расстройствами относится уже к послевоенному периоду.

Послевоенная система оказания помощи психиатрическим пациентам формировалась под влиянием американской администрации. В 1950 г. японское правительство предпринимает вторую попытку ухода от частного содержания больных. Запрещается практика *дзасики-ро*, а на префектуры возлагается обязанность по устройству психиатрических лечебниц. Однако реализация данной программы, как и закона 1919 г., вновь сталкивается с недостаточным финансированием.

Необходимо отметить следующее: несмотря на то, что Япония — унитарное государство, префектуры наделены большими полномочиями и относительно самостоятельными бюджетами, которые, однако, очень разнятся от префектуры к префектуре и от муниципалитета к муниципалитету. Соответственно, те префектуры, которые не имели средств к созданию государственных больниц, привлекали к этой работе частные клиники, субсидируя их работу. С одной стороны, это заложило основу для активного роста сети клиник, но с другой — создало условия, при которых клиникам финансово выгодно длительное содержание пациентов.

Национальное исследование положения лиц с психическими расстройствами 1954 г. выявило 1,3 миллиона человек, страдающих тем или иным типом расстройства, из которых 340 тыс. нуждались в госпитализации [Seishin igaku kenkyū..., p. 6]. По данным на 1953 г. более 90 % расходов на лечение психиатрических больных приходилось на их содержание в больничных учреждениях [Shinohara Fumio 2024, p. 266].

Поскольку еще выпущенное С. Курэ в 1918 г. исследование показало, что домохозяйства с меньшим доходом демонстрируют худшее обеспечение ухода за людьми с психиатрическими расстройствами [Utsunomiya Minoru 2011, p. 7], государство предприняло попытку облегчить финансовое бремя госпитализации психиатрических пациентов. С этой целью были введены два типа госпитализации, при которых ее оплата финансировалась государством и префектурами. Первый тип: субсидируемая госпитализация (医療扶助入院, *ирё: фудзё ню:ин*), которая предполагала, что пациент добровольно поступает на лечение, но в связи с тяжелым экономическим положением его домохозяйства, госпитализация субсидируется государством. Второй — принудительная госпитализация (措置入院, *сотти ню:ин*), которая применялась к пациентам, представляющим опасность для себя или окружающих из-за своих психических заболеваний. Если второй тип был связан с психиатрическими пациентами, то первый применялся не только по отношению к ним, но и к ряду других социально значимых заболеваний, таких как туберкулез, например. Однако если количество больных туберкулезом, госпитализированных по программе субсидируемой госпитализации в течение 1950-х гг., уменьшалось, субсидируемая госпитализация психиатрических больных только росла. Более того, в связи с недостаточным финансированием принудительной госпитализации, часть пациентов, которые были фактически госпитализированы принудительно, были оформлены как поступившие добровольно в рамках программы субсидированной госпитализации. Такое изменение позволя-

ло снизить нагрузку на бюджеты префектур, поскольку субсидируемая госпитализация оплачивалась центральным бюджетом на 80 %, а принудительная только на 50 % [Shinohara Fumio 2024, p. 266—267].

Уже в первой половине 1950-х гг. Отдел опеки комиссии по социальным вопросам в целях оптимизации медицинских расходов выступил с инициативой изменить форму пребывания пациентов в психиатрических больницах. Так, в отношении пациентов с хроническими случаями, когда они уже не получают специфического лечения, предполагался их перевод в иные учреждения, обеспечивающие уход. Однако против таких нововведений выступило медицинское сообщество, в частности, представители Японской ассоциации психиатрических больниц. Их позиция могла быть продиктована как опасением потери финансирования, так и опасением того, что при выписке больные не смогут получить необходимый уровень помощи, а выписка пациентов, многие из которых были одиночками, могла усугубить их состояние. Необходимо отметить и тот факт, что уже в 1950-х гг. государство предпринимало попытки сократить время госпитализации и изменить институциональную форму оказания психиатрической помощи. Но попытка поменять учреждения лечения на учреждения социальной защиты не увенчалась успехом.

С 1952 по 1955 г. Отдел опеки выдвигал планы по созданию больниц первого и второго типа, где больницы первого типа проводили бы лечение, а больницы второго типа обеспечивали бы только сестринский уход, были бы дешевле в содержании и фактически соответствовали бы приютам по образцу немецких (по заявлению главы отдела Куроки Тосио) [Shinohara Fumio 2024, p. 270]. В 1956 г. в бюджет была включена субсидия, направленная на стимулирование строительства организаций социальной помощи (救護施設, *кю:го сисэцу*), которые бы оказывали услуги длительного ухода и поддержки для лиц с ограничениями. Субсидия была предоставлена шести учреждениям вместимостью по 50 человек [Shinohara Fumio 2024, p. 271]. При этом основное бремя финансирования легло на муниципалитеты и префектуры, а основная часть государственной поддержки была направлена на развитие системы оказания экстренной помощи (緊急救護施設, *кинкю: кю:го сисэцу*). Данный факт, а также отрицательное отношение к этой идее профессионального медицинского сообщества предопределил неразвитость данной структуры. Основной причиной таких нововведений было стремление правительства сократить государственные расходы на медицину. Речь шла не о возвращении таких пациентов в социум, а о продолжении их изоляции, но эта изоляция должна была стать более экономной.

Послевоенное восстановление экономики и ее последующий рост позволили увеличить государственные расходы на социальную сферу, в том числе и на медицину. В 1960-х гг. правительство увеличило финансирование как строительства новых больниц (больниц разного профиля, не только психиатрических), так и улучшения оснащения существующих, но в основном это касалось расширения системы учреждений, оказывающих экстренную помощь. С одной стороны, данные меры позитивно сказались на развитии системы здравоохранения и повышении ее доступности для населения. Однако вместе с тем увеличение субсидирования коснулось и принудительной психиатрической госпитализации по ад-

министративному предписанию. Выше мы уже отмечали, что принудительная госпитализация страдала от недостатка финансирования; пытаясь решить данную проблему правительство ввело восьмидесятипроцентное субсидирование из центрального бюджета, что повлияло на рост числа госпитализированных принудительно. В 1957 г. было зарегистрировано 8455 случаев принудительной госпитализации, а после введения субсидии в 1964 г. — 62 719 случаев. Также за указанный период произошло увеличение коечного фонда в психиатрических больницах более чем в два раза [Kanata Т. 2016, р. 478]. Для стимулирования развития этой сферы государством применялось как субсидирование, так и снижение кадровых стандартов для обслуживающего персонала.

Если рост числа коек в 1950-х гг. объясняется самым созданием системы и запретом на домашнее содержание, то резкий рост количества мест в психиатрических больницах в 1960-е гг. связан с рядом факторов.

Возможно, не самым важным, но, несомненно, повлиявшим на отношение к психиатрическим пациентам, стало событие 1964 г., когда посол США получил ножевое ранение вследствие нападения человека с психиатрическим заболеванием [Seishin igaku kenkyū..., р. 6].

Однако только один инцидент не смог бы полностью повлиять на формирование огромной системы содержания психиатрических пациентов в специализированных клиниках. Тут сказались и иные факторы. В уже упоминавшейся выше работе Т. Каната приведено два основных фактора, в свое время сформировавших такое положение в японской психиатрии. Первый — это стремление государства любой ценой обеспечить общественный порядок и безопасность, что объясняется автором стремлением японцев к гармонии. А второй — это экономический рост Японии 1955—1973 гг., который, с одной стороны, обеспечил государству возможность финансирования растущего сектора больниц, а с другой — требовал высвобождения рабочих рук и выхода на рынок труда тех, кто был занят в уходе за родственниками [Kanata, Т. 2016]. Кроме того, размещение психиатрических клиник в сельской местности позволяло обеспечивать занятость населения.

Данный тип размещения преобладает до сих пор. По абсолютному количеству психиатрических учреждений лидируют такие густонаселенные районы Японии, как агломерация Токио (48), преф. Канагава (46), преф. Сайтама (46), городской район Осака (39). Но в относительных числах (количество больниц на 100 тыс. жителей) в лидерах находятся префектуры, расположенные на окраинах страны, на островах Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, в районе Тюгоку, при этом в центре страны в развитых районах Канто и Кансай соотношение гораздо ниже (рис. 1). При этом Хоккайдо и префектура Фукуока лидируют и по абсолютным значениям.

К 1980-м гг. в Японии была сформирована частно-государственная система специализированных психиатрических больниц, а также клиник, неспециализированных, но способных оказывать психиатрическую медицинскую помощь. Активное субсидирование данной сферы позволило сделать психиатрическую помощь доступной. При этом проблемы с определением критериев выписки, а также нерешенные вопросы реабилитации и возвращения в социум, привели к

Рис. 1. Тепловая диаграмма распределения психиатрических клиник относительно количества населения по префектурам.

Источник: составлено автором по System of Social and Demographic Statistics/Statistical Observations of Municipalities 2025/Basic Data. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&query=%E9%83%BD%E9%81%93%E5%BA%9C%E7%9C%8C%E5%88%A5%E7%B2%BE%E7%A5%9E%E7%A7%91%E7%97%85%E9%99%A2%E6%95%B0&sort=year_month%20desc&layout=dataset&stat_infid=000040283818&metadata=1&data=1 (дата обращения: 25.10.2025).

увеличению сроков госпитализации. Стремясь снизить расходы, власти размещают больницы в менее урбанизированных районах, а требования к персоналу снижаются. Кризис в данной системе, выветивший ее слабые места, разразился в 1984 г. и стал известен под названием «скандал в Уцуномия». Тогда широкой общественности, в том числе и мировой, стали известны факты издевательства над пациентами психиатрической больницы Уцуномия. Под давлением Международной комиссии юристов и комитета ООН по защите меньшинств было начато государственное расследование. Однако в поле зрения СМИ и ранее попадали одиозные случаи нарушений в отношении психиатрических пациентов. Так, журналист Окума Кадзуо стал известен в первую очередь благодаря своей деятельности по защите прав пациентов с психиатрическими расстройствами и своими репортажами, освещающими нарушения в отношении последних. Первое его расследование «Репортаж: Психиатрическое отделение» вышло в 1973 г., на десять лет раньше скандала в Уцуномия, а второе расследование было обнародовано в 1985 г. — «Новый репортаж: Психиатрическое отделение». После того как в 1984 г. были расследованы факты издевательства над пациентами психиатрической больницы Уцуномия, в 1987 г. вышел обновленный закон «О психическом здоровье» (精神保健法, *сэйсин хокэн-хо*), где особое внимание уделялось соблюдению прав людей с психическими расстройствами. Однако данная проблема не решена по сей день, существуют академические и журналистские исследования, посвященные теме нарушения прав пациентов в психиатрических

учреждениях [Inoue Riko 2024, p. 1]. Например, в 2023 г. телекомпанией NHK был снят документальный фильм «Репортаж: Выписка после смерти — темная сторона психиатрической помощи» (ルポ 死亡退院～精神医療・闇の実態～, Рупо сибо: тайин. Сэйсин ирё: Ями-но дзиттай) [Inaba Tsuyoshi 2023]. Название и тема данного фильма отсылают к журналистским расследованиям Окума Кадзуо, что только подчеркивает незначительность изменений за последние пятьдесят лет, прошедшие с публикации первого «Репортажа».

Законодательные акты, касающиеся больных с психиатрическими расстройствами

В регуляторных документах периода Мэйдзи и ранней эпохи Тайсё люди с ярко выраженными психиатрическими нарушениями воспринимались исключительно как объекты воздействия и контроля. В отношении таких людей использовался термин «癡狂人» (*тэнкёджин*), что буквально значит «сумасшедший». При этом М. Уцуномия в своей работе отмечает одиозное соседство параграфов, связанных с людьми с психиатрической симптоматикой, с такими, которые отбрасывают на первых неблагоприятный ответ. Так, в «Руководстве для службы надзора за порядком в Токио» 1872 г. сумасшедшие упомянуты в соседстве с бешеными животными, а в «Годовом докладе Гигиенической службы» за 1916 г. параграф, посвященный психиатрическим больным, помещен в раздел «Служба здравоохранения» рядом с параграфами «Чистка загрязнений», «Убой скота», «Похороны», «Отравление» [Utsunomiya Minoru 2011, p. 5]. То есть, данная тематика оказывается связанной с ритуальной или физической нечистотой, что может как формировать, так и отражать общественное мнение по данному вопросу.

В начале XX в. законодательная инициатива модернизирующейся Японии была обращена к регулированию положения уязвимых категорий граждан. В 1900 г. стартовал процесс обсуждения законопроекта «Об опеке и попечительстве в отношении несовершеннолетних и недееспособных категорий населения» (監護法案審議過程, *канго: хо:ан синги катэй*). В рамках данной инициативы был поднят вопрос и о людях с психическими расстройствами, что было несомненно позитивно, поскольку вывело данную тему в поле обсуждения специалистов различных направлений — от медицины до юриспруденции. При этом, несмотря на общий тренд на гуманизацию обращения, государство видело в людях с психическими расстройствами угрозу для общества как с точки зрения нарушения ими общественного порядка, так и как источник дурной наследственности [Utsunomiya Minoru 2011, p. 17], что, впрочем, вполне согласуется с распространенными тогда идеями евгеники. Первым общенациональным нормативным актом, регулирующим положение больных с психиатрическими расстройствами, стал закон 1900 г. «О попечительстве над психиатрическими пациентами» (精神病者監護法, *сэйсин бёса кангохо:*) [Utsunomiya Minoru 2011, p. 3]. Данный закон разрешал содержание больных с психиатрическими расстройствами в частных домах или лечебных учреждениях. Ответственность за содержание возлагалась на родственников или муниципалитеты, при этом проводилось разграничение на опасных,

склонных к противоправным деяниям, и неопасных больных. По сути, была узаконена практика *дзасики-ро*, что вызвало критику со стороны общественности, поэтому в 1919 г. был принят закон «О психиатрических больницах» (*精神病院法, сэйсин бё:инхо:*). Реализация его не была успешной в первую очередь в связи с финансовым вопросом. Дискуссия о создании системы психиатрических больниц, развернувшаяся в Парламенте и профильных комитетах в 1910-х гг., не рассматривала пациентов с психиатрическими расстройствами как субъектов в данном вопросе, а концентрировалась на том, как данная система будет способствовать поддержанию общественного порядка. Такого рода пациенты рассматривались как носители неблагоприятной наследственности, а следовательно, и как угроза государственному благополучию [Utsunomiya Minoru 2011, p. 9—10].

В послевоенный период под влиянием оккупационной администрации в Японии принимаются законодательные акты, на долгие годы вперед сформировавшие систему социального обеспечения. В 1947—1950-х гг. выходят законы, касающиеся социальной поддержки детей, инвалидов, а также иных категорий населения, пострадавших вследствие военных действий. В 1960-х гг. данные законы были дополнены актами, которые касались поддержки людей с нарушениями интеллекта, матерей с детьми и вдов, пожилых. При этом люди с ментальными нарушениями рассматривались как объекты помощи не социальной, а исключительно медицинской.

Так, в 1950 г. был принят закон «О психической гигиене» (*精神衛生法, сэйсин эйсэй-хо:*), который, в частности, запрещал практику частного содержания больных в *дзасики-ро*, и вместо этого предписывал создание психиатрических больниц в каждой префектуре. Несмотря на стремление к гуманизации опеки над людьми с психиатрическими расстройствами, в рамках этого же закона они рассматривались как предрасположенные к совершению преступлений, что способствовало усилению изоляционных практик [Kirihara Naoyuki 2021, p. 111]. Кроме того, закон того же года «О социальной защите» (*社会保障法*) вводит госпитализацию за государственный счет в психиатрические больницы для лиц, которые не в состоянии сами себя обеспечивать [Shinohara Fumio 2024, p. 265]. По данным за 1950, 1951 и 1959 г. около 50 % госпитализированных были госпитализированы при этой финансовой поддержке государства [Shinohara Fumio 2024, p. 266].

Присутствующее в названии закона словосочетание «психическая гигиена» может восприниматься, с одной стороны, нейтрально, а с другой — как негативно маркированное, поскольку в традиционном сознании японца высокую ценность имеет понятие чистоты вообще и ритуальной чистоты в частности. Таким образом, мы можем говорить о сохранении в общественном сознании восприятия психиатрических больных как нечистых, то есть, в понятиях закона, нарушивших психическую гигиену. В пользу такой трактовки говорит и тот факт, что при пересмотре закона в 1987 г. было изменено и его название на закон «О психическом здоровье».

Реформирование законодательной базы, касающейся людей с психическими расстройствами, проходило в атмосфере накаленной общественной дискуссии. После журналистских расследований и скандала в больнице Уцуномия, где были убиты двое пациентов, к положению пациентов в психиатрических больницах

было привлечено внимание не только внутри страны, но и за ее пределами. Так, развитию дискуссии на государственном уровне способствовали запросы от международной неправительственной организации Международная комиссия юристов, результаты работы которой были представлены в подкомитет ООН по защите прав меньшинств, который также контролировал развитие данной дискуссии. При этом среди заинтересованных сторон внутри страны не было единства по отношению к пересмотру закона. Часть групп восприняли пересмотр позитивно. Среди таких организаций были Национальная федерация семей лиц с психическими заболеваниями, которая сконцентрировалась на развитии реабилитационных учреждений, и Японская федерация ассоциаций адвокатов, к сфере их интересов относилась разработка критериев по госпитализации и выписке. Другие группы, в частности Национальная ассоциация лиц с психическими расстройствами, выступали с резкой критикой пересмотра закона «О психической гигиене» и требовали его полной отмены, поскольку он, с их точки зрения, был дискриминационным по своей сути и стимулировал практики стигматизации и принудительной госпитализации [Kiri-hara Naoyuki 2021, p. 110]. Кроме того, заявления данной организации свидетельствуют о наличии недоверия к профессиональным медицинским сообществам. Так, в «Письме протеста», выпущенном этой Ассоциацией в 1986 г., есть фраза: «Как вы собираетесь обсуждать права человека, объединив для этого обсуждения людей, которые сделали все для исключения «душевнобольных» из общества, и врачей, в чьих руках власть в больницах» (цит. по [Kiri-hara Naoyuki 2021, p. 121], перев. авт.). При этом дискуссия на правительственном уровне проводилась с привлечением различных групп интересов и экспертов, с проведением публичных обсуждений и круглых столов.

В переработанный закон 1987 г. «О психическом здоровье» были включены предложения тех групп, которые оказались готовы сотрудничать с государственными комитетами и Министерством здравоохранения. Были введены дополнительные меры защиты пациентов клиник: в каждой префектуре были организованы комиссии, оценивающие необходимость принудительной госпитализации и методы лечения. Кроме того, вводилось обязательство по учреждению институций реабилитации. Но, несмотря на это, активного развития системы реабилитационных центров не произошло. Сохранилась практика социальной госпитализации, когда лечение не проводится, но выписка невозможна по социальным причинам. Активизация работы в этом направлении произошла в 2004 г., когда Министерством здравоохранения, труда и благосостояния была представлена концепция реформы, в рамках которой предполагалось отказаться от социальной госпитализации и не только создать реабилитационные учреждения, но и работать с широкими кругами общественности, информируя их о психических расстройствах, создать общественные группы помощи возвращения в социум. Однако в связи с тем, что программа не была эффективна, она пересматривалась в 2008 и в 2010 г. [Kanata T. 2016, p. 481].

Люди с психическими расстройствами были внесены в закон «Об инвалидах» (障害者基本法, *сё:гайся кихонхо*;) только в 1993 г., что дало им право на участие в программах социальной защиты. А в 1995 г. был вновь пересмотрен закон «О психическом здоровье», он получил новое наименование: «О психическом

здоровье и благополучии лиц с психическими расстройствами» (精神障害者の福祉に関する法律, *сэйсин сё:гайся-но фукуси ни кансуру хо:рицу*) или сокращенно «О психическом здоровье и благополучии». Последняя редакция данного закона доступна на 1 июня 2025 г. В настоящее время закон включает в себя статьи, касающиеся форм госпитализации, регулирующие работу больниц и лицензирования медицинского персонала. Кроме того, в главе 7 второго раздела описана форма организации и основные направления работы Центра содействия реинтеграции в общество людей с психическими расстройствами [Seishin hoken...URL].

Современное состояние: проекты, решения и противоречия

Начало XXI в. Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии встретило с большим багажом реализованных проектов, связанных с психиатрией. В этой сфере имелись как успехи, так и накопились нерешенные проблемы. Проблемы привлекли к себе внимание и международных организаций (в частности ВОЗ), и японской общественности. Кроме указанной выше проблемы длительного пребывания пациентов с психиатрическими расстройствами в стенах больниц, обращала на себя внимание проблема роста числа самоубийств [Suicide prevention in Japan...URL]. Две данные проблемы были осложнены демографической ситуацией — растущим числом возрастных пациентов. Статистика показывает, что возрастные пациенты дольше остаются на стационарном лечении [Kanja chōsa no gaikyō 2023, p. 4]. Кроме того, Япония столкнулась с ростом самоубийств среди пожилых в связи с чувством одиночества, сложностями медицинского характера, а также ростом числа двойных самоубийств среди пожилых людей [Yuhara Etsuko et al. 2016; Kōrei-sha no jisatsu no tokuchō 2006]. Однако если в решении задачи по сокращению числа самоубийств есть очевидный прогресс [Suicide prevention in Japan...URL], то реализация программы по сокращению длительности пребывания в психиатрических больницах не показывает такой же результативности. Правительственные программы, реализуемые в новом веке, демонстрируют как старые приемы, так и новые подходы.

По данным Министерства здравоохранения на 2002 г. в Японии были следующие типы учреждений реабилитации (данные учреждения предназначены не только для людей с психиатрическими расстройствами, но и для людей с ограниченными возможностями) (табл. 1).

Данную систему реабилитации, а также систему оказания психиатрической помощи предполагалось реформировать согласно с представленным в 2004 г. «Видением улучшения мер, направленных на социальное благополучие и психическое здоровье» (精神保健福祉施策の改革ビジョン, *сэйсин хокэн фукуси сисаку-но кайкаку бидзён*, далее «Видение»). «Видение» включало в себя три основных направления работы Министерства здравоохранения, труда и благосостояния: распространение знания о психических расстройствах среди граждан, изменение в сфере психологической медпомощи с целью уменьшить срок нахождения в медицинском учреждении и развитие помощи на местах. Главной целью был заявлен уход от оказания помощи преимущественно в самих лечебных учреждениях

Таблица 1. Типы учреждений реабилитации в Японии (2002 г.)

Наименование типа	Характеристика	Количество единиц
Учреждения обучения социальным навыкам (生活訓練施設, <i>сэйкацу кунрэн сисэцу</i>)	Проведение обучающих тренингов по социальной адаптации, взаимодействию, бытовым и социальным навыкам	241
Учреждения кратковременного пребывания (ショートステイ, <i>сё:то сутэй</i>)	Услуги кратковременного проживания и ухода в тех случаях, когда уход или реабилитация на дому невозможны	135
Учреждения проживания с поддержкой Тип А (福祉ホーム A型, <i>фукуси хо:му эй-гата</i>)	Предоставление жилья и поддержки в повседневной жизни людям с психическими расстройствами, которые способны работать, заключая трудовой договор	124
Учреждения проживания с поддержкой Тип Б (福祉ホーム B型, <i>фукуси хо:му би-гата</i>)	Предоставление жилья и поддержки в повседневной жизни людям, которые не способны работать по трудовому договору и нуждаются в социальной адаптации	40
Профессиональные учреждения, «мастерские» (授産施設, <i>дзюсан сисэцу</i>)	Предоставление возможности профессионального (пере)обучения и трудоустройства лицам, испытывающим сложности с трудоустройством. Такие учреждения представлены в двух подтипах:	
	Дневное пребывание	211
	Пребывание с проживанием	26
Социальные фабрики (福祉工場, <i>фукуси ко:дзё:</i>)	Предоставление трудоустройства лицам с ограниченными возможностями для адаптации через работу в социально поддерживаемой среде	15
Местные центры поддержки (地域生活支援センター, <i>тиики сэйкацу сиэн сэнта:</i>)	Широкий спектр услуг для лиц с ограниченными возможностями, который включает консультации, социальную адаптацию, поддерживающие мероприятия и помощь в самостоятельном проживании в обществе	296
Групповые дома (グループホーム, <i>гуро:пу хо:му</i>)	Небольшие жилые дома (обычно 5–9 человек), где люди с психическими расстройствами или деменцией живут совместно, получая поддержку в быту и в социальной адаптации	915

Источник: составлено автором по [Shōgai hoken fukushi-bu URL ;Seishin hoken fukushi URL]; System of Social and Demographic Statistics/Statistical Observations of Municipalities 2025/Basic Data. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&query=%E9%83%BD%E9%81%93%E5%BA%9C%E7%9C%8C%E5%88%A5%E7%B2%BE%E7%A5%9E%E7%A7%91%E7%97%85%E9%99%A2%E6%95%B0&sort=year_month%20desc&layout=dataset&stat_infid=000040283818&metadata=1&data=1 (дата обращения: 25.10.2025).

и переход к деятельности по интеграции людей с психиатрическими расстройствами в социум по месту проживания [Seishin hoken fukushi... URL]. При этом, судя по информации по данной программе, представленной на сайте Министерства, ключевым фактором в ней считалось именно развитие институций на местах, которые бы отвечали нуждам ресоциализации людей с психическими расстройствами. Таким образом, предполагалось создать новую систему, которая бы сочетала в себе медицинскую помощь и социальную реабилитацию. При этом отмечается, что в рамках нового подхода с 2006 г. будут функционировать учреждения проживания с поддержкой Тип А и местные центры поддержки. Остальные типы будут переходить к новой системе в течение более длительного переходного периода, поскольку у них требования к персоналу выше. Новый подход предполагал создание учреждений двух видов: учреждения, помогающие в самостоятельной жизни (например, помощь на дому), и учреждения поддержки жизни в обществе (куда отнесены учреждения проживания с поддержкой Тип А и местные центры поддержки, а также различные консультативные центры).

В рамках действия нового закона, принятого в 2005 г., был открыт Центр действия реинтеграции в общество людей с психическими расстройствами. К основным функциям Центра относятся информационно-просветительские и информационно-аналитические. Данная организация должна, с одной стороны, способствовать росту осведомленности о психических расстройствах в обществе в целом, а с другой — взаимодействовать с представителями бизнеса для развития реинтеграции. Центр может сам вести предпринимательскую деятельность, которая содействует социальной реинтеграции лиц с психическими расстройствами [Seishin hoken... URL]. К информационно-аналитической деятельности данного центра относятся сбор, обработка и последующее предоставление Министру информации о реинтеграции и различных практиках в этой области, существующих в Японии.

Что касается оказания именно медицинской психиатрической помощи, то «Видение» зиждилось на трех основных предпосылках: сократить число коек в психиатрических больницах, выработать прозрачные критерии определения не нуждающихся в лечении пациентов, создать прозрачную систему управления медицинскими учреждениями и условий адаптации и возвращения к жизни в обществе.

«Видение» является рамочной программой, которая должна дать общее направление для собственно практической реализации в каждой отдельной префектуре. С одной стороны, когда практическое наполнение разрабатывается «на местах», в префектурах и муниципалитетах, это позволяет сделать программу более гибкой, отвечающей запросам конкретной территории, но с другой — центральный бюджет, как это было уже ранее, перекладывает нагрузку на местные бюджеты. Так, согласно программе, национальное правительство могло субсидировать до половины суммы программ префектур, а субсидии от префектур составляли до 1/4. Но необходимо учесть и тот факт, что большинство региональных бюджетов не имеет профицита или хотя бы баланса собственных средств и расходов, в связи с чем получает регулярные субсидии и транши из центрального бюджета. Наблюдается обратная зависимость: чем более самостоятелен бюджет

префектуры, тем меньше на ее территории психиатрических больниц в относительных (относительно количества населения) цифрах. По данным, приведенным на сайте E-stat за 2021 г., на первом месте по проценту самообеспечения финансами находится агломерация Токио (76 %), следом за ней префектуры Гифу, Айти и Канагава (~54 %), городской округ Осака (52 %) [System of Social and Demographic Statistics 2021]. При этом они являются регионами с наименьшим количеством психиатрических больниц на 100 тыс. человек, как верно и обратное, что регионы с наименьшей способностью к самообеспечению за счет внутренних средств имеют больше таких учреждений в расчете на 100 тыс. человек. Еще более красноречивы были данные за 2019 г., где пятерка наиболее успешных в финансовом плане регионов: Токио (~97 %), Айти и Канагава (69 %), Осака (68 %), Тиба (65 %), Сайтама (59 %) были одновременно и антилидерами рейтинга по количеству психиатрических больниц на 100 тыс. населения [System of Social and Demographic Statistics 2019].

Рис. 2. Тепловая диаграмма обеспеченности собственными финансами на 2021 г.

Источник: составлено автором по System of Social and Demographic Statistics, 2021/Statistical Observations of Prefectures 2025/Social Indicators by Prefecture. URL: https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&query=D%EF%BC%8E%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%9F%BA%E7%9B%A4&layout=dataset&stat_infid=000040248625 (дата обращения: 25.10.2025).

Иными словами, в наиболее сложной ситуации оказываются регионы, в которых уже существуют проблемы: отток населения, низкие налоговые доходы. Таким регионам придется работать с реформатированием большого количества уже существующих учреждений, и создавать дорогостоящую систему реабилитации. Если в прошлом, префектуры опирались на частную инициативу в созда-

нии психиатрических больниц, в рамках которой медицинские институции поддерживали систему длительного пребывания пациентов, то на современном витке более продуктивным должно стать обращение к гражданскому обществу и общественным организациям, которые бы помогли в развитии реабилитационных институтов. Здесь возникает новый актер в данной проблеме — само общество, которое должно иметь понимание и желание участвовать в решении проблем людей с психиатрическими расстройствами.

Кроме того, деинституционализации мешает группизм в японском обществе, он становится здесь обоюдоострым оружием. С одной стороны, он способствует выделению пациентов с психиатрическими заболеваниями в отдельную группу, что приводит к идее их изоляции, а с другой — сами пациенты клиник не хотят их покидать, поскольку внутри них чувствуют свою причастность к группе. Таким образом, программы по реабилитации и деинституционализации психиатрических пациентов должны не только касаться системы медицинских институций, но и создавать условия, при которых возникнут группы, способные принять людей с психиатрическими заболеваниями.

Осознав скромную эффективность уже существовавших программ по деинституционализации, Министерство здравоохранения в 2019 г. выпустило новую программу — «Система помощи, в том числе при психических расстройствах, в рамках местных сообществ» (精神障害にも対応した地域包括ケアシステム, *сэйсин сё:гай ни мо тайо:сита тиики хо:кацу кэа сисутэму*). В ней, в отличие от «Видения» 2004 г., сделан акцент на работу с местными сообществами.

Предпринимаются различные шаги для преодоления стигматизации. К такому можно отнести создание сайта *Кокоро-но дзё:хо: сайто*¹ (心の情報サイト, досл. Сайт информации о сердце\душе). Цель данного ресурса — информировать о различных ментальных состояниях и нарушениях, мерах поддержки и самоподдержки, об институциях, которые помогают пациентам с психическими расстройствами, а также об особенностях медицинского страхования, которое может покрыть расходы в этой области. Сайт является официальным проектом Национального центра неврологии и психиатрии Японии. При этом в материалах сайта избегается использование слова «психический» (精神, *сэйсин*), вместо стандартных сочетаний «психическое здоровье» (精神の健康, *сэйсин-но кэнко:*), «психическая болезнь» (精神病気, *сэйсин бё:ки*) используются сочетания с компонентом «сердце», «душа» (こころの健康, こころの病気, *кокоро-но кэнко:*, *кокоро-но бё:ки*), специализированные термины с компонентом «психический» используются уже непосредственно при описании конкретных расстройств. Выбор таких лексических единиц согласуется с еще одним направлением современного видения оказания психиатрической помощи — это снятие социальной стигмы. Сейчас социальная стигма и табуирование данной темы в японском обществе изолируют людей с психическими расстройствами так же, как и *дзасики-ро*, запрещенная в 1950-х гг. Эффективность деятельности данного сайта в настоящее время оценить сложно, однако важность работы с населением через различные формы коммуникаций подчеркивается японскими авторами, в частности в докладах На-

¹ URL: <https://kokoro.ncnp.go.jp/>

учного совета Японии, который является высшим консультативным органом при правительстве Японии, созданным для содействия развитию науки и технологий в стране [Seishin igaku kenkyū...].

Согласно «Докладу о текущей ситуации, проблемах и вопросах, связанных с основными задачами службы социального обеспечения до 2040 года» на сегодняшний день в Японии функционируют следующие типы учреждений, предоставляющих социальную помощь людям с психическими расстройствами [2020-Nen ni muketa fukushi sābisu 2025, p. 7]:

Помощь на дому (居宅介護, *кётаку кайго*):

Поддержка и помощь людям с психическими расстройствами, проживающими в своих домах. Она включает как помощь в домашних делах и сопровождение на медицинские процедуры, так и консультативную поддержку для обеспечения самостоятельной жизни в привычной среде.

Краткосрочное размещение (短期入所, *танки ню:дзё*):

Временный уход и проживание в специализированных учреждениях, обычно сроком до 6—7 дней, в ситуациях, когда уход в домашних условиях временно невозможен.

Повседневная помощь (生活介護, *сэйкацу кайго*):

Поддержка в выполнении базовых жизненных действий: помощь с едой, гигиеной, уборкой, медицинской поддержкой и социальной адаптацией. Может предоставляться как в учреждениях, так и в групповых домах, чтобы облегчить повседневную жизнь.

Поддержка при проживании в учреждениях (施設入所支援, *сисэцу ню:дзё сиэн*):

Помощь лицам, проживающим в специализированных психиатрических или социальных учреждениях. Включает уход, медицинскую помощь и сопровождение в повседневной жизни при круглосуточном пребывании.

Поддержка совместной жизни, групповые дома (共同生活援助, *кё:до: сэйкацу эндзё*):

Поддержка при совместном проживании в групповых домах, где люди с психическими расстройствами живут вместе с поддержкой помощников по бытовым и социальным вопросам для стимулирования их самостоятельности и интеграции в общество.

Поддержка трудоустройства, тип А (就労継続支援A型, *сю:ро: кэйдзоку сиэн эй-гата*): Предоставление работы по трудовому договору с поддержкой и обучением навыкам труда, целью является развитие трудовой активности и социального участия.

Поддержка трудоустройства, тип В (就労継続支援B型, *сю:ро: кэйдзоку сиэн би-гата*): Предоставление работы на более гибких условиях без трудового договора, что позволяет участникам программы работать на индивидуальной скорости и постепенно включаться в трудовую деятельность.

Однако исследование, опубликованное в 2023 г., демонстрирует недостаточность прилагаемых усилий. В исследовании Утино Такаси и др. представлены результаты анкетирования 500 здоровых людей и 500 людей с психическими расстройствами. Практически 90 % из группы здоровых и 70 % людей с расстройствами не знают о службах, где бы они могли обсудить ментальные проблемы, не

испытывая дискомфорт. Еще меньше, 94 % и 87 % соответственно, не знают о том, что психические заболевания проявляются до 25 лет. И только 10 % среди людей с расстройством и 3 % среди людей без расстройств уверены, что существующая система обеспечит ранний доступ к консультациям и поддержке при возникновении проблем с психическим здоровьем или развитии психического заболевания [Uchino Takashi et al. 2023, p. 3].

Для решения проблемы деинституционализации системы психиатрической помощи необходима совместная работа общества и государства, но для этого на современном этапе необходимо решить проблему не столько институциональную, сколько концептуальную, связанную с восприятием в обществе людей с психиатрическими расстройствами. Но это условия сегодняшнего дня, а выстраиваемая система в обозримом будущем столкнется и с новыми вызовами. Так в «Докладе о текущей ситуации, проблемах и вопросах, связанных основными задачами службы социального обеспечения до 2040 года» указано, что в обозримом будущем предоставление социальных услуг по месту проживания в горных районах и районах, испытывающих отток населения (сельские, слабо урбанизированные районы) будет значительно затруднено [2040-Nen ni muketa fukushi sabisu 2025, p. 57]. Уже сейчас система оказания психиатрической помощи должна учитывать существующие неутешительные тренды развития японского общества, поскольку дальнейшее ее развертывание будет проходить в условиях сокращения ресурсов.

Заключение

Создание и развитие системы государственной психиатрической помощи в Японии связано с XX в., и если смотреть с исторической дистанции, то несомненно позитивное движение к гуманизации практик, связанных с людьми с психиатрическими расстройствами, что в целом идет в общем русле с мировым развитием. Стремление организовать экономную, в условиях дефицита, систему психиатрической помощи, специфика политического и экономического развития страны в XX в. — все это привело к формированию весьма противоречивой конструкции. Общественный и государственный дискурс первой четверти XX в. в отношении людей с психиатрическими расстройствами также был достаточно противоречивым. С одной стороны, мы можем наблюдать очевидное стремление к гуманизации практик, применяемых в отношении таких людей, а с другой, особенно на государственном уровне, мы видим свидетельства объективирующего, дегуманизирующего отношения, в рамках которого такие люди рассматриваются как угроза общественному порядку и благополучию, как вероятные преступники и нарушители, а также как носители неблагоприятной наследственности. Однако в связи с тем, что финансирование создания системы психиатрических больниц было абсолютно недостаточным, такая государственная позиция не повлияла на саму систему, поскольку создана она была уже позднее в 1950-х гг. Однако она повлияла на воспроизводство умолчания, избегания данной темы в обществе. В практическом плане отсутствие государственного финансирования в довоен-

ный период не позволило выстроить систему медицинской психиатрической помощи, и надзор за больными, которым он был необходим, остался в ведении их родственников и муниципальных служб, продолжилась практика *дзасики-ро*.

С 1930-х до конца 1940-х гг. система оказания психиатрической помощи вышла из поля внимания государства и развивалась инерционно.

В 1950-е гг. практика *дзасики-ро* была запрещена законодательно, в связи с чем остро встал вопрос о создании разветвленной сети психиатрических больниц. Недостаточность государственного финансирования вновь отрицательно сказалась на формировании системы психиатрической помощи. Префектурам было предложено самостоятельно решать вопрос с созданием психиатрических лечебниц без значительного центрального финансирования, что привело к развитию частной сети клиник, заинтересованных в длительном содержании пациентов для получения финансирования.

Экономический рост 1960-х — 1970-х гг. позволил государству расширить финансирование медицины в целом и психиатрии в частности, тем более что потребность в рабочей силе требовала высвобождения тех, кто был занят уходом за родственниками. Кроме расширения финансирования также была проведена его оптимизация. Так, были снижены требования к работникам, обеспечивавшим содержание больных с психиатрическими диагнозами. Значительное количество клиник было расположено в слабо урбанизированных районах, что позволяло обеспечивать занятость и сократить затраты на фонд зарплаты для младшего персонала.

Заложенные на предыдущих этапах противоречия как концептуального, так и институционального характера создали условия для длительного пребывания пациентов в больничных стенах и для злоупотреблений в отношении них со стороны персонала. Скандалы, связанные с ненадлежащим содержанием больных, всколыхнули страну в 1980-е гг. и стали предметом внимания не только внутри страны, но и за ее пределами. Тем не менее система психиатрической помощи была выстроена таким образом, что после снятия острого состояния, в связи с которым пациент поступил, последний мог оставаться в стенах медицинского учреждения весьма продолжительное время, утрачивая навык самостоятельной жизни и включенность в социум по месту проживания. Долгое время государственные инициативы были направлены на экономию бюджетных средств, а не на борьбу с изоляцией от общества больных с психиатрическими расстройствами.

На протяжении почти всего XX в. на законодательном уровне воспроизводился дискурс исключения людей с психиатрическими расстройствами из общества, но и здесь можно наблюдать позитивную динамику. Если закон «О психической гигиене» 1950 г. по отношению к людям с психиатрическим расстройством наследует сложившемуся дискурсу, согласно которому данные лица нуждаются в изоляции от общества и склонны к нарушению закона, то уже закон 1987 г. имеет название «О психическом здоровье», что свидетельствует о некотором позитивном сдвиге в отношении восприятия лиц с психическими расстройствами. Последующая редакция этого закона 1995 г. под названием «О психическом здоровье и благополучии лиц с психическими расстройствами» еще больше

подчеркивает смещение акцента с идеи изоляции на решение проблем существования таких людей в обществе.

Начало XXI в. было отмечено поиском новых подходов и к работе с пациентами с психиатрическими расстройствами, и к методам лечения. Для решения проблемы длительного пребывания пациентов в психиатрических учреждениях японские власти работают в двух направлениях. Первое — это реформирование самой системы, которая формировалась под влиянием совершенно иных предпосылок. Но не менее, а скорее более важным, является второе направление — работа с общественным мнением, с тем чтобы информация о психиатрических расстройствах была более доступной как для людей, которые их имеют, так и для остальной части общества. Кроме того, необходимо сформировать механизмы возвращения психиатрических пациентов в общество, а в обществе должен быть сформирован консенсус в отношении приема таких людей. В настоящее время данное направление реализуется путем создания интернет-площадок для информирования, работы с общественными организациями, с муниципалитетами и стимулирования последних к разработке программ для работы с местным населением.

Несомненный положительный тренд, заложенный в реформе системы оказания психиатрической помощи в начале XXI в. — это перенос проблемы людей с психиатрическими расстройствами из поля только медицины или обеспечения безопасности в социальное измерение.

Отрицательные тренды японского общества (старение населения, деурбанизация и депопуляция ряда регионов) уже сейчас становятся вызовами для системы психиатрической помощи, а в будущем их влияние только усилится.

References

2040-Nen ni muketa fukushi sābisu to no kyōtsū kadai-tō ni kakaru genjō to kadai ronten ni tsuite [Current Status, Issues, and Points of Discussion Regarding Common Issues With Welfare Services Toward 2040]. (2025). Retrieved October 1, 2025, from <https://www.mhlw.go.jp/content/12300000/001486024.pdf>. (In Japanese).

Inaba, T. (2023). Gyakutai, innai shibō seishin iryō no yami gyōsei no kan'yo kyōka ga kyūmu [Abuse, In-Hospital Deaths: The Dark Side of Psychiatric Care: Increased Government Involvement Is Urgently Needed]. *Mainichi Shinbun*, October 24. Retrieved October 1, 2025, from https://mainichi.jp/articles/20231024/dde/018/040/0110_00c. (In Japanese).

Inoue, R. (2024). Nihon no seishin iryō no jittai to sono kadai ni kansuru bunken-teki kōsatsu: Itaria oyobi Igirisu no seishin iryō to no hikaku o tōshite [A Literature Review of the Current State of Psychiatric Care in Japan and Its Challenges: A Comparison With Psychiatric Care in Italy and the UK]. *Kyoto Women's University Graduate School of Developmental Education, Doctoral Program Research Bulletin "Developmental Education Research"*. Retrieved October 1, 2025, from http://repo.kyoto-wu.ac.jp/dspace/bitstream/11173/3842/1/0090_018_001.pdf. (In Japanese).

Iryō shisetsu (seitai dōtai) chōsa byōin hōkoku no gaikyō. (2023). [Overview of Medical Facility (Static and Dynamic) Surveys and Hospital Reports]. Retrieved October 1, 2025, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/iryosd/23/dl/11gaikyoo05.pdf>. (In Japanese).

Kanata, T. (2016). Japanese Mental Health Care in Historical Context: Why Did Japan Become a Country With so Many Psychiatric Care Beds? *Social Work/Maatskaplike Werk*, 52 (4). Retrieved October 1, 2025, from <https://doi.org/10.15270/52-4-526>.

Kanja chōsa no gaikyō. (2023). [Overview of Patient Surveys]. Retrieved October 1, 2025, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/kanja/23/dl/kanjya.pdf>. (In Japanese).

Kirihara, Naoyuki. (2021). Seishin shōgai-sha no shakai undō ni yoru 1987-nen no seishin eisei-hō kaisei e no shuchō. [Arguments for the 1987 Revision of the Mental Health Act by the Social Movement of People with Mental Disabilities]. *Welfare Sociology Research*, 18, 105—128. Retrieved October 1, 2025, from https://www.jstage.jst.go.jp/article/jws/18/0/18_105/_pdf/-char/ja/. (In Japanese).

Kōrei-sha no jisatsu no tokuchō. Kokuritsu seishin shinkei sentā seishin hoken kenkyūjo teikyō shiryō [Characteristics of Suicide Among the Elderly. Data Provided by the National Institute of Mental Health, National Center of Neurology and Psychiatry]. (2006). Retrieved October 1, 2025, from https://www.mhlw.go.jp/file/06-Seisakujouhou-12200000-Shakaiengokuyokushougaihokenfukushibu/s-5_3.pdf. (In Japanese).

Seishin byōshō-sū, byōshō riyō-ritsu oyobi heikin zaiin nissū. (2002). [Number of Psychiatric Beds, Bed Occupancy Rate, and Average Length of Stay]. Retrieved October 1, 2025, from <https://www.mhlw.go.jp/shingi/2002/12/s1219-7j.html>. (In Japanese).

Seishin hoken fukushi shisaku no kaikaku bijon [Reform Vision for Mental Health and Welfare Policies]. Retrieved October 1, 2025, from <https://www.mhlw.go.jp/topics/bukyoku/syakai/z-fukushi/gyousei/gyousei04.html>. (In Japanese).

Seishin hoken oyobi seishin shōgaishafukushi ni kansuru hōritsu [Mental Health and Welfare for the Mentally Disabled Act]. Retrieved October 1, 2025, from https://laws.e-gov.go.jp/law/325AC0100000123#Mp-Ch_7. (In Japanese).

Seishin igaku kenkyū renraku-kai hōkoku. Kokoro no bariāfurī o mezashite — seishin shikkan seishin shōgai no tadashii chishiki no fukyū no tame ni [Report From the Psychiatric Research Liaison Committee. Aiming for a Barrier-Free Mind — To Disseminate Correct Knowledge About Mental Illnesses and Disorders]. (2005, August 29) Retrieved October 1, 2025 from <https://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-19-t1032-6.pdf>. (In Japanese).

Shinohara, F. (2024). 1950-Nendai no seikatsu hogo gyōsei to seishin shōgai-sha shogū — kinkyū kyūgo shisetsu no sōsetsu to Kōseishō shakai-kyoku no dōkō ni chakumoku shite. [Public Assistance Administration and Treatment of the Mentally Disabled in the 1950s: Focusing on the Establishment of Emergency Relief Facilities and the Trends of the Ministry of Health and Welfare's Social Affairs Bureau]. *Social Policy*, 16 (1), 264—275. Retrieved October 1, 2025, from https://www.jstage.jst.go.jp/article/spls/16/1/16_264/_pdf/-char/ja. (In Japanese).

Suicide prevention in Japan: A public health priority. (2024, September 9). Retrieved October 1, 2025, from <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/suicide-prevention-in-japan--a-public-health-priority>

System of Social and Demographic Statistics, 2019 / Statistical Observations of Prefectures 2025 / Social Indicators by Prefecture. Retrieved October 1, 2025, from https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&query=D%EF%BC%8E%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%9F%BA%E7%9B%A4&layout=dataset&stat_infid=000032169055

System of Social and Demographic Statistics, 2021 / Statistical Observations of Prefectures 2025 / Social Indicators by Prefecture. Retrieved October 1, 2025, from https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&query=D%EF%BC%8E%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%9F%BA%E7%9B%A4&layout=dataset&stat_infid=000040248625

Uchino, T., Fukui, E., Takubo, Y., Iwai, M., Katagiri, N., Tsujino, N., ... & Nemoto, T. (2023). Perceptions and Attitudes of Users and Non-Users of Mental Health Services Concerning Mental Illness and Services in Japan. *Frontiers in Psychiatry*, 14, 1138866.

Utsunomiya, M. (2011). Taishō 8-nen seishin byōin-hō no rippō teian to sono giron. [Legislative Proposal for the Mental Hospital Act in 1919 and Its Debate]. *Kinjo Gakuin University Journal. Social Sciences*, 8 (1), 1–19. (In Japanese).

Yuhara, Etsuko. (2016). Kaigo satsujin jiken kara midaseru kaigo-sha shien no hitsuyō-sei. [The Need for Caregiver Support as Seen in the Case of Caregiver Murder]. *Nihon Fukushi University Social Welfare Review*, 134, 9–30. Retrieved October 1, 2025, from <https://nfu.repo.nii.ac.jp/record/2688/files/fukushi134-03yuhara.pdf>. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 10.10.2025

Принята к публикации: 26.01.2026

Received: 10 October 2025

Accepted: 26 January 2026

П.В. Кульнева

**Японское общество: меняющееся и неизменное.
Рецензия на монографию Лебедевой И.П. «Япония в XXI веке.
Социальная структура, социально-экономические проблемы»**

Аннотация. В статье представлен анализ новой монографии доктора экономических наук И.П. Лебедевой «Япония в XXI веке. Социальная структура, социально-экономические проблемы». Дается оценка вклада автора в дискуссию о превращении японского общества из «общества среднего класса» в «разделенное общество». Рассматриваются ключевые положения работы, касающиеся социальной стратификации, межпоколенческой мобильности, роли образования и проблем демографии (старение населения, падение рождаемости). Подчеркивается высокий научный уровень исследования, солидная источниковая база и практическая значимость выводов автора для специалистов и широкого круга читателей.

Ключевые слова: Япония, социальная структура, средний класс, социальное неравенство (*какуса сякай*), социальная мобильность, старение населения, рождаемость.

Автор: *Кульнева Полина Викторовна*, кандидат экономических наук, преподаватель Университета Максута Нарикбаева (адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, шоссе Коргалжын, 8). ORCID: 0000-0002-8699-5568.
E-mail: p_kulneva@mnu.kz

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кульнева П.В. Японское общество: меняющееся и неизменное. Рецензия на монографию Лебедевой И.П. «Япония в XXI веке. Социальная структура, социально-экономические проблемы» // Японские исследования. 2026. № 1. С. 171—179. DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-171-179.

P.V. Kulneva

Japanese society: The changing and the unchanged Review of monograph by I.P. Lebedeva, *Japan in the 21st Century. Social Structure, Socio-Economic Problems*

Abstract. The article presents an analysis of the new monograph by Doctor of Economic Sciences I.P. Lebedeva, *Japan in the 21st Century. Social Structure, Socio-Economic Problems*. It evaluates the author's contribution to the discussion about Japanese society transforming from the "middle-class society" to the "divided society." It considers the key statements of the work focusing on social stratification, intergenerational mobility, the role of education, and the demographic problems (population aging, decreasing birth rates). The reviewer emphasizes the high academic level of the work, its substantial primary sources foundation, and the practical significance of the author's conclusions for specialists and a wide circle of readers alike.

Keywords: Japan, social structure, middle class, social inequality (*kakusa shakai*), social mobility, population aging, birth rate.

Author: *Kulneva Polina V.*, Ph.D. (Economics), Teaching Professor, Maqsut Narikbayev University (address: Republic of Kazakhstan, 010000 Astana, Korgalzhyn Highway, 8). ORCID: 0000-0002-8699-5568. E-mail: p_kulneva@mnu.kz

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kulneva, P.V. (2026). Yaponskoe obshchestvo: menyayushcheesya i neizmennoe. Retsenziya na monografiyu Lebedevoy I.P. «Yaponiya v XXI veke. Sotsial'naya struktura, sotsial'no-ekonomicheskie problemy» [Japanese society: The changing and the unchanged. Review of monograph by I.P. Lebedeva, *Japan in the 21st Century. Social Structure, Socio-Economic Problems*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 171—179. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-171-179.

В декабре 2025 г. вышла в свет очередная (седьмая по счету) монография д.э.н. Лебедевой Ирины Павловны. В ней автор обращается к анализу современного японского общества, а именно его социальной структуры и наиболее важных социально-экономических проблем, с которыми оно столкнулось в текущем столетии.

Как отмечает автор во «Введении», она обратилась к этой теме с целью уяснить, насколько обоснованы получившие широкое распространение в Японии представления о превращении японского общества из «общества среднего класса» (*со:тю:рю: сякай*) в «разделенное общество» (*какуса сякай*). При этом, поскольку сторонники подобных взглядов главным проявлением такой трансформации считают нарастание социально-экономического неравенства, значительную часть работы автор посвящает анализу разного рода аспектов этой проблемы. Среди них — особенности экономической и статусной стратификации, направленность социальных сдвигов, социальная мобильность и социальные барьеры, роль системы образования в механизме социальной мобильности, распределение доходов, бедность, нестандартные группы населения и т. д. Наряду с этим в монографии рассмотрены и наиболее острые социально-экономические проблемы современной Японии, такие как снижение рождаемости, рост безбрачия среди молодежи, старение населения, сокращение рабочей силы, перенапряжение системы финансирования социального обеспечения. Дополняют

общую картину современного японского общества взгляды самих японцев на различные стороны жизни.

Анализ рассматриваемых в монографии проблем опирается на солидную источниковую базу — монографии и научные статьи (в том числе на японском языке), материалы разного рода социологических исследований, данные японской и международной статистики. Положения и выводы работы подкрепляются как собственными расчетами автора, так и результатами исследований ведущих японских специалистов, что придает им достоверность и обоснованность.

Несмотря на то, что в монографии И.П. Лебедевой рассматриваются довольно сложные научные проблемы, лаконичный стиль изложения, четкая логика и хороший русский язык облегчают восприятие работы, и это позволяет рекомендовать ее не только специалистам, но и студентам, а также всем, кто интересуется современной Японией.

Прежде, чем перейти к анализу проблем, имеющих прямое отношение к вопросу о трансформации японского общества (масштабам социальной мобильности, экономическому и социальному неравенству, роли образования как фактора преодоления «обстоятельств рождения» и т. д.), автор обращается к рассмотрению особенностей социальной стратификации современного японского общества. Следуя принятым в современной социологии подходам, согласно которым положение человека в социальной иерархии определяется как экономическими, так и статусными составляющими, автор представляет собственную схему социальной стратификации японского общества, основываясь на расчетах структуры получателей доходов от активов (бизнеса, дивидендов, недвижимости) и от работы по найму, а также структуры занятых с точки зрения статусных составляющих (престижности профессии, уровня образования, формы занятости, размеров предприятий). Располагая страты в порядке понижения уровня благосостояния, статуса занятости (включая обладание/необладание собственностью на средства производства), престижности профессии и уровня образования, автор выделяет десять основных слоев (классов), формирующих структуру современного японского общества, отмечая при этом, что различия существуют не только между стратами, но и внутри самих страт.

Однако, подчеркивая существование этих различий, автор в то же время указывает на факторы, сглаживающие их и способствующие «усреднению» социальной структуры. Так, благодаря политике государства по перераспределению доходов, смягчается действие такого экономического фактора, как рост неравенства по первичным доходам. А что касается статусных различий, то автор показывает, что повышение уровня образования японцев, рост числа и доли лиц, владеющих более престижными профессиями, а также гендерный и возрастной состав такой «второсортной» категории занятых, как непостоянные работники японских фирм, в определенной степени «гасят» влияние и этих факторов. В целом же, по мнению автора, несмотря на огромные изменения японское общество остается «обществом среднего класса» в том смысле, который вкладывали в это понятие в 1960-е — 1980-е гг. А именно обществом, где абсолютное большинство граждан имеют относительно равные доходы, ведут примерно одинаковый образ жизни и тяготеют к общей системе ценностей.

Вторая и третья главы монографии («Социальная мобильность и социальные барьеры» и «Образование как главный фактор социальной мобильности») посвящены анализу ключевого вопроса монографии — вопроса о том, насколько жесткой является система социальной стратификации в современной Японии, изменился ли характер японского общества в плане возможностей людей из более низких социальных слоев продвинуться вверх по социальной лестнице и какую роль в этом процессе играет система образования.

Модели социальной мобильности в развитых странах показывают тесную ее связь с равномерностью распределения доходов. В этой связи, помимо политики государства по перераспределению доходов, автор отмечает такую благоприятную для поддержания межпоколенческой мобильности особенность Японии, как весьма умеренные различия в оплате труда работников, относящихся к разным социальным стратам с точки зрения престижности профессии, объясняя это высоким местом, которое занимает труд (включая физический) в системе ценностей японцев. Кроме того, в Японии, в отличие от многих развитых стран, страдающих от наплыва мигрантов, на пути продвижения людей по ступеням социальной лестницы существует не так много барьеров, ущемляющих их по признаку религиозной или этнической принадлежности.

Далее, основываясь на трудах японских социологов, автор вводит два понятия: абсолютная и относительная социальная мобильность. Если абсолютная мобильность показывает, сколько людей из разных социальных страт изменили свои классовые позиции, то относительная мобильность измеряет степень влияния социальных корней на возможности такого передвижения. Оценивая характер и масштабы сдвигов в профессиональной структуре занятых, автор подчеркивает, что в последние три десятилетия в Японии существовали объективные условия для передвижения выходцев из более низких социальных слоев в более высокие и что миллионы молодых японцев воспользовались этими возможностями. Но вопрос заключается в том, в какой степени социальные корни способствовали или, наоборот, препятствовали этому. Понятно, что анализ динамики показателей относительной мобильности за длительный период времени позволит ответить и на вопрос, изменился ли характер японского общества, стала ли его социальная структура более жесткой, усилилось ли влияние «обстоятельств рождения» на жизненные пути японцев.

Для этих целей автор воспользовалась результатами расчетов показателей абсолютной и относительной социальной мобильности, осуществленных профессором Токийского университета Исида Хироси. Исходной базой для расчетов профессора стали материалы семи обследований The Japanese Social Structure and Social Mobility Survey, охватывающих период с 1955 г. по 2015 г. Эти обследования являются наиболее масштабными и репрезентативными и проводятся каждые 10 лет, отмечает автор.

Распределив респондентов (по каждому году обследования) по классам в соответствии с достигнутым ими на момент обследования положением и положением, которое они занимали в соответствии со своими классовыми корнями, профессор Исида вначале рассчитал показатели абсолютной мобильности, показывающие долю японцев, изменивших свои классовые позиции. На втором эта-

пе расчетов с помощью формул теории вероятности профессор доказал, что на протяжении всего послевоенного периода сила связи между классовыми корнями японцев и достигнутым ими социальным положением оставалась неизменной. Опираясь на результаты этих расчетов, И.П. Лебедева делает вывод, что японское общество как прежде, так и сейчас представляет собой классовое общество, или *какуса сякай*, где «обстоятельства рождения» размещают людей по разным ступеням социальной лестницы и где возможности продвижения вверх зависят от социальных корней. Но при этом она подчеркивает, что поскольку степень влияния этого фактора не усилилась, нет оснований говорить о нарастании социально-экономического неравенства как главном направлении трансформации японского общества.

Этот вывод подтверждают и результаты анализа роли образования в механизме социальной мобильности. Отмечая, что в развитых странах образование стало главным фактором социальной мобильности, автор подробно показывает, каким образом на разных ступенях японской системы образования, отличающейся ярко выраженной иерархичностью, воспроизводится социальное неравенство в плане доступа к наиболее известным и престижным учебным заведениям. Социально-экономическое положение семьи начинает влиять на эти возможности еще в средней школе (на стадии получения 9-летнего бесплатного образования). В еще большей степени это влияние проявляется на стадии получения полного (12-летнего образования), а затем — высшего образования. Исходя из этого анализа, автор делает вывод, что неравенство шансов, формирующееся еще на стадии школьного образования, влияет и на выбор ранга университета, и на выбор специальности, а в дальнейшем — и на возможности трудоустройства, определяя, по сути, весь жизненный путь молодых японцев.

Отмечая эти особенности японской системы образования, автор подчеркивает, что в механизме социальной мобильности образование играет двоякую роль. С одной стороны, оно является мощным фактором абсолютной социальной мобильности. Ведь благодаря быстрому распространению сначала полного среднего, а в последние годы — высшего образования миллионы японцев смогли подняться на более высокие ступени социальной лестницы. Но что касается соотношения шансов на получение высшего образования выходцами из разных социальных слоев, т. е. относительной мобильности, то как прежде, так и теперь они неравны и в значительной степени зависят от социально-экономического положения их семей. Но при этом, как показывают расчеты японских ученых, на протяжении всего послевоенного периода соотношение этих шансов оставалось практически неизменным. Иными словами, заключает автор, будучи и в этом отношении *какуса сякай*, японское общество тем не менее не демонстрирует нарастания неравенства в этой сфере.

В последующих главах монографии автор анализирует наиболее острые социально-экономические проблемы, с которыми сталкивается современное японское общество. Среди них одной из наиболее болезненных является проблема бедности, которая вернулась на повестку дня в конце первого десятилетия 21 в., когда были опубликованы данные об уровне общей и детской относительной бедности. Оказалось, что среди стран «семерки» по показателю общей бедности

Япония следует за США (страной с резкими социальными контрастами), да и в плане уровня детской бедности ее положение нельзя было назвать благополучным. Рассматривая различные аспекты проблемы относительной бедности, автор отмечает факторы, способствующие усилению социального расслоения и бедности (старение населения, сдвиги в структуре японских домохозяйств, изменения на рынке труда). В то же время в работе показано, что, будучи социально-ориентированным, японское государство предпринимает меры для элиминирования влияния этих факторов. В частности, вновь возвращаясь к политике перераспределения первичных доходов и рассматривая механизм ее реализации, автор подчеркивает ее направленность на поддержку именно тех типов семей и тех социальных групп, которые оказываются в наиболее сложном положении. На это же направлена и материальная помощь населению. Особое внимание уделяется рассмотрению проблемы относительной детской бедности и мерам государства, благодаря которым в последние годы удалось заметно улучшить положение дел в этой сфере.

В контексте рассмотрения вопросов социального расслоения автор обращается к проблеме существования в Японии так называемых необычных японцев, которые отличаются от прочих граждан своим «нестандартным» образом жизни, контрастирующим с общепринятыми представлениями о «нормальности». Эти девиантные группы существуют как в молодежной среде, так и среди взрослого населения, причем весьма часто «нестандартные» молодые люди по мере взросления пополняют ряды «нестандартных» взрослых. И хотя нельзя сказать, что эти группы многочисленны, само их существование в Японии, стране, где следуют принципу *хитонами* (быть как все) и стремятся к *ва* (гармонии), является фактором, нарушающим в целом ровный ландшафт японского общества. Автор показывает, что не только государство, но и волонтерские организации предпринимают усилия, чтобы вернуть этих людей в русло «нормальности», хотя это непростая задача, так как часть из них нуждается не только в социальной поддержке, но и в психиатрической помощи.

Как известно, Япония является страной, достигшей самых высоких показателей продолжительности жизни. Однако этот важнейший показатель успешности ее социально-экономического развития имеет и обратную сторону, а именно, он стал одним из факторов быстрого старения населения и рабочей силы страны. В главе, посвященной проблеме старения населения, автор анализирует следующие три аспекта: занятость пожилых японцев, уровень их доходов и структура потребления, влияние старения населения на систему социального обеспечения.

Отмечая важную роль, которую играют пожилые граждане в восполнении сокращения молодой рабочей силы, автор большое внимание уделяет мерам, предпринимаемым правительством для создания благоприятных условий для расширения их занятости. Речь идет, в частности, о законодательном регулировании возраста принудительного увольнения работников (*тэйнэн*), который до сих пор является важнейшим инструментом управления трудом в японских фирмах. Прямое вмешательство государства в этот процесс — это свидетельство остроты проблемы нехватки рабочей силы в стране.

Что касается уровня доходов и структуры потребления пожилых японцев, то автор, прежде всего, обращает внимание на то, что экономическое неравенство в этой возрастной группе заметно усиливается. Это объясняется различиями в доходах между теми, кто вышел на пенсию, и теми, кто продолжает работать, наличием или отсутствием недвижимости, различиями в размерах накоплений и т. д. В то же время автор показывает, что через механизм перераспределения неравенство по первичным доходам в этой группе резко уменьшается, благодаря чему уровень располагаемых доходов абсолютного большинства пожилых японцев вполне позволяет им сохранять достаточно высокий уровень потребления. По расчетам автора, лишь порядка 3 % пожилых граждан обращаются за материальной поддержкой государства, основная же часть полагается на собственные силы. При этом подушевые текущие доходы пожилых японцев лишь незначительно уступают доходам прочих возрастных групп, да и структура их потребления в целом мало чем отличается от средних показателей.

Самой острой проблемой, связанной со старением населения, является то влияние, которое оно оказывает на социальную систему страны. Расходы на пожилых граждан составляют порядка 60 % от общих расходов государства на эту сферу. А поскольку основную часть ресурсной базы социальной системы составляют взносы и налоги работающих поколений, очевидно, что старение населения ведет к обострению проблемы ее финансирования. Примерно 2/3 расходов на пожилых граждан приходится на выплату пенсий. Автор приводит данные о резком росте числа получателей пенсий и расходов на их выплату, отмечая ряд факторов, обусловивших этот рост. Она также показывает, каким образом государство пытается сдерживать рост этих расходов, отмечая такие меры, как регулирование размеров взносов, стимулирование занятости пожилых работников, введение различных схем, поощряющих отсрочку получения пенсии. В качестве возможной меры автор упоминает и повышение пенсионного возраста, хотя пока этот вопрос является лишь предметом дискуссии.

Рассматривая принципы организации японской системы медицинского обслуживания пожилых граждан (включая услуги по долговременному уходу) и анализируя структуру источников ее финансирования, автор отмечает, в частности, такую ее черту, как межпоколенческая солидарность. Поскольку расходы на медицинское обслуживание пожилых японцев в разы превышают расходы на более молодые возрастные группы, а страховые взносы покрывают лишь малую их часть, государство использует следующую меру. Оно переводит часть средств из страховых систем, в которых застрахованы более молодые поколения, в систему страхования пожилых граждан. Очевидно также, что и поддерживающие эту систему субсидии центрального правительства и местных органов власти также в значительной степени представляют собой налоги, уплачиваемые работающими поколениями.

В связи со вступлением с 2025 г. в ряды пенсионеров миллионов японцев, родившихся в период второго послевоенного бэби-бума, автор прогнозирует существенное обострение в ближайшие годы проблемы финансирования социальной системы Японии, хотя и предполагает, что стране удастся избежать сильного ее перенапряжения.

Одним из факторов, подстегивающих старение населения, является снижение рождаемости, происходящее на протяжении уже нескольких десятилетий. В контексте анализа этой проблемы автор прежде всего обращает внимание на ситуацию, сложившуюся в сфере брака. Отмечая заметное снижение числа заключаемых в стране браков, автор приводит интересные данные об отношении современной японской молодежи к вступлению в брак и к различным сторонам семейной жизни. Хотя абсолютное большинство молодых японок и японцев намерены в будущем вступить в брак, в тенденции их доля сокращается, и, наоборот, растет доля тех, кто не собирается обременять себя брачными узами. Объясняя такое поведение как общими для всех развитых стран факторами, так и специфически японскими, автор подчеркивает особую роль вопросов найма, работы и карьеры как японок, так и японцев, отмечая, что без сдвигов в этой области вряд ли удастся переломить ситуацию с кризисом института семьи.

Что касается другого фактора падения рождаемости — снижения «фертильности» японских семей, то отмечая целый ряд мер, предпринимаемых правительством для поддержки семей с детьми и создания благоприятных условий для совмещения женщинами работы и семейных обязанностей, автор указывает на ограниченный на данном этапе эффект этих мер. Особенно проблематичным становится обзаведение вторым ребенком, поскольку это ставит перед молодыми семьями целый ряд непростых вопросов: что будет с работой супруги, нужно ли обзаводиться более просторным жильем, сможет ли супруг больше времени уделять домашним делам и т. д., не говоря уже о финансовой стороне.

Резюмируя, автор отмечает, что текущие условия делают крайне маловероятным перелом негативной динамики рождаемости в японском обществе.

В заключительной главе монографии автор предлагает читателям взглянуть на жизнь японского общества через призму статистики — с одной стороны, и через восприятие ее самими японцами — с другой. Приводя данные об уровне жизни японцев, их доходах, ожидаемой продолжительности жизни, обеспеченности собственными домами и квартирами, размерах накоплений, обеспеченности основными материальными благами и т. д., автор делает вывод о вполне благополучном во многих отношениях существовании нынешних поколений японцев. Однако данные социологических опросов, хотя и не опровергают этот вывод, но вносят в него определенные корректировки. И хотя оценки японцами некоторых сторон своей жизни представляются автору спорными, она тем не менее отмечает, что знакомство с ними позволяет приблизиться к пониманию того, насколько многообразна жизнь японского общества и насколько неоднороден его состав.

Монография Ирины Павловны Лебедевой является по-настоящему уникальным явлением в современном российском японоведении. Ее ценность заключается не только в колоссальном объеме обработанного материала, но и в том особом системном подходе, который позволяет увидеть японское общество не как застывшую структуру, а как живой, трансформирующийся организм. Автор не просто констатирует наличие социальных проблем, а, как кирпичики, выстраивает доказательную базу, позволяющую понять глубинные механизмы происходящих сдвигов.

Уникальность работы состоит в редком сочетании строгого экономического анализа и внимания к социокультурным факторам. В то время как многие иссле-

дователи ограничиваются сухой статистикой, И.П. Лебедева идет дальше, обращаясь к таким тонким категориям, как принципы *ва* (гармония) и *хитонами* (быть как все). Это придает работе особую глубину, позволяя российскому читателю осознать, почему западные модели социального неравенства не всегда применимы к японским реалиям. Автор показывает, как традиционные ценности вступают в противоречие с новыми вызовами — от проблемы девиантных групп и маргинализации части молодежи до кризиса системы *тэйнэн*.

Особого упоминания заслуживает методологическая стройность исследования. Использование современных социологических инструментов и формул теории вероятности (в частности, анализ относительной мобильности) переводит работу в разряд фундаментальных трудов, на которые будут опираться последующие поколения исследователей. Для научного сообщества эта монография полезна еще и тем, что она развенчивает многие устоявшиеся мифы о «тотальном разделении» японского общества, предлагая взамен взвешенную, научно обоснованную картину.

Нельзя не отметить и практическую пользу труда. В условиях, когда Россия и другие страны также сталкиваются с вызовами депопуляции и старения населения, японский опыт, детально препарированный автором, приобретает особую актуальность. Монография учит видеть за цифрами живые процессы: как меняются приоритеты молодежи, как трансформируется институт семьи и как государство пытается сохранить баланс в условиях ограниченных ресурсов.

В заключение стоит подчеркнуть, что монография И.П. Лебедевой представляет собой фундаментальное исследование, сочетающее в себе глубокий теоретический анализ и практическую значимость. Качественный стиль изложения и четкая структура делают работу доступной для восприятия, что в сочетании с масштабностью привлеченного материала превращает ее в ценный ресурс для научного сообщества. Данное исследование, безусловно, вносит весомый вклад в изучение социальной трансформации современной Японии и может быть рекомендовано в качестве важного источника для востоковедов и специалистов смежных дисциплин.

Библиографический список

Лебедева И.П. Япония в XXI веке. Социальная структура, социально-экономические проблемы. М.: ИВ РАН. 2025. 225 с.

References

Lebedeva, I.P. (2025). *Yaponiya v XXI veke. Sotsial'naya struktura, sotsial'no-ekonomicheskie problemy* [Japan in the 21st Century. Social Structure, Socio-Economic Problems]. Moscow: IV RAN. (In Russian).

Д.В. Стрельцов, К.О. Нака, В.В. Нелидов, О.Г. Парамонов

Семинар «Выборы в Японии: сменится ли вектор политического развития страны?»

Аннотация. 12 февраля 2026 г. в Институте Китая и современной Азии РАН прошел семинар, посвященный итогам внеочередных выборов в палату представителей японского парламента, состоявшихся 8 февраля 2026 г.

Участники семинара подробно проанализировали предпосылки, ход и итоги выборов. В числе причин убедительной победы либерал-демократов участники семинара выделили высокий личный рейтинг премьера Такаити Санаэ, достигший перед выборами 70 % и во многом связанный с успешным использованием имиджевых технологий для повышения ее популярности среди избирателей; гендерный фактор, связанный с приходом первого в Японии женщины-премьера; давление со стороны Китая с целью заставить Такаити отказаться от ее высказываний в парламенте по тайваньскому вопросу, которое вызвало патриотический подъем в стране и сплотило избирателей вокруг лидера страны. Отдельно было проанализировано неудачное выступление оппозиции, в частности, объединение Конституционно-демократической партии и Комэйто, не подкрепленное целостностью программных установок нового Центристского альянса, что дало основание уподобить его попытке соединить масло и воду. Неуспешной была для новой партии, которая выступила на выборах основным оппонентом ЛДП, и предвыборная кампания, в ходе которой центристы пытались апеллировать к пацифистским ценностям, не находящим отклика среди молодежи.

Участники семинара пришли к выводу о том, что победа ЛДП во главе с лидером ее ястребиного крыла отражает правый поворот в японской политике, который коррелирует с общими электоральными тенденциями в мире. Кроме того, за победой Такаити во многом стоят опасения японцев остаться в одиночестве в условиях правления президента США Д. Трампа.

Ключевые слова: Такаити Санаэ, выборы в палату представителей, сокрушительная победа ЛДП, Центристский альянс за реформы, правый поворот в политике, харизматический лидер, торжество популистских идей.

Авторы: *Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой востоковедения МГИМО Университета МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Нака Ксения Олеговна, руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Японии (г. Токио). E-mail: k.naka@gia.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО Университета МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-0173-0438.

E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Парамонов Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва, 117218, Нахимовский просп. 32). ORCID: 0000-0001-5497-1310.

E-mail: paramonov_og@rambler.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Парамонов О.Г. Семинар «Выборы в Японии: сменится ли вектор политического развития страны?» // Японские исследования. 2026. № 1. С. 180—209.

DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-180-209.

ACADEMIC LIFE

D.V. Streltsov, K.O. Naka, V.V. Nelidov, O.G. Paramonov

Seminar “Elections in Japan: Will the Vector of the Political Development Change?”

Abstract. On February 12, 2026, the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences hosted a seminar on the results of the snap elections to the House of Representatives of the Japanese Diet, held on February 8, 2026.

The participants of the seminar analyzed in detail the prerequisites, the course, and the results of the elections. The seminar participants identified several factors behind the Liberal Democrats' decisive victory, including Prime Minister Sanae Takaichi's strong personal rating, which surpassed 70 % ahead of the election and was significantly boosted by the effective use of image-making techniques to enhance her appeal to voters; the gender factor associated with the first female prime minister of Japan; China's efforts to pressure Takaichi into retracting her parliamentary remarks on the Taiwan issue, which sparked a surge of patriotism in the country and united voters behind the national leader. Separately, the unsuccessful performance of the opposition was analyzed, in particular, the merger of the Constitutional Democratic Party and the Komeito, which was not supported by the coherence of the program of the new Centrist alliance, giving reason to liken it to an attempt to combine oil and water. The election campaign was unsuccessful for the new party, which was the main opponent of the LDP in the elections, during which the centrists tried to appeal to pacifist values that did not find a response among young people.

The seminar participants came to the conclusion that the victory of the LDP, led by the leader of its hawkish wing, reflects a right-wing turn in Japanese politics, which correlates with general electoral trends in the world. In addition, Takaichi's victory is largely related to the Japanese' fears of being left alone while the U.S. President Donald Trump is in power.

Keywords: Sanae Takaichi, elections to the House of Representatives, overwhelming victory of the LDP, Centrist Alliance for Reforms, right turn in politics, charismatic leader, triumph of populist ideas.

Authors: Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Naka Ksenia O., International Media Group Rossiya Segodnya, Head of Japan Office (Tokyo). E-mail: k.naka@ria.ru

Nelidov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438.

E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Paramonov Oleg G., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: Nakhimovskiy Av. 32, Moscow, 117218, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-5497-1310. E-mail: paramonov_og@rambler.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Streltsov, D.V., Naka, K.O., Nelidov, V.V., Paramonov, O.G. (2026). Seminar «Vyborny v Yaponii: smenitsya li vektor politicheskogo razvitiya strany?» [Seminar “Elections in Japan: Will the Vector of the Political Development Change?”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2026, 1, 180–209. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2026-1-180-209.

Стрельцов Д.В., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, главный научный сотрудник ИКСА РАН

Разрешите начать наш очередной семинар по современной Японии, который традиционно организуется Ассоциацией японоведов в сотрудничестве с МГИМО-университетом и институтом Китая и современной Азии РАН. И сегодня у нас незапланированный выпуск, связанный с состоявшимися 4 дня назад внеочередными выборами в нижнюю палату японского парламента, которые принесли много сюрпризов и полностью переформатировали политический ландшафт Японии.

И сегодня у нас задача обсудить предпосылки, ход и итоги этих выборов, может быть, подумать о том, как будет развиваться японская политика в ближайшем будущем в контексте прошедших выборов.

Наш семинар проходит вскоре после семинара, который также был посвящен политическим событиям в Японии — приходу к власти кабинета Такаити. Поэтому здесь у нас некая преемственность, которая позволяет нам опустить долгую предысторию этих выборов и отослать наших уважаемых зрителей и наблюдателей к предыдущему семинару, который опубликован в виде стенограммы и на ютуб-канале.

А сейчас я хотел бы, пользуясь правами ведущего, объявить себя как докладчика и несколько слов сказать о том, как проходили в Японии внеочередные выборы в нижнюю палату парламента.

Действительно, эти выборы были неожиданными. И связано это было с тем, что они прошли зимой. То есть решение о том, чтобы провести роспуск парламента Такаити приняла 23 января. Правда, решение это было принято еще раньше, и об этом практически все знали, но, тем не менее, неожиданным это было

потому, что зимой никто выборов в Японии не проводит. И последний раз выборы зимой, а именно в январе, проходили только 1990 г., это было 36 лет назад. А так, чтобы роспуск парламента объявлен в первый день работы сессии после новогодних каникул — это произошло впервые за 60 лет, начиная с 1966 г. Это связано с тем, что зимой, когда созывается парламент, его основная цель заключается в том, чтобы принять бюджет, и проведение таких выборов полностью нарушает нормальный законодательный цикл.

Поскольку на выборы тратится огромное время, силы и энергия, бюджет, который должен быть принят к 1 апреля, т. е. к началу нового финансового года, фактически сдвигается на неопределенный срок. То есть сейчас становится непонятно, когда он будет принят. И самое главное, что нужно принимать будет в спешке какой-то дополнительный бюджет, чтобы не останавливалось государственное финансирование. И в этом заключается определенный риск критики в отношении премьера, который распускает парламент. Кроме того, на это еще накладывается климатический фактор, потому что зимой проводить избирательную кампанию крайне сложно из-за того, что Япония — это все-таки страна с холодным климатом, и проводить какие-то предвыборные мероприятия, выступать с речами на воздухе, собирая избирателей под холодным ветром или под снегом, или ставить эти предвыборные плакаты, особенно на Хоккайдо и в северных районах страны, очень сложно. И это тоже фактор против выборов. Кроме того, конечно, это нарушает и нормальную работу органов местного самоуправления, которые также занимают бюджетом.

Еще один из аргументов против выборов — это то, что одной из возможных дат их проведения, было обозначено 8 февраля (и в реальности она таковой и стала). Это период, когда в японских университетах проходят экзамены, и фактически вся молодежь сидит в университетах. И отвлечься на выборы, прийти на избирательный участок для многих становится большим вызовом, то есть многие просто туда не придут.

С учетом этого роспуск парламента и объявление об этих выборах было, конечно, как гром среди ясного неба. Многие считали, что это очень безрассудный шаг, который приведет правящую партию к катастрофе. Тем более что в конце прошлого года вскрылось множество неприглядных для правящей партии фактов, связанных с политической коррупцией и со связями некоторых законодателей ЛДП с Церковью объединения. При этом в этих фактах или в этой информации была замешана лично сама премьер Такаити. То есть было множество доводов против того, чтобы проводить такие выборы сейчас. Но, тем не менее, премьер приняла такое решение, и, конечно, все понимали, почему это было сделано.

Есть несколько крайне убедительных аргументов и в пользу проведения выборов. Во-первых, это огромный личный рейтинг Такаити, который достиг 70 %. Иметь рейтинг более 70 % через 2 месяца против после формирования кабинета — это для японской политической жизни, конечно, большая редкость. Кроме того, за этим решением стоит и гендерный фактор: первая в истории Японии женщина — премьер-министр, к тому же очень активная, использующая различные имиджевые средства для раскрутки своей популярности среди избирате-

лей — социальные сети, выступления на телевидении, появление на внешнеполитических мероприятиях и т. д. Ее часто показывают по телевизору, и, в отличие от многих премьеров, она выступает очень понятным для избирателей языком, она говорит очень открыто, прямо, короткими рублеными фразами, которые доходят до избирателей.

И, конечно, это повышает ее личные рейтинги. Она популярна и среди женщин, и среди молодежи. Достаточно сказать, что накануне выборов она выступила с обращением к избирателям через социальные сети в ютубе, и этот ролик набрал более 100 миллионов просмотров. Такого объема просмотров не было ни у одного политика, не только из оппозиционных, но и из правящей партии.

Тем не менее, решение о выборах было принято в условиях, когда правящая партия была достаточно непопулярной, имея рейтинги поддержки порядка 30 %. Если у ЛДП рейтинг невысокий, а у премьера личный рейтинг около 70 %, то здесь сразу же виден основной мотив — обратить личную популярность премьера в электоральные успехи правящей партии. Я напоминаю, что до выборов правящая партия находилась в нижней палате парламента в очень шатком положении, то есть фактически была в меньшинстве (правящая коалиция имела в нижней палате только на один голос больше половины голосов). Поэтому правящая партия очень зависела от партнера по коалиции — Партии обновления, и цель у нее заключалась в том, чтобы качественно улучшить позиции в парламенте. Эта цель была, конечно, понятна всем, но, повторяю, дело это было очень, очень рискованное.

И самое главное — это было личное решение Такаити, оно не было согласовано ни с кем из ее покровителей из числа ветеранов ЛДП, включая Асо Таро, который считается ее главным патроном. Это было ее решение, возможно, принятое узким кругом ее советников.

Накануне роспуска, т. е. в момент, когда роспуск был уже практически предрешен, крупнейшая оппозиционная Конституционно-демократическая партия совершенно неожиданно объединяется с партией Комэйто, которая, как вы знаете, вышла из правящей коалиции в сентябре прошлого года. И это действительно было как гром среди ясного неба. Я думаю, что и в правящей партии такого развития события не предполагали. Почему? Потому что, конечно, это тоже определенный риск, связанный с тем, что Конституционно-демократическая партия — это все-таки партия леволиберальная, с глубокими корнями в социал-демократической идеологии, связанная с профсоюзами, с профобъединением Рэнго, и эта партия в своей программе стоит на таких пацифистских, леволиберальных, прогрессистских позициях. Хотя, конечно, кадеты напрямую не выступают против Договора безопасности, но они выступают против законодательства по безопасности 2015 г., его они не приемлют категорически. Выступают они и против возобновления работы атомных станций.

По всем этим вещам Комэйто стоит абсолютно на других позициях. Совсем недавно они поддерживали и возобновление атомных станций, и законодательство 2015 г. Это принципиальные вещи, которые очень трудно объединить в программном отношении. И объединить эти две партии, конечно, был большой риск, связанный с тем, что избиратели этих партий этого не поймут.

А почему эти партии объединяются? Ясен был и расчет, он был виден изда- лека и заключался в следующем. У Комэйто в каждом избирательном округе дос- таточно большая когорта организованных голосов — от 10 до 20 тыс. голосов, ко- торые очень дисциплинированы, потому что это все члены необуддистской секты Сока гаккай. Они приходят в любую погоду вне зависимости от и времени года и голосуют как им скажут, это уже было доказано. Именно по этой причине еще в 1999 г., это было 26 лет назад, ЛДП привлекла Комэйто к коалиционному прав- лению.

КДП хорошо выступила на выборах 2024 г., я напоминаю, что у них было 148 мандатов в нижней палате, а у Комэйто 24. То есть расчет был на то, что эти из- биратели проголосуют за единую общую партию в малых округах, а там работает мажоритарный принцип. Как раз эти 10—20 тыс. голосов позволяют кандидатам от бывшей КДП одолеть либерал-демократов и победить на выборах. В то же время в пропорциональных округах на первых позициях в партийных списках окажутся кандидаты от бывшей Комэйто. Эти 24 места, которые они имели до выборов, будут получены в пропорциональных округах — в принципе, так Комэйто всегда и делала все эти годы, она получала места в парламенте только в пропорциональ- ных округах, где голосование идет не за кандидата, а за партию. Конечно, этот электоральный расчет абсолютно рационален.

Многие предполагали, что в условиях, когда обе эти партии теряют поддерж- ку (а в основном за них голосовали люди пожилых возрастов, причем не только за Комэйто, но и за кадетов, а молодежь их не поддерживала), такой расчет сра- ботает. То есть если объединить две партии, один плюс один станет два, это будет очень удачный ход, и они могут составить конкуренцию, дать бой правящей пар- тии. Но, как оказалось, этот расчет не сработал. Причем оказался он совершенно провальным. И причин тому несколько.

Когда началась избирательная кампания (это очень короткая кампания, она длилась всего 12 дней), сразу же стало ясно, что японские избиратели не поддер- жат новый блок, который получил название Центристский альянс за реформы. Его возглавили два сопредседателя — бывший председатель Конституционно-де- моκραтической партии Нода Ёсихико и бывший председатель Комэйто Сайто Тэцуо.

Еще в период предвыборной кампании стало ясно и то, что главную роль для итогов выборов, особенно на уровне малых, мажоритарных избирательных окру- гов, будут играть т.н. плавающие голоса, то есть беспартийные голоса тех, кто не поддерживает ни одну партию, а голосует просто по зову сердца, посмотрев теле- визор или почитав социальные сети или газеты.

И оказалось, что эти голоса, которые поддерживали КДП в 2024 г., когда они выступали против правящей партии именно по причине коррупции или по при- чине Церкви объединения, скандалов, которые сотрясали ЛДП, за новый цен- тристский блок голосовать не будут. Почему?

Во-первых, и это самое главное, стало совершенно ясно, что этот блок соз- дан исключительно в электоральных целях, то есть только для того, чтобы из- браться в парламент. Японские избиратели такой логики не приемлют, это уже доказано еще с 2017 г., когда Демократическая партия Японии были распущена,

а ее бывшие депутаты неудачно пытались избраться в парламент, присоединившись в полном составе к Партии надежды.

Такой блок выглядит очень поспешным, скороспелым и созданным исключительно в конъюнктурных целях, только чтобы избраться в парламент. За ним не стоит ни цельная программа, ни прочные связи с избирателями. За эти 12 дней, которые были даны на избирательную кампанию, «раскрутить» этот блок было совершенно невозможно. Конечно, «беспартийные голоса», которые посмотрели на программу новой партии, решили, что это просто какой-то беспринципный сговор двух партий только для того, чтобы быть избранными в парламент.

Другой момент касается избирателей кадетов — то есть членов профсоюзов, которые поддерживали в свое время Социалистическую партию, потом ДПЯ, а затем кадетов. Это достаточно либерально настроенные избиратели. Они посмотрели на программу этой центристской партии, и оказалось, что в этой программе практически полностью и без изменений сохранены все программные установки партии Комэйто, но не КДП. Я напоминаю, что у Комэйто было 24 голоса нижней палате, а у кадетов там 148. А теперь получается, что руководители новой партии со стороны кадетов предали свои идеалы, то есть фактически отказались от своих программных установок и пошли на поводу у Комэйто. И это, естественно, возмутило многих традиционных избирателей кадетов.

Теперь что касается традиционных избирателей Комэйто. Здесь уже другая ситуация. Оказалось, что убеждение со стороны Сока гаккай не работает, и было ясно почему. Потому что Комэйто долгие годы была в составе правящей коалиции, и для них кадеты всегда одеты были заклятыми врагами, с которыми они боролись с момента образования этой партии. Это был главный их соперник на выборах политический. И тут вдруг оказывается, что нужно кандидатов от главного политического соперника поддерживать. Конечно, у многих избирателей просто возник какой-то когнитивный диссонанс в головах. Почему они должны поддерживать КДП в конъюнктурных целях? К тому же у Комэйто наработаны десятилетиями и очень прочные связи именно с правящей партией. И оказывается, что надо пожертвовать этими личными связями, просто чтобы поддержать бывшего заклятого врага. Для многих это было абсолютно неприемлемо, и они не голосовали за кадетов.

И оказалось, что вместо того, чтобы один плюс один стало два, суммой стал даже не один, а половина. То есть это была деструктивная логика.

Второй фактор, который проявил себя в ходе избирательной кампании — это фактор личной популярности. Я уже отмечал, что многие избиратели, особенно женщины, находились под сильным воздействием личной харизмы Такаити, которая не скрывала своих бонапартистских, я бы сказал, намерений. Она, в общем, достаточно презрительно отзывалась об оппозиции. Даже можно привести пример, что она не участвовала в дебатах на NHK между лидерами партий. Она демонстративно не пришла на них, сославшись на то, что у нее обострился артрит, но в тот же день она появилась на предвыборном митинге, сказав, что у нее артрит, но тем не менее она вот пришла на этот митинг, показала, что, пальцы у нее забинтованы. То есть это означало, что ей важнее общение с избирателями, чем с лидерами других партий.

Но мне кажется еще более важным не только личная харизма или общение напрямую с избирателями. Свою роль играл и фактор, связанный с гендерной принадлежностью лидера ЛДП — так называемая политика Мадонны. Вот в Японии был 1989 г., когда впервые Дои Такако стала спикером верхней палаты в Японии, и в стране был такой бум «женской политики», точнее, «политики женщины». Прошло уже больше 35 лет, сейчас пришло новое поколение избирателей. Но женщины, в общем, не очень представлены в органах власти. И вот сейчас появление женщины с таким харизматическим обликом, — конечно, это для многих японцев очень знаковое явление, и они пришли ее поддержать лично. То есть гендерный фактор был очень важен.

Наконец, большое значение имела показная жесткость Такаити по отношению к Китаю. Многие японские избиратели стоят сейчас, в общем-то, на антикитайских позициях. Они считают, что раз Китай сильно давит на Японию, Япония не должна «прогибаться» под Китай. Для них очень важна такая вещь, что Такаити не взяла свои слова назад — она для них политик, который отстаивает национальные интересы, не уступает под давлением.

И, конечно, еще нужно сказать и об оппозиции. Помимо этих институциональных и психологических проблем, избирательная кампания для нее была не очень удачной и в содержательном плане. Речь идет о левой ее части — Центристском альянсе за реформы. На что они напирали? На то, что Япония — это мирное, демократическое государство, которое должно придерживаться своих пацифистских традиций, которые заключаются в отрицании милитаризма и отказе от военного строительства. Кроме того, они апеллировали к проблеме социального неравенства в Японии. Эта риторика, которая не менялась еще со времен холодной войны, это апеллирование к пацифистским ценностям не находят отклика среди молодежи, потому что молодежь сейчас воспитана уже совсем по-другому. Уже этот пацифизм никого, за исключением людей «60 плюс» или «50 плюс», никого на самом деле не затрагивает особенно глубоко.

Как сказал один из обозревателей, вся эта риторика упала на глухие уши избирателей, то есть использование этой риторики — это был пустой избирательный ход.

Теперь я не хочу злоупотреблять своим временем, сразу скажу об итогах выборов. Да, конечно, были еще другие партии, вам хорошо известны, это Народно-демократическая партия, это Сансэйто. Но все-таки главная интрига было в противостоянии центристского блока и либерал-демократов — смогут ли они конкурировать между собой? И никакой конкуренции не получилось. Конечно, итоги выборов были просто ошеломляющие, то есть никто такого не предполагал.

Все понимали, что ЛДП победит, но с каким счетом они победят, было неясно. Некоторые говорили, что центристский альянс получит 100 голосов, некоторые говорили, что могут быть и двузначные цифры, но сомневались, будут ли. Но в конечном счете они получили всего 49. Поскольку до выборов в нижней палате у них было 172 места, это был полный разгром.

Более того, самое интересное, что центристский блок в «малых избирательных округах», т. е. мажоритарных округах, практически всюду проиграл, включая все свои «вотчины» — округа, где он всегда получал хорошую поддержку избира-

телей: это Хоккайдо, это префектура Айти, префектура Нагано и т. д. Это все такие «рассадники либерализма», и всюду они проиграли. Центристский альянс смог победить только в 7 из 289 округов. Никто не помнит подобного разгрома в прошлом. При этом он сопровождался поражением практически всего руководящего состава бывшей Конституционно-демократической партии. Победил на этих выборах только один Нода Ёсихико, в префектуре Тиба. А практически все его соратники, включая Адзуми Дзюн, Гэмба Коитиро и даже ветерана Одзава Итиро — все проиграли. И это было очень показательно.

И еще один парадокс заключался в том, что в пропорциональных округах, где Центристский альянс получил 42 места, 28 получили кандидаты от Комэйто. Я напоминаю, что у Комэйто было 24 места до выборов, а в результате того, что была такая вот схема придумана, бывшая Комэйто существенно увеличила свое представительство в депутатском корпусе нового центристского блока. То есть получилось так, что если до выборов подавляющее большинство в рамках этой новой партии было за кадетами, то сейчас в количественном отношении там преобладает Комэйто. То есть фактически это означает полный распад Конституционно-демократической партии.

Но нужно сказать, что в пропорциональных округах, в общем-то определенная борьба все-таки шла, и ЛДП не получила там такого большого преимущества: центристский блок получил примерно в 2 раза меньше мест. И в пропорциональных округах многие избиратели все-таки голосовали за Центристский альянс именно как за партию. Но в любом случае вот такой результат получился, очень парадоксальный: единственная крупная оппозиционная партия ужалась в нижней палате до 49 депутатов. Я напоминаю, что по конституции 49 депутатов даже не могут выступить с законодательной инициативой по бюджету — нужен минимум 51 депутат.

А правящая Либерально-демократическая партия получила 315 мест, тогда как до выборов у нее было 198. Более того, у ЛДП оказалось меньше кандидатов, чем вакансий в пропорциональном округе, они могли бы получить 330 мест. То есть 15 мест они просто отдали другим партиям, так как эти кандидатские вакансии не были заполнены какими-то конкретными лицами, потому что сама ЛДП такого потрясающего результата не ожидала.

Что такое 315 мест? Это больше двух третей от списочного состава нижней палаты. Такого результата у ЛДП никогда не было. Даже в период правления Абэ Синдзо и Коидзуми Дзюньитиро, когда ЛДП побеждала, конечно, сокрушительно, но не до такой степени, не так, чтобы у нее было больше двух третей единолично. То есть фактически это означает, что у ЛДП, которая имеет две трети голосов в нижней палате, вообще нет необходимости в какой-либо коалиции, так как любые решения они могут принимать на уровне партии и ни с кем их не согласовывать. Потому что коалиционное правление все-таки заставляет согласовывать любые решения с партнером по коалиции.

Вы прекрасно знаете, что такое большинство по Конституции дает правящей партии возможность преодолевать вето верхней палаты. То есть если верхняя палата по любому из принятых нижней палатой законопроектов голосует против, то нижняя преодолевает это вето вот этим квалифицированным большинством.

Я напоминаю, что в верхней палате у ЛДП нет такого большинства. Иными словами, это означает, что у ЛДП сейчас практически полностью развязаны руки, имеется абсолютная свобода маневра, свобода действий. И более того — возникают условия для достаточно радикальных шагов нового правительства Такаити в сфере национальной безопасности, в экономике, которые не требуют никакого согласования. Никаких дебатов в нижней палате, во всяком случае, не ожидается, потому что все должностные лица в парламенте, включая руководство всех комиссий, будут за ЛДП. Вот такой потрясающий результат.

Это ситуация полной диктатуры, что ли, одной партии. И куда пойдет политический процесс? Здесь возникает множество вопросов по конкретным пунктам политической повестки дня: кто и какие решения будет принимать внутри ЛДП, будет ли это полностью диктатура одной Такаити или всё-таки появится какой-то коллегиальный механизм? Как будет развиваться ее внешняя политика? Какие будут приняты решения в экономической сфере?

Я хотел бы сейчас я хотел бы предоставить слово нашему коллеге шеф-корреспонденту РИА Новости в Токио Ксении Олеговне Нака.

Нака К.О., руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Японии

Хотелось бы начать с прогнозов, которые были сделаны до выборов, так как они естественным образом перетекают в прогнозы относительно дальнейшей политики Японии. Необходимо сказать, что выводы относительно того, к чему приведет победа Такаити, отличались зачастую диаметрально противоположной направленностью. Причем интересно посмотреть на динамику развития мнения одного и того же эксперта и ученого в зависимости от результатов выборов. Так, если до выборов один из профессоров Васэда на собрании, посвященном будущему японской внешней политики, говорил дословно: «Победа Такаити — это война», то затем ближе к выборам он несколько смягчил высказывание, не говоря, что это война, но акцентируя внимание на том, что «такая ситуация опасна». Но после выборов тот же эксперт заявил, что в связи с тем, что Такаити не просто победила, а одержала столь ошеломительную историческую победу и она же намерена ввести закон о шпионаже, то разговаривать с российским средством массовой информации он не может и попросил ничего из его высказываний в публикациях не использовать. Взамен этот ученый предложил процитировать «Гардиан», где написано, что, возможно, победа Такаити и ЛДП и не приведет к таким тяжелым последствиям, о которых мы говорили ранее.

Еще одно экспертное мнение заключалось в том, что Такаити после победы отступит от своих же предвыборных лозунгов, в частности, от идеи отмены или снижения потребительского налога. Ученый, бывший высокопоставленный чиновник министерства экономики, перефразировал выражение, которое применяется к политике Трампа ТАСО — *Trump Always Chickens Out*, намекающее на его непоследовательность и трусость при доведении своих лозунгов до конца, на «ТАСОichi» — Такоити, так как считает, что вскоре после победы Такаити нач-

нет давать задний ход и переведет разговор об отмене налога на некий народный совет — *кокумин кайги*, чтобы снять с себя ответственность за принятие решения и перенести ее на этот совет.

Практически все критические прогнозы сходились на том, что после победы Такаити Санаэ и Либерально-демократической партии из-за слабой и разобщенной оппозиции у Такаити практически не будет сдерживающих факторов, и это может ее завести слишком далеко, так как не найдется политической силы, которая смогла бы ей противостоять.

При этом нередки были и прогнозы относительно того, что чем более уверенной будет ее победа, тем более велика вероятность, что она сможет позволить себе не гнаться за голосами избирателей, отойти от радикальных высказываний и начать проводить более взвешенную и сбалансированную политику. Такое мнение я слышала от двух человек — Такаити, наконец, сделает глубокий выдох, посмотрит на географическое положение Японии, и примет на вооружение пример Абэ Синдзо, так как даже критики ЛДП сходились в том, что Абэ, несмотря на свои правые взгляды, во главу угла ставил национальные интересы Японии, а они диктуют необходимость налаживания отношений с ближайшими соседями.

До выборов были сильны сомнения в том, что личная популярность Такаити и ее правительства сможет «вытянуть» популярность ЛДП. И такие риски действительно были велики. И тут интересен один незначительный на первый взгляд фактор, который сыграл большую роль при голосовании.

Вскоре после того, как Такаити объявила, что намерена распустить парламент, на пресс-конференции она сказала, что «если мы не получим большинства, то мне придется уйти с поста премьер-министра». Возможно, это был экспромт, так как сказано это было очень осторожно, и когда ее переспросили «кто — мы?», она сразу подстраховалась, ответив: «мы — это коалиция». То есть это не такая уж была и высокая планка, потому что вместе с коалицией они бы получили хотя бы больше половины мест в нижней палате.

После этого она очень быстро поняла, что это очень выигрышный лозунг. Возможно, ее командой был проведен мониторинг после этого высказывания. Но она буквально сразу же после этой пресс-конференции поняла, что именно это и есть ее лучшая предвыборная программа. Потому что погружаться в детали программы рядовой избиратель, особенно молодежь, не будет. А такой лозунг будет понятен всем. Фактически она «перевернула игровой стол» и превратила эти парламентские выборы в выборы премьера. То есть вопрос на выборах был предельно прост: голосуете вы за Такаити или нет?

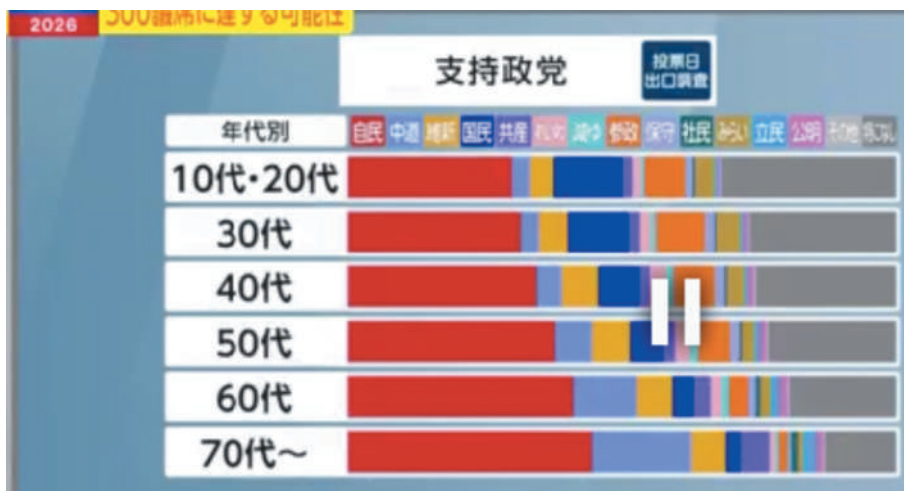
Такой выбор был очень понятен. Об этом говорят опросы на улицах, когда людям и в голову не приходит обсуждать программу, они говорят, что «если мы не голосуем за ЛДП, то мы против Такаити». Поэтому Такаити, очевидно, поняв выигрышность этого лозунга, стала очень часто повторять и использовать в предвыборных речах на улице и в дебатах фразу о том, что она уйдет с поста премьера, если не получит большинства. Этим она показывала, что ей есть что терять, что она не хочет это терять, но она идет ва-банк.

В этом отношении в плане имиджа ей стала сильно проигрывать оппозиция. Это и поспешное создание новой партии двумя несовместимыми, «как масло и

вода», партиями. Избирателями откровенная беспринципность этого альянса Конституционно-демократической партии и партии Комэйто была воспринята негативно. Так же негативно могло восприниматься и желание подстраховаться в виде учреждения двух постов сопредседателей, нежелания расформировывать обе партии, создав лишь партию из депутатов обеих партий. По контрасту с Такайти, которая, не оглядываясь, ставит на кон все, что у нее есть, а теряет она намного больше, чем оба лидера оппозиционных партий, оппозиция понесла большой имиджевый урон.

Кроме того, тезис об уходе в отставку в случае проигрыша сыграл важную психологическую роль — он создал у избирателей ощущение, что они участвуют в прямых выборах главы государства. Считается, что невозможность напрямую выбрать премьер-министра тормозит активность молодежи при голосовании, так как у молодых нет ощущения, что от их голоса что-то зависит. В данном случае как раз и была создана ситуация, польстившая избирателем, которые смогли почувствовать вес и значение своего голоса.

Доказательством верности этого предположения является то, что неожиданно высоким оказался процент молодежи, проголосовавшей за ЛДП, то есть за Такайти. В частности, по результатам экзит-полов NHK выяснилось, что ЛДП заручилась почти одинаковой поддержкой во всех возрастных категориях.

Разница в поддержке между молодым и более возрастным электоратом составляла около 10 %. На примере префектуры Сидзуока, если экстраполировать эти результаты на всю страну, получится, что если в поколении 70 лет и старше за ЛДП проголосовало около 45 %, то среди 20-летних — 35—38 %. В то же время у главных оппонентов ЛДП — «Блока центристских сил» есть сильный перекося в сторону популярности именно у старшего поколения. У них основной электорат — это люди старше 70 лет. Причем если взять следующее поколение от 60 до 70 лет, то популярность партии сокращается почти в половину. Если посмотреть

на разницу с совсем молодыми, то она составит 5—7 и более раз. То есть партию поддерживает уходящий электорат.

Таким образом, получилось, что у ЛДП практически одинаковая поддержка во всех возрастных категориях. Это было неожиданным результатом прошедших выборов, но это же стало, вероятно, и причиной столь ошеломительной победы ЛДП и Такаити.

Во многом это произошло за счет контраста в имиджах ЛДП-Такаити и оппозиции, с которыми они подошли к выборам. Такаити показала, что она волевой лидер, готовый рисковать и идти ва-банк, готовый взять на себя ответственность, что, по всей видимости, очень импонировало избирателям, а оппозиция показала себя беспринципной и неготовой рисковать.

Относительно прогнозов на будущее японской политики, сильны голоса, опасаящиеся, что теперь у ЛДП совсем не будет сдерживающих факторов. Определенную основу для опасений представляют оживившиеся после победы на выборах обсуждения о внесении изменений в конституцию, которых не было, пока у ЛДП было хрупкое большинство в нижней палате. В плане ближайших политических шагов пока можно исходить только из того, что говорит сама Такаити. Она обещает сокращение или отмену потребительского налога на 2 года, но решение будет принимать некий «народный совет». Она намерена изменить систему формирования бюджета, включив дополнительный бюджет, который традиционно принимается в конце календарного года для латания дыр, в общий бюджет и принимать одним документом. Правда, пока это лишь прожекты, о конкретике еще речь не идет. Такаити заявляла также о том, что хочет внести изменения в формирование бюджетов и принимать их заранее, например, принять в этом году бюджет на 2028 фин. г.

Насколько эти планы осуществимы, пока неясно, так как прецедентов таких нет. Также в этом году будет создан департамент государственной информации, что должно послужить укреплению разведывательных функций государства. Будет усилен контроль над иностранными инвестициями с точки зрения укрепления национальной безопасности. Также до конца года будут пересмотрены три стратегических документа политики национальной безопасности. В том, что касается способов ведения политики — будет ли Такаити более выдержанна в своих высказываниях и политических шагах, так как ей не надо ни с кем конкурировать за голоса избирателей, или наоборот, решит, что нет необходимости считаться с другим мнением и можно без оглядки принимать любые политические меры — этот вопрос пока остается открытым.

Нелидов В.В., доцент МГИМО-университета

То, о чем я буду говорить, будет в некотором смысле подведением итогов того, что уже было сказано. Начать следует с того, что, действительно, то, что произошло — это сенсация, причем сенсация мирового масштаба. Но зачастую то, как комментаторы, политики, журналисты, эксперты реагировали на эту сенсацию, говорило не только о ситуации собственно в Японии, но и об их собст-

венных политических предпочтениях, ожиданиях, надеждах. В этом смысле, например, сторонники Дональда Трампа и вообще сторонники правых сил в Соединенных Штатах, в Западной Европе видели Такаити как «Трампа в юбке», которая начнет новую эру в японской политике, будет бороться со всеми теми социальными явлениями, которые, с их точки зрения, неприемлемы и заслуживают того, чтобы с ними бороться. С другой стороны, комментаторы, например, в Китае, в других странах, критически настроенные к Японии, к возрождению военной мощи Японии, Такаити откровенно демонизировали, обвиняли ее в том, что она ведет Японию снова к милитаризму и войне и что, дескать, какие-то у нее авторитарные, чуть ли не фашистские замашки.

Как мне кажется, можно, конечно, рассуждать в таком эмоциональном ключе, но вопрос в том, нужно ли это делать. По моему мнению, нужно обратить внимание на структурные условия, которые на самом деле и определяют долгосрочные тренды, потому что то, что есть у нас сейчас, это, во-первых, личный фактор Такаити. В данный момент у нее оказался очень высокий уровень поддержки, тем более что, действительно, выборы стали, как уже отметила Ксения Олеговна, фактически референдумом о доверии, фактически выборами премьер-министра, хотя конституционно в Японии так это не работает.

Вопрос в том, насколько ей удастся в средне- и долгосрочной перспективе сохранить эту ситуацию, потому что японские избиратели достаточно нетерпеливы, и, что, пожалуй, опровергает некоторые прогнозы, они концентрируются прежде всего на вопросах, связанных с повседневной жизнью, на экономических и социальных проблемах. А вопросы внешнеполитические, как правило, находятся для них на втором-третьем месте.

И вот давайте посмотрим, что у нас есть в плане прогнозов относительно перспектив правительства Такаити с точки зрения внутренней политики. По вопросам внутренней политики было сделано два ее ключевых обещания. Первое — то, что она пообещала временно отменить налог на потребление на продукты питания и напитки, что призвано облегчить налоговое бремя особенно для малоимущих граждан. Но здесь снова вопрос в том, насколько это сработает и не приведет ли это к большим проблемам, чем к выгодам. Дело в том, что все-таки это очень большая сумма, которая будет потеряна японским бюджетом — по некоторым оценкам, в год около 5 триллионов иен. И хотя Такаити уже говорила о том, что это не приведет к выпуску новых долговых обязательств японского правительства и что это будет сделано за счет пересмотра субсидий, специальных налоговых мер, то есть отмены каких-то налоговых послаблений, а также за счет неналоговых доходов, но все равно есть большие сомнения.

Дело в том, что как раз в долгосрочной перспективе проблема государственного долга в Японии стоит очень остро. Хотя в ближайшем будущем, конечно, никакого дефолта там не будет, но, все равно, делать с этим что-то нужно. И то, что мы видим в последние десятилетия — это то, что этот государственный долг растет и растет, и получается, что такая мера откровенно популистского характера может привести только к дальнейшему усугублению этой проблемы. Так что здесь выгода с точки зрения ее краткосрочных политических перспектив, может

быть, и будет, если это будет проведено, но в долгосрочной перспективе мера неоднозначная.

Более того, как опять-таки уже было подчеркнуто, сама Такаити уже в некоторой степени пошла на попятную, если это можно так назвать, и заявила, что эта мера будет принята только после того, как будет проведено какое-то совещание или какая-то конференция, причем с участием и оппозиционных партий в том числе, и что вроде бы как до лета этого года должны быть предоставлены конкретные предложения. Но до лета еще несколько месяцев, и будет ли проведена эта конференция, какие там будут приняты решения — все это подвисает в воздухе и выглядит как, откровенно говоря, откладывание данных обещаний.

Второй вопрос, наверное, чуть более отдаленный с точки зрения непосредственных материальных интересов японских избирателей, но более важный с точки зрения нашей, наблюдателей, находящихся за пределами Японии, это, конечно же, конституционная реформа.

Такаити уже пообещала инициировать пересмотр конституции, но здесь снова те, кто считают пересмотр конституции уже свершившимся фактом, как мне кажется, забегают в своих прогнозах слишком далеко. Понятно, что эта победа на выборах в нижнюю палату дает очень существенный рычаг влияния, но ведь, согласно конституции, требуется большинство в две трети голосов в обеих палатах парламента, и в верхней палате парламента у правящих сил такого большинства нет. Понятно, что есть и другие партии, в том числе оппозиционные, которые теоретически могли бы в обмен на определенные уступки согласиться поддержать этот проект, но вопрос в том, какой должен быть этот проект.

Если мы посмотрим на историю проблемы конституционной реформы, мы увидим определенную цикличность. Эта проблема периодически появляется на повестке дня японской политики. Но, например, когда в последний раз это было в 2010-х гг., при Абэ Синдзо, то тогда не было даже сформулировано конкретное предложение относительно того, а что, собственно, менять в конституции. Были предложения относительно дополнения — не отмены, а именно дополнения девятой статьи конституции, которое окончательно сняло бы вопросы о конституционности Сил самообороны. Замечу, что это не означало бы отказа от принципа государственного пацифизма. То, о чем шла речь тогда и о чем, собственно говоря, идет речь в последнее время, это то, что положения об отказе от войны как средства решения международных споров сохраняются, но в девятую статью будет внесено какое-то дополнительное положение о том, что при всем при этом существование Сил самообороны не противоречит конституции.

Есть предложения относительно особых условий для введения чрезвычайного положения в Японии, есть предложения относительно изменения статуса императора. Но, опять же, прежде чем все это будет согласовано и вынесено на голосование в парламент, потребуются долгий и сложный политический процесс, и вопрос в том, насколько хватит полученного Такаити политического капитала для реализации этого процесса.

Не будем забывать и то, что за голосованием в парламенте, даже если оно пройдет успешно, последует общенациональный референдум, который, во-первых, еще нужно подготовить. А во-вторых, несмотря на все смещение приорите-

тов японской публики, несмотря на то, что поколения, для которых пацифизм стал почти гражданской религией, уходят, а молодежь все чаще и чаще, наоборот, критикует такое отношение своих родителей и старших родственников, обвиняя их в «пацифистском слабоумии», «хэйва бокэ», все равно, несмотря на все это, исход такого референдума далеко не предрешен, а если такая инициатива будет выдвинута и будет провалена на референдуме, понятно, это будет очень серьезным поражением для правительства Такаити и для нее лично. Так что этот момент тоже, как мне кажется, далеко не гарантирован, и не факт, что сам процесс конституционной реформы будет запущен.

Опять-таки, те утверждения, что, дескать, Такаити будет сильным лидером, что она будет вести себя таким же образом, как ведет себя Дональд Трамп или другие сильные лидеры в других странах, мне кажутся тоже несколько сомнительными.

Не будем забывать про специфику японской политики, где культуры сильного индивидуального лидерства нет. Более того, даже если какая-то политическая сила находится у власти, то все равно она обязана поддерживать определенную гармонию, она не имеет морального права «растаптывать» побежденных и оппозицию. Это понимает и сама Такаити, и уже в своих выступлениях она пообещала управлять страной «со смирением», как это было сказано. Но, как бы то ни было, излишняя жесткость в отношении оппозиции, пускай даже потерпевшей поражение на выборах, может оттолкнуть избирателей. Японцы могут просто решить, что они за это не голосовали, даже если лично они эту оппозицию не поддерживают.

Наверное, самый актуальный конкретно для нас вопрос — это не столько внутренняя японская политика, сколько трансформация внешней политики Японии и, прежде всего, политики в сфере национальной безопасности. Здесь действительно уже были даны очень интересные и очень важные обещания. Например, было сказано о том, что до конца года будут пересмотрены, как уже упоминалось, ключевые документы в сфере безопасности, а это Стратегия национальной безопасности, Стратегия национальной обороны и Программа развития оборонного потенциала.

Кроме того, буквально сегодня, 12 февраля, генеральный секретарь кабинета министров Кихара Минору заявил, что Япония создаст отдельную национальную стратегию в сфере разведки. На данный момент соответствующие положения включены в Стратегию национальной безопасности, а речь идет о том, что это будет вынесено в отдельный документ, что, очевидно, является частью политики по укреплению разведывательного потенциала Японии. В том числе это связывается и с созданием соответствующих институциональных структур, которые должны объединить различные разрозненные подразделения, работающие на этом направлении. И понятно, что это будет идти рука об руку с укреплением военной мощи Японии.

Может быть, произойдет какой-то отход от «трех неядерных принципов», но, скорее, не в форме приобретения Японией собственного ядерного оружия, а в форме рассмотрения каких-то возможностей совместного использования ядерного оружия с Соединенными Штатами, что-то вроде того формата, что есть у США с союзниками по НАТО.

Причем здесь следует отметить следующее. Мне кажется, что японская политика в сфере национальной безопасности, причем это касается и позиции элит, и позиции широкой публики в целом, отличается тем, что я бы назвал солипсизмом. Что я имею в виду: дискурс японской политики в сфере национальной безопасности главным образом касается того, что должна сделать Япония, что не должна сделать Япония, какие меры должна предпринять Япония, допустимы ли или не допустимы эти меры.

Но результативность этих мер и вообще позиция Японии на международной арене в конечном счете зависят не только и не столько от этих мер, которые зачастую имеют не такой радикальный характер. Она зависит от аспектов структурного свойства, от соотношения сил и потенциалов Японии и ее оппонентов. В этом смысле просто заявить о том, что Япония будет вести себя более решительно, и даже получить при этом поддержку избирателей — этого еще далеко не достаточно. Япония не сможет вести себя решительно, если она будет объективно слабее своих оппонентов и если она не будет получать достаточной поддержки со стороны союзников.

А как раз именно так обстоит ситуация на данный момент. Если мы посмотрим на Соединенные Штаты, то можно много углубляться в оценочные характеристики поведения Дональда Трампа, но, наверное, сложно назвать его и его администрацию особенно надежным союзником, особенно когда стало очевидно, как он готов обходиться даже со своими союзниками по Североатлантическому альянсу. С Японией ситуация более благоприятная и не характеризуется такими серьезными конфликтами, но, тем не менее, когда все это зависит от личной «химии», как это называется, между двумя лидерами, то сегодня эта химия есть, а завтра этой химии нет. Никто не знает, на что может обидеться Дональд Трамп, или просто у него поменяется настроение, и вот позиции Японии в регионе окажутся не столь благоприятными.

Что же касается позиции Японии в отношении региональных держав, то не секрет, и японцы этого не скрывают, что на протяжении уже достаточно долгого времени в своих программных документах они обозначают в качестве оппонентов прежде всего двоих своих соседей: Китай и Северную Корею. Очень многие меры Японии в сфере военной политики как раз нацелены на то, чтобы Япония могла в каких-то гипотетических сценариях воевать либо с Китаем, либо с Северной Кореей. Возьмем, например, «потенциал нанесения ударов по базам противника», те самые «наступательные вооружения», решение о принятии которых на вооружение было принято еще в 2022 г., и при Такаити это все продолжается. Все прекрасно понимают, что здесь основной сценарий — это нанесение ударов по ракетным базам Северной Кореи. Или, например, укрепление военного потенциала на «удаленных островах», создание японской версии морской пехоты, новых военных баз на юго-западе Японии — все это нацелено на потенциальный конфликт с Китаем. Грубо говоря, Китай попытается захватить Сэнкаку, и Япония должна с этим что-то делать.

Но Китай, с учетом роста его индустриальной, военной мощи, очевидно уже намного опережает Японию. Еще несколько лет назад военно-морской потенциал Японии и Китая был сопоставим. Сейчас уже, наверное, их достаточно слож-

но сравнивать. Что касается Северной Кореи, то это уже ядерная держава, обладающая не только ракетным, но и гиперзвуковым оружием. И что не менее, а, может быть, даже более важно — это держава, которая имеет союзнические отношения и союзнические обязательства с Российской Федерацией.

В результате получается, что эти оппоненты, которым Япония собирается противостоять в рамках своей более решительной внешней политики, это две, а то и три ядерные державы. Сравните с Японией, у которой нет собственного ядерного оружия и которую, более того, все ее соседи регулярно обвиняют в том, что она, дескать, позабыла уроки Второй мировой войны, и смотрят на любой ее шаг в сфере укрепления собственного военного потенциала с очень большой настороженностью.

Поэтому с этой точки зрения мне кажется, что японские элиты и широкая публика, несмотря на взгляды Такаити и ее соратников относительно необходимости усиления военного потенциала, понимают все риски, которыми это сопровождается. И это тоже может стать довольно серьезным тормозом на пути реализации тех целей, которые сейчас провозглашаются.

Подытоживая, я бы сказал, что именно то, что стало причиной победы Такаити, а именно ее личная харизма и ставка на персоналистский характер предвыборной кампании, в конечном счете может стать ее слабостью и причиной того, что в долгосрочной перспективе все может обстоять не так радужно.

Наконец, самое последнее, скорее, уже постскрипум — это вопрос об отношениях с Россией. В последнее время прозвучали заявления о готовности вести переговоры о заключении мирного договора, даже какие-то информационные вбросы о возобновлении проектов экономического сотрудничества. Но мне кажется, что, опять же, здесь все зависит не от воли японского премьер-министра, а от структурных обстоятельств и ситуации, которая выходит за рамки двусторонних российско-японских отношений. До тех пор, пока не будет решена ситуация с конфликтом вокруг Украины, конечно, ожидать восстановления отношений России с Японией было бы очень преждевременно, потому что одно дело — обещать начать переговоры, а другое дело — реально столкнуться с ситуацией, когда и Соединенные Штаты, и другие страны коллективного Запада воспримут это в штыки, крайне негативно. Поэтому дело скорее в том, что это такие заявления, которые лично для Такаити ничего не стоят, но насколько они будут реализованы — здесь у меня есть очень большие сомнения.

Тем более что тот негатив, что существует в российско-японских отношениях, существует именно потому, что Япония ввела крупномасштабные санкции против Российской Федерации, и, как говорили представители нашего политического руководства, мы не против возвращения японских компаний в Россию, но вопрос в этих санкциях. А отмена этих санкций была бы слишком дорогостоящим в плане политического капитала решением, на которое, как мне кажется, Такаити пойти не сможет. Такова моя точка зрения, и мне кажется, что все-таки нужно с осторожностью и без излишнего энтузиазма относиться к перспективам Такаити. Спасибо.

Парамонов О.Г. , научный сотрудник ИКСА РАН

В конце октября 2024 г., менее, чем полтора года назад, японские и мировые СМИ оценивали ситуацию в Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), как начало затяжной борьбы за ее политическое выживание. Сегодня их колумнисты рассматривают триумф либерал-демократов на состоявшихся 8 февраля 2026 г. досрочных выборах в нижнюю палату парламента уже как закономерное событие, хотя и признают, что его масштаб превзошел даже смелые прогнозы. Вместе с тем некоторые публикации сопровождаются осторожными оговорками о сохранении значительной доли неопределенности и в ситуации «идеального шторма», которым сопровождалась победа ЛДП, обеспеченная личными качествами и политическим влиянием ее лидера, премьер-министра Японии госпожи Такаити Санаэ, упоминается при этом и сценарий «трампизации» Японии. В этой связи представляется целесообразным провести анализ того, не «слишком ли все хорошо», и «что может пойти не так».

Среди возможных уязвимостей политики С. Такаити чаще указывают на отсутствие у нее внятной экономической программы. Так называемая ответственная, проактивная финансовая политика, которую она пообещала рядовым избирателям и бизнес-кругам, по сути, лишена внятности. Своими корнями она уходит в «абэномику», которая разрабатывалась под несколько другие, скорее даже, противоположные финансово-экономические реалии. Идея увеличения расходов без четкого финансового обоснования рискует столкнуться с кризисом доверия рынков. При этом С. Такаити, вероятнее всего, будет форсированно реализовывать планы по продвижению инвестиционной стратегии в 17 стратегически важных, по ее мнению, направлениях, включая редкоземельные минералы, биотехнологии, квантовые вычисления. Таким образом, фискальная политика кабинета С. Такаити может определяться не только интересами экономики, но и антикитайским по своей сути нарративом «экономической безопасности» (в 2022—2024 гг. С. Такаити была министром экономической безопасности).

Недавно разразившийся из-за высказываний премьера С. Такаити по поводу участия Сил Самообороны в возможных «тайваньских сценариях» дипломатический конфликт с Китаем вызвал хотя и скрываемое, но при этом заметное недовольство со стороны бизнес-элит. Также есть признаки негласного «табу» на критику в японских СМИ политики С. Такаити в отношении Китая. Имейший место в октябре 2025 г., после победы С. Такаити в борьбе за пост партийного лидера, демонстративный выход партии Комэйто из коалиции с ЛДП, также мог быть воспринят в Пекине как недружественный сигнал из Токио. Руководство Комэйто еще со времен холодной войны играет особую роль в непростых отношениях двух ведущих восточноазиатских держав, являясь, по сути, особым каналом коммуникаций их элит.

Новый партнер ЛДП по правящей коалиции — «молодая» Партия обновления Японии (*Ниппон исин-но кай*) не имеет устоявшихся принципов, подвергается критике за популистские взгляды, и является полной противоположностью предсказуемой и последовательной Комэйто. Однако на недавних выборах Партия обновления Японии выступила слабо, уже не очень понятно, в какой степе-

ни ЛДП заинтересована в таком партнере. Одним из важных элементов общей повестки обеих партий является секьюритизация миграционной политики. Однако получение «трудовых ресурсов» извне становится одним из важных факторов устойчивости не только сферы услуг, розничной торговли Японии, но и поддержания на плаву таких отраслей промышленности, как, например, судостроение (входит в вышеупомянутый перечень 17 стратегических приоритетов экономической политики С. Такаити). С. Такаити в ходе своей борьбы за лидерство в ЛДП активно использовала антииммигрантский дискурс, однако в последнее время она демонстрирует здесь скорее осторожный экономический прагматизм. К слову, при Абэ Синдзо, которого С. Такаити считает своим наставником, начались первые системные послабления политики Японии в сфере трудовой миграции.

Вместе с тем Такаити скорее соответствует запросу избирателей не на повтор «экономического чуда» Японии второй половины прошлого столетия, а на переосмысление роли Японии в меняющемся мире, где сила побеждает институты. Список инструментов для достижения амбициозных задач в сфере политики безопасности, которые поставила перед собой С. Такаити, также не слишком объемный. Перезагрузку отношений с региональными соседями сегодня в правительстве Японии не рассматривают. При том, что еще недавно Пекин давал понять о готовности к предметному общению с Токио в ситуации турбулентности, вызванной политикой администрации Дональда Трампа.

Надежда на американские гарантии безопасности, даже с учетом «личной химии», сложившейся в отношениях С. Такаити с Д. Трампом, сегодня уже не выглядит комфортной опцией ни для японского политикума, ни для японских избирателей, хотя «инерционный взгляд» на важность альянса будет сохраняться еще долго. Да, С. Такаити проявляет гибкость в отношении требований Д. Трампа. Но возникает вопрос, что президент США попросит у японцев за похвалы в адрес их лидера?

Новая роль Вашингтона в альянсах сводится скорее не к задачам так называемого совместного сдерживания, а к задаче «директив» союзникам относительно их оборонных расходов. Например, 6 февраля 2026 г. Д. Трамп утвердил Стратегию трансфера военной продукции America First, которая должна способствовать развитию американского ВПК, в том числе и за счет поставок оружия союзникам. Однако и Япония еще при кабинетах Кисида Фумио начала системную работу по модернизации национальной оборонно-промышленной базы. Но в новых условиях возможно давление на правительство С. Такаити со стороны американской администрации по поводу расширения закупок американской военной продукции.

В условиях низкого курса иены по отношению к доллару, в силу сохраняющейся высокой себестоимости военной продукции японского производства, это может негативно отразиться на интересах оборонно-промышленного сектора японского бизнеса.

Наиболее обсуждаемой стратегией для С. Такаити является крен внешней и оборонной политики вправо, хотя и при сохранении союзнических связей с США, и с большей толерантностью к идее «расширенного ядерного сдержива-

ния». Знаковым событием в этой связи может стать актуализация вопроса изменений антивоенных положений конституции Японии. С. Такаити откровенно заявляла, что ее будущая политика может «разделить нацию» в условиях, когда идентичность Японии как «пацифистской страны» находится в состоянии кризиса. Вместе с тем, несмотря на исторический масштаб недавней победы, остается неясным, привели ли выборы к формированию четко сформулированного общественного консенсуса на масштабные сдвиги в политике безопасности Японии.

Эволюция политики безопасности в послевоенный период зависела от поступательного подхода. Если реформы будут продвигаться слишком форсированно, как это происходило при первом кабинете С. Абэ, консерваторы могут снова столкнуться с кризисом легитимности. С другой стороны, С. Такаити понимает, что ее «аномально» высокий рейтинг не сможет держаться долго, ей придется спешить (на одном из фотоотчетов с предвыборного митинга с участием С. Такаити было заметно, как на фоне всеобщего воодушевления Коидзуми Синдзиро, министр обороны и недавний соперник С. Такаити в борьбе за пост главы ЛДП стоял с холодным выражением лица самурая, готового в любой момент снова вступить в борьбу за власть).

Пацифистские традиции Японии — это не только попытка поиска новой идентичности для страны в послевоенную эпоху, это еще и «блокировка» против потери общественного контроля над сектором безопасности, против появления военного и военно-промышленного лобби. Сегодня в «западных демократиях» подобные опасения в целом отходят на второй план, однако для японского общества эта проблема сохраняет актуальность в связи с памятью о временах японского милитаризма. Особую остроту вопросу придают планы С. Такаити по разработке законодательства о противодействии «иностранным шпионажу», учреждению национальной разведывательной службы. Недавние коррупционные скандалы в ЛДП показали, что общественные страхи потери демократической подотчетности не стоит недооценивать.

Да, уровень поддержки С. Такаити среди молодежи оказался беспрецедентно высоким, но молодые японцы не демонстрируют желания связывать свою жизнь с Силами самообороны Японии, испытывающими значительные трудности с комплектованием. Привлечение на службу женщин, даже в экипажи субмарин, сопровождается регулярными скандалами в связи со случаями харассмента. Таким образом, если институциональные барьеры на пути превращения Японии в более самодостаточную в военном отношении державу снижаются, то демографические и социальные проблемы могут девальвировать эту тенденцию.

При продвижении своего политического имиджа госпожа Такаити подчеркивала восхищение Маргарет Тэтчер, стремление стать «железной леди» для Японии. Возможно, это придавало ее имиджу некоторую карикатурность. К слову, именно при М. Тэтчер Великобритания оказалась втянутой в войну за отдаленные островные территории. Схожий сценарий военного конфликта рассматривается в стратегических документах Японии, совместных документах США и Японии как вероятный.

Казачков О.И., старший научный сотрудник ИКСА РАН

Дмитрий Викторович достаточно подробно обрисовал ситуацию с выборами, я бы немножко по-другому расставил акценты. Первый момент, что приходится признать: российская аналитика по Японии показала свою, так сказать, слабость, на мой взгляд, потому что если проанализировать выступления журналистов и экспертов, то акцент делался на авторитаризме Такаити, на высоких рисках для нее на этих внеочередных выборах. Но, к сожалению для этих экспертов, ожидающих провала, ситуация была по-другому выстроена. Вероятно, это потому, что если посмотреть на российскую аналитику по Японии, акцент делался на негативных возможностях в контексте развития ситуации в Японии, может быть, даже в ущерб объективности.

Но, с другой стороны, плюс в том, что выборы в Японии — это не выборы в России и здесь есть много неожиданностей, что, конечно, дает интерес большой к самой Японии как к стране, которая активно движется по пути демократии. Что касается анализа постфактум, то у нас всегда все было на высоте, поэтому, я думаю, будет много публикаций по поводу прошедших выборов.

Что касается других моментов, связанных с российско-японскими отношениями. Владимир Владимирович вкратце упомянул этот вопрос, я хочу просто обратить внимание на два момента. Первый момент: все-таки мы можем сейчас видеть достаточно агрессивную позицию Москвы в отношении Японии. Даже на тех же РИА-новостях можно посмотреть достаточно жесткие выступления посла России в Японии. И тут вопрос возникает: а, собственно, в чем проблема-то, для чего так жестко себя вести, размахивать кулаками и так далее? Это проявление силы Москвы или страха перед Такаити? Вопрос любопытный, на мой взгляд, его можно обсуждать.

И второй момент тоже к пропагандистской сфере относится. Я бы хотел обратить внимание, что между Китаем и Россией достаточно тесно установились контакты, связанные с взаимодействием средств массовой информации, и мы видим достаточно активную агрессивную позицию, которая продавливает в российских СМИ, -- антияпонскую позицию самого Китая. Она широко тиражируется в Российской Федерации на разных каналах, видимо, имеющих аффилиацию с Китаем. И, конечно, эти два фактора действуют с двух сторон. С одной стороны, жесткая риторика официальных лиц в отношении Японии и, с другой стороны, антияпонская позиция Китая, которая широко распространяется в России. Это не способствует тому, чтобы в ближайшее время между Россией и Японией выстраивались позитивные отношения. Спасибо за внимание.

Гамза Л.А., старший научный сотрудник ИКСА РАН

Прежде всего, Дмитрий Викторович, спасибо вам большое за очень хороший, подробный анализ ситуации, которая после выборов сложилась. Уровень аналитического восприятия и оценки, как Ваши, так и Владимира Владимировича, меня вполне устраивают.

У меня два вопроса. Есть ли вообще оценка результатов выборов в привязке к явке избирателей, то есть стопроцентная явка все-таки была или нет? И второе: какое, по Вашему мнению, оказал фактор Китая? Скажем так, на всплеск националистических чувств и их использование. Повлияло ли это на результаты выборов?

Стрельцов Д.В., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России

Спасибо большое, но по поводу первого вопроса ответ довольно простой. Явка составила порядка 56 %, это примерно на 2 процентных пункта выше, чем на предыдущих выборах. Не очень высокая, по-моему, пятая с конца за весь послевоенный период. То есть 44 процента абсентеистов, не пришедших на избирательные участки это довольно много. Выборы при всем прочем не вызвали такого уж подъема интереса к политике. Это можно по-разному интерпретировать, но в общем, оказалось, что это для оппозиции плохо.

И второй момент, то, что вы сказали, я как раз на это обращал внимание. Действительно этот национализм сыграл свою роль, весь этот шум вокруг выступления Такаити способствовал росту ее популярности. Ксения Олеговна говорила, что японцы голосовали именно за Такаити, а не за ЛДП, именно как за такой символ жесткости в отстаивании национальных интересов, который не прогибается под давлением. Китай сейчас пытается экономическими средствами принудить Японию быть более сдержанной. Даже Трамп сказал Такаити, чтобы она «попридержала язык» в отношении Тайваня. Но, тем не менее, японцы ее поддерживают. И это было, в общем, таким фактором, который перевесил многие опасения.

Кистанов В.О., руководитель Центра японских исследований ИКСА РАН

Я хотел бы добавить некоторые штрихи к тем темам, которые сегодня обсуждались и штрихи, которые, на мой взгляд, очень показательны и их необходимо тоже иметь в виду, рассматривая сегодняшнюю ситуацию, связанную с оглушительной победой Такаити Санаэ на выборах. Об этом уже много было сказано, и о тех факторах, которой способствовали этой ее беспрецедентной победе. Но я бы хотел обратить внимание на несколько вещей. Во-первых, на мой взгляд, Такаити очень умело оседлала общественные настроения, которые в обществе в этот момент превалировали. Но речь идет, конечно, в первую очередь о том, что главным желанием японцев, всей электоральной массы это было облегчение своего материального положения. Вот и в этом отношении неудивительно, что и Такаити, и оппозиция на первый план выдвинули предложение о снижении потребительского налога на продукты питания.

Но то, что так сказать, там возникнет проблема с тем, где и как найти дополнительные источники финансирования в условиях выпадающих доходов бюджета — это отдельная проблема. Но этот фактор, безусловно, сыграл очень важную

роль в том, что симпатии избирателей развернулись в сторону Либерально-демократической партии, главой которой является Такаити. Это при том, что уже как упоминалось сегодня, до выборов рейтинг партии был очень низкий. Опросы показывали, что только 30 % поддерживают ЛДП, и были большие опасения по поводу того, что многие избиратели, которые были настроены против партии, будут голосовать и против Такаити. Но это предположение не оправдалось.

Но и внешний фактор, конечно, сыграл здесь свою роль, уже об этом говорилось: то, что Такаити сделала это беспрецедентное заявление по Тайваню. А главное — что она, несмотря на мощнейшее давление Китая, отказалась дезавуировать свое заявление. Это на фоне определенного роста националистических настроений в Японии, сдвига вправо тоже, безусловно, импонировало довольно широким слоям японского населения.

И здесь, конечно, надо упомянуть то, что, безусловно, сыграла роль и высокая оценка в японском обществе того, что, не успев сесть в кресло премьер-министра, Такаити очень стремительно стала развивать свою внешнюю политику. Она стремительно провела два важных саммита: с Трампом у себя в Японии и с лидером Южной Кореи Ли Чжемёном. Как известно, с Южной Кореи проблемы очень сложные в отношениях. И здесь она показала, что эти проблемы она может в общем-то решать и настраивать отношения с Южной Кореи в благоприятном для Японии русле.

И еще один важный фактор внешнего характера — это, конечно, фактор Трампа. Дело не только в том, что она провела с ним успешный саммит. Но и Трамп заявил еще в процессе электоральной кампании, что он поддерживает Такаити, воздав ей должное. И хотя к Трампу, конечно же, отношение в Японии неоднозначное, во многом просто негативное, но когда такая фигура, как Трамп, который пытается рулить всем миром, вдруг высказывает беспрецедентную в истории поддержку Такаити — конечно, это сыграло в ее пользу.

Наконец, хотелось бы упомянуть еще один фактор, который, безусловно, способствовал оглушительной победе Такаити — это беспомощность оппозиции, ее, в общем, я бы сказал, глупые шаги. В чем я вижу глупость? В том, что они поспешно создали этот Центристский альянс за реформы, где пытались соединить, как было упомянуто сегодня, масло и воду, Конституционно-демократическую партию и партию Комэйто. Но самое интересное и поразительное, с моей точки зрения, заключается в том, что они этот альянс создали только в нижней палате. В верхней палате обе партии продолжали действовать под своими изначальными именами. То же самое и на местах. То есть никакого объединения фактически серьезного между двумя партиями не происходило. Не нужно иметь семи пядей его во лбу, чтобы понять, что это чисто конъюнктурное и чисто ситуативное явление. И что ждать от него каких-то серьезных результатов в реализации ожиданий, ожидании запросов избирательной массы не приходится. Это тоже, на мой взгляд, с одной стороны, подорвало позиции этого Центристского альянса, с другой стороны, конечно, избиратели, особенно неопределившиеся, независимые, ринулись, как правильно было сказано, голосовать за Такаити, за Либерально-демократическую партию.

И что дальше? Теперь встает вопрос, как конвертировать этот оглушительный успех, эту оглушительную поддержку масс в реализации экономической политики, во внешней политике и так далее. Здесь все не так просто.

Если брать внешний контур, то здесь, конечно же, Такаити в первую очередь решать проблему Китая, потому что Китай ведь оказывает сильнейший нажим на Такаити по поводу тайваньской проблемы. Здесь и сокращение туризма (туризм — это важный фактор японской экономики), здесь и ужесточение контроля за поставками редкоземельных металлов (опять же серьезный удар по экономике Японии), здесь и отказ возобновить импорт морепродуктов (тоже серьезная для Японии вещь). Так что Китай, я думаю, и дальше будет стараться вставлять палки в колеса Такаити, вести дело к тому, чтобы она, может быть, не так рьяно проводила свою политику, а со временем может быть как-то и ослабить ее позиции. И, более того, Китай, наверное, будет держать в стратегический курс на то, чтобы со временем ее сдвинуть с позиций лидера Японии.

Но и с тем же Трампом, как Вы понимаете, проблемы очень сложные. Да, он поддержал ее. В апреле Трамп едет в Китай, и в Японии существуют очень большие опасения по поводу, что Трамп и Си Цзиньпин могут достичь каких-то соглашений, каких-то сделок в ущерб Японии, в том числе и в сфере экономики. И не случайно Такаити уже едет 19 марта в Вашингтон, будет встречаться с Трампом, и там, конечно, будут заявления о дальнейшем укреплении и важности японо-американского военного альянса. Но она хочет, конечно же, прощупать и прозондировать почву, выяснить намерения Трампа в отношении Китая.

Опять же сейчас проходит информация о том, что какие-то подвижки начались в реализации обещаний Японии вложить 550 млрд долл. в экономику Соединенных Штатов. Да, это было сделано, об этом была договоренность, но все не так просто. Судя по всему, реализация этого проекта будет очень сложной, Японии, и лично Такаити, нужно будет предпринять все возможное, чтобы эти 550 млрд были вложены в экономику Соединенных Штатов, но не в ущерб, а с какой-то выгодой для самой Японии.

То есть перед Такаити стоит ворох проблем — и на внутривнутриполитической арене, и во внешней политике, и, главное, в реализации экономического курса. Потому что рынки тоже как-то непонятно реагируют: сначала, когда Такаити только объявила свою экономическую программу в ходе выборов, была негативная реакция, доходность государственных облигаций пошла вверх, иена пошла вниз, а как только произошла оглушительная победа Такаити — сразу индекс Nikkei ставит исторический рекорд. Это говорит о том, что у бизнес-сообщества пока нет четкого представления о том, какой же все-таки курс в сфере экономики будет проводить Такаити. Так что ей очень много придется еще решать проблем, и много еще неизвестного.

Рахматуллин И.В., аспирант МГИМО МИД России

У меня один комментарий относительно возможных внутривнутриполитических ограничителей на политический курс Такаити. Уже названы были такие факторы, как отсутствие большинства в палате советников, недопустимость продавли-

вания правящей коалицией через парламент законопроектов — это не принято в японской политической культуре, в Японии нельзя абсолютно не считаться с мнением оппозиции. Также была упомянута нестабильность рейтинга кабинета, который может обвалиться в любой момент вследствие непредсказуемых обстоятельств.

Я хотел бы отметить еще один фактор, о котором, мне кажется, еще не упомянули. Это необходимость соблюдения внутривнутрипартийного консенсуса и возможность оппозиции внутри правящей партии. На данный момент после выборов, после оглушительной победы, которая связывается с лидерством Такаити, многие эксперты отмечают то, что внутри правящей партии крайне сложно для кого-либо лично, в индивидуальном формате высказываться против курса Такаити. И в этой связи, например, профессор Накаита Кодзи из университета Тюо отмечает, что, возможно возрождение того, что раньше называлось *хабацу* (фракциями), но даже не в таком формате, но в формате определенных политических групп со схожими интересами и взглядами внутри правящей партии, которые могли бы служить противовесом курсу Такаити и ее взглядам.

И в подтверждение этого мнения можно привести уже два факта. Первое. Ивая Такэси, бывший министр иностранных дел в правительстве Исиба Сигэру, уже высказался в том плане, что намерен создать внутри ЛДП политическую группу, которая могла бы служить политическим тормозом, амортизатором, то есть выступать в той роли, в которой выступали раньше представители партии Комэйто, ныне вышедшей из коалиции, в случае, если курс Такаити, особенно ее внешнеполитический курс, пойдет, как он выразился, в неправильную сторону.

Но отмечу, что Ивая Такэси с давних пор оппонировал Такаити внутри партии, в том числе по вопросу, который представляет для нее очень большое символическое значение — это принятие законопроекта по защите государственного флага, который она пыталась продвигать еще будучи депутатом, но не смогла, в том числе из-за противодействия Ивая, который принадлежит к ближнему кругу бывшего премьер-министра Исиба Сигэру.

Кроме того, стоит обратить внимание на заявление бывшего премьер-министра Кисида Фумио. Выступая еще во время предвыборной кампании, он подчеркнул необходимость поддержания безъядерного статуса Японии, следования Трем неядерным принципам, включая принцип отказа от ввоза в Японию ядерного оружия, который в какой-то момент Такаити поставила под сомнение.

Я хотел бы также сказать, что внутри партии тоже не все поддерживают курс Такаити, несмотря на оглушительную победу на выборах. В целом Такаити изначально была, скорее, аутсайдером внутри правящей партии, а с ее предельно жесткой, даже по меркам ЛДП, позицией, у нее не было собственной, скажем так, «группы поддержки». Сейчас — это в качестве контраргумента — я скажу, что у нее может появиться такая возможность. За счет чего? Рекордное количество новых депутатов, которые в первый раз прошли в парламент, связывают свое прохождение, свою победу с лидерством Такаити. Их уже прессе некоторые называют *Takaichi children* — «дети Такаити».

В будущем (я не визионирую, а просто говорю, опираясь на знание японской политической культуры), это может создать *хабацу* — фракцию Такаити, то есть

людей, которые преданы лично ей, которые связывают свое восхождение с ней, что позволит ей, возможно, сохранить свое влияние и после того, как она покинет пост премьер-министра.

И еще одно короткое замечание. О временных ограничениях и возможных препятствиях на пути Такаити к осуществлению своих реформ. Во-первых, сентябрь 2027 г. — выборы председателя ЛДП. Вопрос о том, удастся ли ей сохранить свой высокий рейтинг, сможет ли она заручиться полной поддержкой партии, будет определять то, сможет ли она переизбраться. И второй временной пункт — это лето 2028 г., новые выборы в верхнюю палату. От их результата тоже будет зависеть политическое будущее Такаити и устойчивость ее правления.

Стрельцов Д.В., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России

Я хотел бы еще вот что сказать. Во-первых, по поводу итогов выборов: у нас сейчас так прозвучало, что это ну полная, безоговорочная победа, сокрушительная. Да, по результату это так, но нужно учесть следующее. Вот Леонид Анатольевич задавал не случайно вопрос о явке. То есть 44 процента японцев, имеющих право голоса, на избирательные участки, не пришли. И не проголосовали за ЛДП. То есть почти половина Японии ЛДП не поддержала. Кроме того, я специально смотрел ход голосования по отдельным округам. И по некоторым шла нешуточная борьба. Да, центристский блок проиграл. Но вот есть один из округов префектуры Эхимэ, я просто посмотрел цифры: за представителя ЛДП проголосовало более 100 тыс., а за представителя центристского блока около 80 тыс. избирателей. Центристский блок проиграл, эти 80 тыс. сгорели, но эти 80 тыс. голосовали вовсе не за ЛДП, а за центристский альянс. Конечно, такая борьба шла не во всех округах, у меня сейчас нет цифр поддержки, то есть сколько набрали та или иная партия или тот или иной депутат, представляющий определенную партию. Но если мы все возьмем, и это уже неоднократно бывало, вывод будет однозначный: несмотря на все эти «сокрушительные победы», на самом деле за ЛДП проголосовало абсолютное меньшинство японцев, которое конвертировалось в такое убедительное большинство в силу парадоксов мажоритарной системы, когда относительное большинство в округе означает победу и все голоса, которые шли за прочие партии, просто сгорают. Так что говорить о том, что вот Япония вся встала за Такаити тоже, наверное, было бы неправильно — это не президентские выборы.

Сейчас уже после выборов рейтинги Такаити уже начали падать. То есть было больше 70 %, а сейчас уже порядка 67 %. Японское общество все-таки плюралистическое, и говорите, что все они идут либо в одну сторону, либо в другую сторону — нет, все-таки есть определенное многообразие. Также по вопросу налога, того, о чем Валерий Олегович сказал: да, большинство японцев, конечно, хотели бы, чтобы отменили налог. Но вот такой факт. В Японии в парламенте есть такая партия — *Тиму мирай*. Она набрала, по-моему, 9 мест, а раньше у нее вообще ни одного места не было. Партия, выступающая за искусственный ин-

теллект, там в основном айтишники. Одна из причин того, что они с нуля набрали сразу в пропорциональном круг 9 мест, — это то, что они жестко критиковали снижение потребительского налога на продовольствие. Коммунисты критиковали, и вот эта партия критиковала. И многие японцы, понимая, что все эти лозунги «Отменим потребительский налог на продовольствие» просто лишены экономических расчетов, и проголосовали за *Тиму мирай*. То есть я к чему это говорю? Японское общество плюралистическое, и, несмотря на такой результат, там все-таки есть различные точки зрения на разные проблемы. А многие не любят ни Абэ, ни Такаити, ни ЛДП. И наверное, таких если не большинство, но значительная часть японского общества, это нужно тоже понимать.

Подытоживая сегодняшний семинар, я хочу подчеркнуть три вещи. Во-первых, это то, что итоги выборов в широком смысле означают правый поворот в японской политике, который давным-давно зрел, но он отражает глобальные тенденции в мире. Когда правые партии сейчас на коне, что ли, они пользуются популярностью и побеждают на выборах и в Европе, а в Соединенных Штатах приход Трампа — это тоже своего рода правый поворот. Когда в общем-то идет массовое разочарование либеральной повесткой, либеральными ценностями. И в Японии это выражается в том, что побеждает достаточно правый политик, популистский политик. Здесь нет ничего особенного для Японии, нет никакой уникальной ситуации. Можно только сказать, что японская молодежь склонна к правой повестке, поскольку японское общество очень малодетное, когда один ребенок всего в семье. Не к левой, а именно к правой, к правым партиям, которые предлагает простые решения сложных проблем. Это антиглобализм, это «правизна» такая, это национализм, замешанный на антииммиграционной повестке. И ЛДП в этом смысле перехватила инициативу у Сансэйто, которая не набрала того, что хотела на этих выборах, и, если бы не такой правый политик, как Такаити, наверное, Сансэйто бы получила гораздо больше мест в нижней палате парламента.

Кстати, говоря о том, что Илья Владиславович сказал по поводу внутрипартийной оппозиции в ЛДП: я тоже слышал такие оценки, что в ЛДП имеется очень сильное действительно недовольство Такаити, которое выражается в том, что есть такие прочные связи между представителями группировки Кисида, бывшего премьера, и Исиба, также бывшего премьера, который оппонирует Такаити. И они как раз имеют прочные связи с этим Центристским альянсом, в частности, с партией Комэйто. И в случае поражения или плохого выступления ЛДП речь даже шла о том, что они выйдут из ЛДП и перейдут в этот центристский блок, который станет правящей партией. Получился бы такой «третий полюс» — между либералами и правыми — на основе центристской группировки внутри ЛДП, которая сейчас отошла на задний план. Так что я с этим полностью согласен.

Теперь второй момент. Действительно, приход Такаити или победа Такаити в какой-то степени означают торжество популистских идей в Японии. Идей, ориентированных на харизматического лидера, который предлагает очень простые решения сложных проблем. Но это случается уже не первый раз в Японии. Мы помним, когда ДПЯ пришла в 2009 г. к власти тоже на лозунгах популистских, которые она не смогла реализовать. Здесь, по всей видимости, имеется оп-

ределенное сходство: это уже как бы дежавю. И в этом смысле вполне возможно, что эпоха Такаити также кончится столь же сокрушительным поражением ЛДП через три или три с половиной года, когда эти ожидания избирателей каких-то чудес, выраженных в предвыборных обещаниях, окажутся не реализованы.

И последнее, что я хотел бы сказать. Если мы говорим о внешней политике, действительно, Такаити олицетворяет такое, я бы сказал, ястребиное крыло в ЛДП, которое нацелено на усиление военного строительства, военной компоненты во внешней политике. Не случайно она, кстати, заявила, что будет посещать храм Ясукуни и сказала, что будет в Соединенных Штатах просить понимания со стороны американских партнеров в отношении ее визитов в Ясукуни. То есть это очень примечательное высказывание, которое означает, что Такаити сделала ставку именно на практически полное игнорирование мнения восточноазиатских соседей Японии. Если она будет демонстративно посещать Ясукуни в ранге премьер-министра, то это будет означать острый кризис в отношениях не только с Китаем, но и с Южной Кореей, и со странами Юго-Восточной Азии. Поэтому, конечно, это очень такой демонстративный жест. И еще она открыто поставила под сомнение принцип отказа от ввоза ядерного оружия, за что ее критиковала оппозиция.

И мне кажется, что за победой Такаити во многом стоят опасения, а если не опасения, то просто страх японцев остаться в одиночестве в условиях правления Трампа. Потому что Трамп действительно очень непредсказуемый политик, а Японии приходится считаться с настойчивой и напористой политикой Китая, с наличием ядерной Северной Кореи под боком, и в этих условиях без американцев, конечно, она в одиночку не сможет обеспечить свою безопасность. Все это прекрасно понимают, и не только молодежь, и в этих условиях, конечно, приход любого другого политика, кроме Такаити, означал бы все-таки, что в японо-американских отношениях будет определенная напряженность, если не кризис. Потому что, насколько я понимаю, Трамп воспринимает среди всего политического мира Японии только Такаити, наверное, знает только ее фамилию — как ученицы Абэ, с которой он уже встречался. И предположим, что если бы пришел вдруг Нода или какой-то другой политик, то тогда Трамп просто охладел бы к Японии, и многие саммиты бы пошли насмарку. А для Японии важно в нынешних условиях, конечно, покровительство со стороны Вашингтона. И многие японцы не то чтобы были готовы жертвовать своим чувством собственного достоинства, но понимают, что Япония должна в какой-то степени «прогибаться» под Америку с учетом такой беспрецедентной среды безопасности, в которой Япония оказалась. Япония вынуждена считаться с тем, что Трамп еще три года будет президентом и что нужно создавать у себя какую-то политическую систему, которая бы устроила Америку.

Гамза Л.А., старший научный сотрудник ИКСА РАН

Когда говорили о замечательных успехах Такаити на внешнем контуре за короткий период время после прихода к власти, конечно же, можно в качестве положительных, скажем так, моментов отметить ее успехи в налаживании отноше-

ний с Трампом и с лидером Южной Кореи. Но я хочу сказать, что она очень здорово проиграла, когда встречалась на последнем саммите АТЭС в Южной Корее с Си Цзиньпином, который в общем-то хотел наладить нормальные отношения и предоставил ей для этого прекрасную возможность. Она, к сожалению, этим не воспользовалась.

Тут можно гадать, почему это произошло. Но я хочу сказать, что здесь мы видим наглядный пример того, что значит роль личности в истории. Потому что продолжение упорства Такаити в противодействии Китаю, настаивание на том, что она не будет отказываться от своих слов и т. д. — все это на следующем саммите АТЭС, который пройдет в ноябре этого года уже в Китае в провинции Гуанчжоу может в конечном итоге привести к тому, что Си Цзиньпин не захочет с ней встречаться, и это будет означать очень большой удар по двусторонним отношениям.

А без нормальных отношений между соседями не только в области политики, но прежде всего в области экономики, конечно же, выживать Японии с таким лидером будет достаточно сложно.

Стрельцов Д.В., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России

Дорогие коллеги, хотел бы поблагодарить всех участников и на этом завершить этот семинар.

Поступила в редакцию: 05.03.2026

Принята к публикации: 10.03.2026

Received: 05 March 2026

Accepted: 10 March 2026

Научное издание

Японские исследования
№ 1, 2026

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Верстка:	С.Ю. Тарасов

Дата публикации	Март 2026 г.
-----------------	--------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 1, 2026

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	S. Tarasov

Date of issue	31 March 2026
---------------	---------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com